

В этом номере

ISSN № 0130-7045

ЧИТАТЕЛИ О ЖУРНАЛЕ

Обзор ответов на нашу анкету

А. ШАМАРО

МАРШРУТЫ И СУДЬБЫ

Ю. РЮРИКОВ

СЧАСТЬЕ ТВОЕЙ СЕМЬИ

Академики А. ОПАРИН,
Н. ЦИЦИН, А. ОКЛАДНИКОВ
отвечают на вопросы
наших корреспондентов

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Г. МЕДЫНСКИЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СПОРА

Л. УЛЬЯНОВ,
секретарь Псковского обкома КПСС

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОГО

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ

В ТУПИКАХ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

9 • 1979

Фото И. Бутеева,
Ю. Подкидышева
и А. Суткуса.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ
(главный редактор),
А. В. БЕЛОВ,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ
(ответственный секретарь),
И. М. КИЧАНОВА,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Р. Р. МАВЛЮТОВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
М. Н. МАСЛИНА,
М. П. НОВИКОВ,
А. Ф. ОКУЛОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова,
Технический редактор
С. В. Сегаль,
Корректор
Р. Ю. Грошева.

Макет
С. А. Виноградовой

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

© Журнал «Наука и религия», 1979.

НАМ 20 ЛЕТ

- 2 **А. Иванов.** Мнение наших читателей
- 6 **А. Шамаро.** Оглядываясь на минувшее двадцатилетие

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

- 10 **Ю. Рюриков.** Браки совершаются на земле
- 16 **Л. Мусаелян.** «Повернуть факты острейшей стороной»

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

- 18 **Л. Ульянов.** Утверждение нового
- 21 **В. Долгова.** Педагогика жизни
- 24 **Т. Банникова.** Клубы в цехах
- 26 **А. Белов.** Через годы...

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

- 29 **Г. Мединский.** Спор о вере
- 32 **А. Сулацков.** Рецидив непротивленчества

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

- 36 **А. Опарин.** Материя — жизнь — интеллект
- 38 **И. Цицин.** Конструкторы колоса
- 41 **А. Окладников.** Час прибытия

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- 44 **Л. Пашут.** Рафаэль
- В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА**

- 58 **Рука об руку**
- 59 **В. Гажос.** Проблемы секуляризации
- ЗА РУБЕЖОМ**

- 60 **М. Гольденберг.** В тупиках дезинформации

НАША ОБЛОЖКА

Зауны свадебного марша, веселое застолье, цветы, счастливые улыбки... С этого начинается новая, молодая семья. Но вот праздник позади. Наступают будни с их неизбежными заботами, проблемами, порой и неурядицами. Как провести семейную ладью между явными и скрытыми рифами? Как уберечь, сохранить чувство? В чем залог счастья и прочности семьи?

Прежде единственным авторитетом в этих вопросах считала себя церковь. Одна-

ко все поучения святых отцов практически сводились к одному: терпи, неси свой крест, поскольку все от бога, и семейное счастье тоже.

В наши дни уже мало кто уповает на помощь господа в делах семейных. Но сколько еще людей, и прежде всего молодых, надеются на авось, наивно полагая, что любовь сохранится и семейная жизнь как-нибудь сама собой сложится и, может быть, даже счастливо. Это, конечно, заблуждение. Только взаимные старания могут сделать семью крепкой, благополучной.

Читайте в номере статью Ю. Рюрикова «Браки совершаются на земле». Тема статьи посвящена и вторая страница нашей обложки.

В этом номере мы продолжаем публиковать роман венгерского писателя Ласло Пашута «Рафаэль» — о жизни и творчестве знаменитого художника Возрождения. Репродукции с картин Рафаэля помещены на третьей странице обложки.

МНЕНИЕ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВОТ УЖЕ 20 лет с самого начала издания журнал «Наука и религия», его редакция и редакционная коллегия держат тесную связь со своими читателями: проводят читательские конференции, публикуют письма, организуют по ним выезды специальных корреспондентов. Знание читателя, изучение его интересов, учет советов и предложений — залог того, что любое периодическое издание будет нужным и увлекательным для читателей, а его публикации — злободневными и эффективными.

В прошлом году, например, на страницы журнала было вынесено 53 письма. Из них 32 опубликованы без каких-либо комментариев от редакции. Наши читатели сообщали о проведении атеистических мероприятий, высказывали свое мнение о живучести различных суеверий, их вреде и путях преодоления, развенчивали миф о благотворной деятельности церкви, критиковали моду на ношение крестиков и т. д. Некоторые письма носили автобиографический характер, содержали размышления о жизни, о мотивах отхода от религии, о разительных переменах в жизни нашего общества после революции, ведущих к угасанию веры в бога. Многие письма — это отклики на опубликованные материалы, особенно на статьи и очерки, связанные с нравственными проблемами, с пониманием смысла жизни и назначения человека, с конкретными судьбами людей. Больше всего таких откликов вызвали очерки Л. Графовой, Г. Медынского, Е. Лосото, Н. Бианки, И. Баллод.

Было опубликовано два обзора читательских писем — «Что волнует наших корреспондентов» и «О чем нам пишут». По ряду писем в командировки выезжали специальные корреспонденты журнала. Так, родился, например, очерк В. Харазова «Одиссея Виктора Гарбузова» — о бывшем религиозном проповеднике, а ныне знатном строителе города Красноярска. Были напечатаны «Злая разлучница» А. Белова — размышления над письмами читателей о том, как порой вера в бога мешает людям создать семью или рушит созданную, интервью с заведующей отделом загс исполкома Моссовета С. И. Кулаевой «Торжественно и празднично» и другие публикации.

В последние 10 лет редакция журнала трижды (в декабре 1968, 1974 и 1978 гг.) предлагала своим читателям анкеты; в ответах на помещенные там вопросы они могли сообщить свое мнение о содержании и оформлении журнала, его рубриках, публикуемых материалах, высказать советы и предложения о дальнейших публикациях. Демографические данные о наших читателях, полученные по анкетам разных лет, в общем, совпадают, а высказанные советы и предложения идут примерно в одном русле, поэтому можно считать, что они дают в основе своей достаточно достоверную картину. Думается, читателям журнала будут интересны эти данные (во многих ответах на анкету высказана такая просьба).

Возьмем основные демографические характеристики. Читатели, ответившие на последнюю анкету,

по полу распределяются так: 62 процента мужчин и 38 процентов женщин. По возрасту процентное соотношение таково: до 18 лет — 17,6; до 30 лет — 18,2; до 50 лет — 26,6; свыше 50 лет — 37,6. По образованию: начальное и незаконченное среднее — 24,6; среднее и среднее специальное — 35,6; высшее — 39,8. Если взять последние два демографических признака, то можно сделать общий вывод, что журнал читают люди разного возраста и с различным образованием, хотя отдельные их категории иногда значительно разнятся по величине. К примеру, читатели до 30 лет составляют свыше трети. Если же из общего количества ответивших на анкету вычесть тех, кто находится на заслуженном отдыхе, то 86,4 процента составят читатели, которые либо учатся, либо активно трудятся на производстве. Интересны и такие данные: 13,5 процента среди ответивших на анкету — учащиеся и 13,5 — пенсионеры. Что касается образования, то 75,4 процента из числа ответивших имеют среднее, среднее специальное и высшее образование.

Подавляющее число ответов (85,8 процента) получено от рабочих промышленных предприятий, строков и работников сельского хозяйства, инженеров и техников, учителей и учащихся, служащих и студентов, медицинских работников. Среди ответивших представители 21 специальности.

По республикам ответы на анкету читателей распределялись следующим образом: Российская Федерация — 45,7; Украина — 43,2; Белоруссия — 4,5; Казахстан — около 3 процентов.

Наши читатели, судя по ответам на анкеты и по письмам, относятся к своему журналу как к доброму другу, по заслугам (пожалуй, даже несколько завышенно) оценивают его работу. В ответах на анкету и в письмах содержатся дельные, умные советы, предложения и критические замечания. Читатели ждут содержательных и интересных публикаций, добротного и разнообразного чтения.

Возьмем оценку отдельных рубрик. Как понравившиеся читатели выделили 19 рубрик. Каждая из них получила от 8 до 50 процентов положительных отзывов. Больше всего их приходится на рубрики «Литература, искусство», «История и современность», «Религия, церковь, верующий», «Духовный мир человека», «За рубежом», «Земные корни сверхъестественного», «Читатель сообщает, советует, спрашивает», «Праздники, обряды, традиции».

Из публикаций прошлого года многим читателям понравились юбилейные материалы о Л. Н. Толстом, роман Е. Сергиенко «Штрафной батальон», пьеса А. Осипова «Внутренний взрыв», очерки, статьи и корреспонденции: Л. Графовой — «Путь к себе» и «Уроки оптимизма», Е. Лосото — «Три сестры и шесть братьев», И. Баллод — «Душа рвется к людям», Л. Аркадзева — «Всем смертям назло», Ю. Ильинского — «Улица Опальной юности», Г. Медынского — «Воспоминания», А. Шамаро — «Иван Великий» и «В полдень весеннего

дня», Н. Троицкого — «Палач, стократ милее...», Д. Соколова — «Злой рок семьи Селезневых», И. Григулевича — «Непогрешимый», «Апостол мира» и «Ослепленный антикоммунизмом», Л. Борисоглебского — «Божьи дети — кто они?» и ряд других.

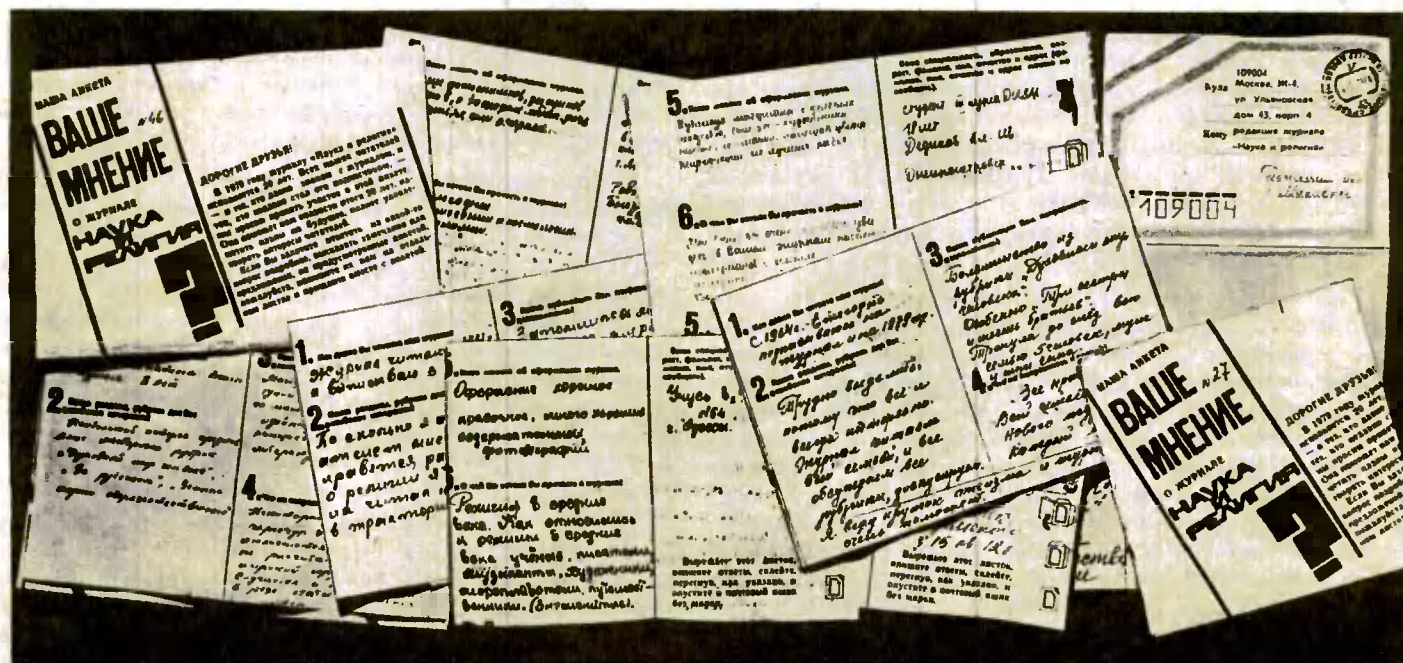
Многое в журнале вызывает и нарекания читателей, их справедливую критику. Если суммировать критические замечания и советы читателей, то их можно свести к следующему. Многие читатели недовольны крупными по объему и к тому же сложными по содержанию и изложению статьями по естественнонаучным, философским и социальным проблемам. Читатель с Украины, в прошлом механизатор, а ныне пенсионер, пишет по этому поводу: «Для сельского читача ваша философия, як кажуть, не по карману». И действительно, журналу еще нужно многое сделать для популярного изложения сложных научных и социальных проблем. Обходить их он не вправе, они имеют большое значение для формирования научного мировоззрения и атеистических убеждений, но доносить их до читателя просто и доходчиво он обязан. Вызывают нарекания читателей и публикации, как они их квалифицируют, без атеистической окраски, без атеистического оснащения. Журнал не может жить, как говорят, вне времени и пространства, не касаться общих социально-политических, научных и идеологических вопросов. Тем более, что борьба между наукой и религией всегда велась и сейчас ведется по тем вопросам, которые в разных сферах жизни злободневны для человечества. Однако редакция должна связывать освещение общих проблем с атеистическим профилем журнала, с его основным направлением, а освещение атеистических проблем, узкоантирелигиозных вопросов — в свою очередь с общими социальными, политическими и идеологическими проблемами, которые решают партия, государство, общество.

Не удовлетворяет читателей, прежде всего пропагандистов атеизма, и то, как журнал освещает

практику, опыт атеистического воспитания. Читатели справедливо пишут, и это совпадает с мнением редакции и редколлегии, что материалы по опыту атеистического воспитания, его различным формам, по развитию советской гражданской обрядности должны, с одной стороны, нести необходимую конкретную информацию, факты, примеры и т. д., а с другой — содержать методические советы, как проводить то или иное мероприятие, использовать ту или иную форму работы. Редакция, да и читатели понимают, что делать такие публикации содержательными, методически оснащенными и к тому же интересными и читабельными очень трудно, но делать это необходимо. С помощью пропагандистов, практических и научных работников, заинтересованных читателей редакция будет стремиться к тому, чтобы поднять уровень освещения этих важных вопросов.

Некоторые читатели обращают внимание на то, что иногда в публикациях журнала содержатся общеизвестные, набившие оскомину поучения, трафареты, упрощенчество, проскальзывает нетактичность по отношению к верующим и священнослужителям, появляются литературные произведения низкого художественного уровня, не всегда оперативно публикуются статьи, разоблачающие использование религии в идеологической борьбе, в политических целях, нередко остается без объяснения специальная терминология и т. д.

Критические замечания высказываются и по художественному оформлению журнала, его техническому редактированию. Читатели обращают внимание на плохие фото, неряшливые рисунки, на то, что много текста печатается на сером и черном фоне, мелким шрифтом, что затрудняет чтение. Эти, как и некоторые другие недостатки в работе редакции будут устраняться. Что ответить на просьбы читателей давать цветные иллюстрации? При нынешнем способе печати журнал может помещать их только на второй и третьей страницах обложки. Если удастся решить вопрос о цветной вкладке, о

чем также просят читатели, то положение с цветными иллюстрациями несколько поправится.

Что касается художественного и технического оформления журнала в целом, то подавляющее большинство читателей им довольны. Они отмечают строгость и традиционность в оформлении журнала, что соответствует его содержанию; он не может быть подвержен в этом изменчивой моде. Вычурность и броскость ему противопоказаны. Приведем слова одной нашей читательницы, архитектора по специальности: «Журнал научно-популярный, атеистический, поэтому данное оформление хорошее». Работники редакции согласны с этими мнениями читателей.

В ответах на вопросы анкеты наши читатели не только хвалили или критически оценивали те или иные публикации, но и охотно сообщали, о чем они хотели бы прочитать на страницах нашего журнала. Перечислить все предложения, вполне понятно, нет возможности. Скажем лишь об основных направлениях читательских пожеланий.

Большинство просьб связано с всесторонним критическим анализом религии: истории возникновения и содержания различных религиозных направлений, верований, священных книг (особенно Библии и Корана); современного состояния традиционных религиозных верований в различных странах, внецерковной религиозности и ее влияния на людей, особенно на молодежь в капиталистических странах; истории борьбы науки и религии и роли религии и отдельных ее деятелей в истории и в духовной жизни различных народов; религиозных традиций, праздников и обрядов, таинств и церковного календаря; модернизации религиозной идеологии и изменений в современном религиозном сознании и т. д. Читатели просят больше писать о художниках и музыкантах прошлого, обращавшихся к религиозным сюжетам, разбирать созданные ими на религиозные темы живописные и музыкальные шедевры, об архитектурных памятниках, связанных с религиозным культом, об истории церковного искусства и нерелигиозных мотивах в нем.

Многие читатели интересуются историческими темами — как нашей страны, так и других государств и народов: историей свободомыслия и атеизма, различными малоизвестными фактами и событиями, связанными с борьбой свободомыслия и религии, атеизмом и свободомыслием философов, ученых, писателей, художников прошлого. В некоторых анкетах называются конкретные люди, события, проблемы. Все это редакция постарается учесть в своей работе.

На одно из первых мест читатели ставят необходимость освещения нравственных проблем религии и атеизма, в целом формирование духовного мира человека. И это вполне естественно. Сама религия представляет собой определенный моральный кодекс, по которому верующий должен строить свое поведение, свои взаимоотношения с людьми. Часто верующие и священнослужители пытаются объяснить различные аморальные и антиобщественные поступки людей, особенно молодежи, отсутствием христианского нравственного воспитания. Да и некоторые люди приходят к религии на путях поиска нравственных принципов жизни и начинают считать религию определенной системой моральных

жизненных координат. Редакция намерена и дальше продолжать широко освещать проблемы духовного мира человека, смысла человеческого бытия, публиковать рассказы о конкретных судьбах людей, поисках ими нравственных идеалов, их высоко-нравственных делах, их человеколюбии, душевной щедрости; показывать, что существующее зло должно изживаться, а его носители наказываться. Некоторые наши читатели так выразили необходимость освещения нравственных проблем: «Пишите больше о добре и горе».

Читатели журнала — пропагандисты атеизма высказывают много пожеланий по улучшению освещения вопросов методики и практики атеистического воспитания. Выше уже говорилось об основных недостатках публикаций такого рода. Назовем здесь темы, которые предлагают освещать читатели. Прежде всего это коммунистическое, в том числе и атеистическое, воспитание детей, подростков и молодежи: об опыте атеистического воспитания в школе и производственно-технических училищах, средних специальных учебных заведениях и вузах, о работе с верующими детьми и их родителями. Содержательнее и интереснее просят читатели писать об организации атеистического воспитания в различных производственных коллективах, об опыте этой работы различных общественных организаций, культурно-просветительных учреждений, отдельных лекторов и пропагандистов, публиковать их лучшие выступления.

Интересуют наших читателей и вопросы развития различных отраслей науки, их достижения в познании окружающего нас мира, в опровержении иллюзорного религиозного миропонимания. Они предлагают обстоятельнее и популярнее писать о достижениях в освоении Космоса, в познании Вселенной и микромира, человека и его сознания, о достижениях сельскохозяйственной науки и практики, медицины, археологии и других наук, которые имеют большое мировоззренческое, атеистическое значение.

К этому органически примыкают настоятельные предложения читателей систематически освещать вопросы, связанные с суевериями, знахарством, предрассудками, с различными «таинственными» явлениями человеческой психики, с бытом и нравами народов в истории и в современных условиях, о моде на религиозные атрибуты и т. д.

Просьбы ряда читателей связаны с улучшением публикаций на зарубежные и контрпропагандистские темы: об использовании религии в идеологической и политической борьбе против стран социализма буржуазными деятелями, об идеологических диверсиях под прикрытием религии, о подрывной деятельности религиозной эмиграции, о религиозном обосновании международного сионизма и т. д. Просят читатели улучшить рубрику «Литература, искусство», больше публиковать содержательных и высокохудожественных повестей, рассказов, пьес, рецензий на спектакли и кинокартины.

Приведем два ответа на анкету, чтобы можно было почувствовать содержательность, тон и характер ответов читателей. З. П. Грошева из Семипалатинска, сверловщица по специальности, пишет, что читает журнал только с января прошлого года. Наиболее интересны для нее рубрики: «Литерату-

ра, искусство», «Праздники, обряды, традиции», «История и современность», «Религия, церковь, верующий», «Читатель сообщает, советует, спрашивает». Понравились ей очерки о замечательных людях Ирины Триус, Марии Саратовой, о героях войны, исповеди бывших верующих, материалы о Л. Н. Толстом, Н. А. Некрасове, роман Е. Сергиенко «Штрафной батальон». 1979 год — Год ребенка, пишет читательница, и хотелось бы прочесть о наших маленьких эрудитах, а также о нашей прекрасной земле и ее замечательных людях, о загадках природы, о Космосе и Вселенной.

Доцент кафедры философии Ташкентского института народного хозяйства товарищ Ирбутаев пишет, что читает журнал с 1959 года. Ему оказывают помощь различные разделы журнала, он ис-

пользует его публикации для подготовки лекций по философии для студентов и для популярных лекций и бесед среди населения. Ирбутаев советует редакции чаще выступать с материалами о воспитании студенческой молодежи, о положении религии за рубежом, особенно в странах Азии и Африки.

В заключение мы благодарим всех читателей, приславших свои ответы на анкету, сообщаем, что мы их проанализировали, обсудили в коллективе редакции, на редколлегии и учтем советы и предложения в планах своей работы. Желаем вам, уважаемые читатели, добрых дел и доброго здоровья.

А. ИВАНОВ,
главный редактор журнала

ДОПОЛНЕНИЯ К АНКЕТЕ

...Религия утверждает, что все живое и саму Землю создал бог. Допустим. Но кто же тогда создал бога? Журнал я не выписываю, ответьте мне письмом.

ВОЛКОВА Лариса,
ученица 8 класса
г. Алексеевка

...Мне не понравилось, когда писали о священнике, который десятки лет поучал верующих, а потом вдруг сам прозрел. Что же, эти мысли не приходили ему разве раньше? Не поверю, что человек с университетским образованием мог долгие годы оставаться слепым...

Херсонская область,
с. Новоалексеевка

АЛЕКСЕЙ

...Побольше печатайте про монахов и монашек, про святых отцов, про их жизнь, как они наживались и наживаются на бедных верующих — старичках и старушках. Напечатайте в журнале пояснение к Откровению Иоанна Богослова, о чем там написано, чтобы можно было подробно пояснить верующему человеку, что никакое это не пророчество.

Ф. ГАЛАЙДИЧ,
Харьковская область,
п/о Червоный Жовтень

...Когда читаю в вашем журнале, что кто-то кого-то вовлек в секту, то сразу же думаю: а куда смотрел комсомол? В нашем городе моментально обратили бы внимание на подобный случай. Никто у нас не верит в бога, в загробную жизнь, а страшный ад и пекло мы пережили в оккупации. Все то, что мы пережили в войну, отварило сердца от мысли о бже. Где же он был, если он был, когда нашу маму живьем закопали, а было ей

всего лишь 42 года? Что же, нужно верить, что она, мученица, теперь в раю?

Брянская область,
п/о Старые Бобовичи

М. Н.

...Хочу предложить вам, чтобы вы открыли новую рубрику: «Жизнь замечательных людей», где освещали бы не только жизнь и деятельность великих ученых, но и их взгляды, отношение к религии...

г. Рязань

Н. ФАТКИН

...Неплохо было бы прочитать на ваших страницах рассказы и очерки о неверующих священниках. Они есть. Что же заставляет их служить религии, если сами они в душе своей уже утратили религиозность?

г. Днепропетровск

Л. ГИНЗБУРГ

...Мало, на мой взгляд, у вас материалов по критике православной церкви. А ведь скоро 1000-летие крещения Руси, и церковнослужители уже ведут подготовку к этой дате.

Преподаватель физики
г. Москва

...Смелее выступайте против примитивизма в новых обрядах и праздниках, против дублирования религиозных, приспособленчества к ним. Например, праздник «Русская березка», проводимый на троицу, льет воду на церковную мельницу.

Кировская область,
поселок Юрья

П. СМЕРНОВ

...Хорошо бы усилить популяризацию шедевров изобразительного искусства, работ великих мастеров прошлого; чаще прибегать к библейской тематике. Это

способствовало бы росту духовной культуры ваших читателей. Опубликуйте фрагменты из сочинений Вольтера, Дидро, Эразма Роттердамского и других великих атеистов.

г. Ленинград

В. БЕРЕЗИН

...Юбилей не только у журнала, но и у меня: в этом году исполняется 20 лет, как я его читаю. Наиболее интересны мне материалы о происхождении религий. Нравятся и просто исторические статьи. Хотелось бы прочитать в атеистическом освещении о том, как происходило крещение Руси, — я очень мало об этом знаю. Больше печатайте критических статей, не боясь обидеть верующих. Они в конце концов скажут вам спасибо.

Таджикская ССР,
г. Орджоникидзебад

А. ОГНЕВА

..Объясните в журнале такое. Почему в народе говорят, что посеять все надо до троицы, а сено носить лишь после петрова дня? А почему нельзя носить раньше, если трава уже высокая? Откуда здесь связь с религией?

Учитель русского языка
и литературы
Кемеровская область

...Я, давнишний и постоянный ваш читатель, рассказывал товарищам на работе, о чем прочитал у вас. Товарищи так привыкли, что спрашивали: «Что пишут нового в твоём журнале?» И хотя мое образование не такое уж большое, я гордился тем, что стал будто бы вашим пропагандистом, и радовался, когда мог пересказать интересную статью, очерк или рассказ. Потом товарищи сами стали выписывать.

г. Северодвинск

М. ГАРИФУЛЛИН

Осень 1962 года... Малый Енисей (по-тувински Ка-Хем), в слиянии которого с Большим Енисеем рождается одна из величайших рек мира. По скалистым берегам Ка-Хема, полноводного, стремительного и порожистого, лежит путь в глубины Восточной Тувы — величественный и прекрасный горно-таежный край, где еще в предреволюционные годы возникли крохотные поселения си-бирских старообрядцев.

Александр ШАМАРО

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА МИНУВШЕЕ ДВАДЦАТИ- ЛЕТНЕ

● «Место работы»... Сколько раз за последние 20 лет, заполняя бесчисленные гостиничные листки и авторские карточки, писал я в этой графе: «Редакция журнала «Наука и религия»! Но точен ли такой ответ? Не слишком ли узко обозначено им реальное место работы разъездного корреспондента? Наверное, правильнее было бы писать: вся страна и один старинный дом в центре ее столицы. Страна, изъезженная вдоль и поперек с командировочными удостоверениями нашего журнала, и многоэтажный дом в тихом старомосковском переулке — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР, называемая в просторечии «Историчкой». Ее уникальные книжно-журнальные сокровища подсказали не один десяток адресов, помогли проложить не один десяток маршрутов: для того чтобы журналистские путешествия были интересными и плодотворными, необходимо перед отправлением в путь

основательно посидеть в читальном зале.

И под небом дальних странствий, и под потолком читального зала все эти годы шла работа над одной и той же фундаментальной темой. История России и ее духовная культура; история русской православной церкви и многочисленных ответвлений от ее ствола; древнерусское искусство и народное устное поэтическое творчество; русская литература и русская живопись... Перебирая в памяти все, что было написано, я задумался над вопросом, который прежде, в рабочей текучке, как-то не вставал передо мной: в есть ли какая-то главная идея, пронизывающая эти очерки, статьи и корреспонденции? И если она есть, можно ли сформулировать ее так же кратко, как сформулирована кардинальная тема?

Наверное, есть... Неосуществимость религии в человеческой жизни; говоря точнее — неосуществимость христианства, а еще точнее — неосуществимость православия в России, в ее духовной культуре, в жизни ее народа вот уже на протяжении почти тысячи лет.

Если собрать воедино исторические доводы и примеры, подтверждающие и иллюстрирующие эту главную атеистическую идею, то можно было бы составить многотомную энциклопедию. На страницах журнала мне довелось писать о некоторых из них.

● Дорога в Киев за эти 20 лет стала, естественно, одним из самых проторенных путей разъездного корреспондента журнала «Наука и религия». Но всякий раз в утренний час, когда московский скорый, преодолевая последние километры, гулко погромыхивает уже по мосту через Днепр, меня охватывает чувство волнения, восхищения и гордости. За вагонными окнами открывается величественная и прекрасная панорама днепровских откосов с могучим златоглавым столпом лаврской колокольни на гребне и белеющими в густой зелени у самой реки храмами Выдубицкого монастыря.

В этом странном, на первый взгляд, названии запечатлены достопамятные

события тысячелетней давности — легендарная история низвержения князем Владимиром языческих идолов в год принятия христианства — по церковной терминологии, в год «крещения Руси». Деревянный истукан Перуна, по повелению князя сброшенный с высокого холма, поплыл по Днепру, сопровождаемый плачем и горестными кликами его почитателей. «Выдыбай, Перуне!» — в отчаянии вопили они с крутых берегов. Поднимись, воспрянь, наш всемогущий и грозный Перун, покажи, что ты — бог!.. И там, где стоит Выдубицкий монастырь, этому упованию на чудо, как показалось всем, суждено было исполниться: речной поток прибил истукана к отмели, и он словно начал выползать на прибрежный песок. Но — прискакали дружинники и, исполняя княжеский приказ, оттолкнули Перуна от берега. Вскоре он скрылся из глаз на днепровских просторах.

Православие могло торжествовать победу над «богомерзким язычеством». И уже ничто, казалось бы, не мешало ему безраздельно утвердиться во всех областях человеческой жизни — и общественной, и духовной, и семейной, и личной. Ничто, казалось, не препятствовало его полному осуществлению в новой огромной стране под названием Русь.

Ничто не препятствовало, в частности, направить поток народного художественного творчества в церковное русло. Но рано было торжествовать победу. Не составило труда сбросить и уничтожить идолов, но невозможным оказалось уничтожить, истребить былин и песни, предания и сказки, скомошеский театр и бриллиантовые россыпи пословиц — одним словом, народное мировоззрение. И художественный гений народа Древней Руси прорыл для себя осьюе, нецерковное русло; по нему устремился в грядущее — к нашим временам могучий поток устного поэтического творчества с его сердцевинной — былинным эпосом. Работа над этой проблемой — исследование сокровищницы былин и сокровищницы пословиц — доставила мне большую радость, подлинное эстетическое

наслаждение. Навсегда запомнились слова В. Г. Белинского о богатырстве, как называли в народе былинный эпос: «Русская народная поэзия кипит богатырями... Эта отвага, это удайство и молодечество... являются в таких широких размерах, в такой несокрушимой силе, что пред ними невольно преклоняешься...» Тысячелетняя русская народная поэзия кипит еще и решительным неприятием, отвержением православной набожности, бесстрашной насмешкой над попами, монахами и всем духовным сословием и поразительно здравым смыслом, который иначе как стихийным атеизмом не назовешь.

● Историки русской православной церкви давным-давно и — надо им отдать должное — в совершенстве овладели искусством целенаправленного высвечивания выигрышных для церкви периодов отечественной истории. Мы порой даже не замечаем этого приема. Устремив — в силу длительной привычки — взоры туда, куда издавна были направлены «прожекторы» благочестивого внимания, мы не всматриваемся в те события и эпохи, которые апологеты церкви сочли за благо обойти молчанием.

Например, все церковно-исторические «светильники» и по сей день нацелены на период, ограниченный серединой XIV — концом XV века, когда церковь принимала участие в национально-освободительной борьбе Руси против золотоордынского владычества. Вот, дескать, доказательство благотворного влияния христианства на исторические судьбы народа: православие, в силу своей монотеистической сущности, объединяло, сплачивало Русь. Но более ранний период такой же примерно продолжительности, завершающийся кроваво-огненным рубежом Батыева погрома (1237—1240 гг.), церковные апологеты и по сей день предпочитают оставлять в густой тени. То было время княжеских междоусобиц, обескровивших и разваливших еще недавно единое и могущественное древнерусское государство накануне величайшей угрозы — монголо-татарского нашествия. Православная церковь оказалась бессильной прекратить княжеские распри, заставить князей отрешиться от мстительной ненависти друг к другу и сплотить дружины в общерусскую рать даже тогда, когда Батыевы орды уже топтали родную землю.

Случилось это прежде всего потому, что церковная организация была плотью от плоти феодальной государственности. И Киевская митрополия распалась на полтора десятка епархий вслед за тем, как Киевское государство распалось на полтора десятка фактически независимых княжеств. И никакое единобожие не могло, разумеется, противостоять ходу социально-экономического и политического развития. Было время, когда Древняя Русь, несмотря на языческое многобожие, стояла единой и несокрушимо сильной; и язычник Олег, как гласит предание, повесил щит победителя на врата цитадели всеянского православия — Константинополя. И — увы! — пришли времена, когда язычник Батый, разгромив поодиночке, одно за другим, разобоченные русские княжества, испепелил цитадель древнерусского православия — Киев.

Мысли эти вызрели в дни одной из

журналистских экспедиций — путешествия «Дорогой давнего лихолетья», по полям сражений русских дружин с монголо-татарскими полчищами.

Можно сказать, что история — великая безбожница. История любого народа, любого государства, в данном случае — истории России. Реальное ее развитие, ход событий — и больших, и малых, и трагических, и быть может, комических — постоянно раскрывают полнейшее бессилие «небесного заступничества», тщетность религиозных упований и надежд. Вернемся на «Дорогу давнего лихолетья», в древние города Руси — Рязань, Владимир, Киев. Осада их завершилась одним и тем же трагическим эпизодом: тысячи жителей — женщин, детей, стариков, уповавших на спасение в стенах кафедральных соборов (казалось бы, уж где-где, но тут-то должны проявить себя всемогущие «небесные покровители» народа православного!), гибли там в огне и под мечами завоевателей.

Можно сказать даже, что история — великая безбожница, наделенная ярко выраженным даром разящей иронии, любительница убийственных — для религиозной веры — хронологических совпадений. В предыдущем номере журнала, в очерке об Успенском соборе Московского Кремля, я попытался составить нечто вроде календаря таких примечательных дат: уничтожение Москвы крымским ханом в день «вознесения господня» в 1571 году; троицкий пожар 1737 года, истребивший десятки московских церквей; успенский мороз 1601 года, повлекший за собой чудовищный трехлетний голод на Руси; уничтожение Батыем Киева в день прославления популярнейшего святого Николая чудотворца (6 декабря 1240 г.).

Просматривая написанное за минувшие 20 лет, я убедился в том, что такой календарь можно было бы значительно расширить. Например, вписать в него 4 сентября — праздник иконы божьей матери «Неопалимая купина», одной из двухсот «чудотворных», внесенных в современный православный церковный календарь. Большинство их имеют вполне определенную «специализацию». «Неопалимая купина» (несгорающий куст, в переводе с церковнославянского), как нетрудно догадаться, имела, так сказать, «противопожарное» назначение. Об этом прямо и недвусмысленно сообщал посвященный ей акафист: «От огненного запаления и молниеносного грома жилища наши спасаеши». Акафист, который пели, в частности, в московских храмах, в упомянутый сентябрьский день ежегодно. Ежегодно, кроме 1812 года. Ибо как раз 4 сентября 1812 года апокалипсический «наполеонов пожар», вспыхнувший двумя днями прежде и утихший двумя днями позже, испепелил Москву, в которой из 9151 дома сгорело 6496. Только вслушайтесь в это — с точки зрения религиозной веры — кощунственное и безбожное сочетание таких слов: «неопалимаковский пожар»!..

● В Ростове-на-Дону, в областном краеведческом музее, хранится старинное воинское знамя с нашитым на полотнище восьмиконечным «раскольниковым» крестом. Это «знамя Игната» — Игната Некрасова (или Некрасы), одного из сподвижников Кондратия Булави-на — руководителя народного восста-

ния на Дону в начале XVIII века. Вместе с мятежными казаками — «некрасовцами» — зная это прошло долгий и удивительный путь: потерпев поражение в боях с царскими войсками, казаки унесли его во владение султанской Турции и хранили более двух веков. Осенью 1962 года тысяча их далеких потомков на теплоходе вернулись в Россию.

Если присмотреться к историческому стягу, можно заметить, что у основания креста полотнище прорытено пулей. Разумеется, нет ничего удивительного в том, что вражеская пуля пробила боевое знамя. Но, по легенде, отметина эта имеет совсем иное происхождение.

Когда год спустя после возвращения некрасовцев в Россию я побывал у них в гостях на востоке Ставропольского края, мне довелось услышать от старых казаков такое предание. Казаки во главе с Игнатом под натиском карателей отступили в пределы Турции, и султан потребовал от атамана клятвы в верности. Видимо, одних клятвенных слов стамбульскому властелину было мало, и он приказал: «Поклянись, Игнат, на своем знамени, стрельни в него, тогда поверю!» Трудно было Некрасе-батюшке, повествуя «бывальщина», да что подделаешь? Куда девать народ-то? Назад в Расаю хода нет — царица с войском стоит. Подумал-подумал Игнат, снял шапку, перекрестился и стрельнул в святое знамя, да и прострелил его ради спасения народа...

«Ради спасения народа»... Если «бывальщина» запечатлела реальное событие, то этот старинный казачий стяг с нашитым на нем крестом с полным правом можно было бы назвать знаменем победы человеческого начала над религиозным, земного над «небесным», мистическим... Как и те два самоделных креста из лыж, о которых шла речь в очерке «Крест в ледяной пустыне». В начале нынешнего столетия эти кресты были поставлены в Арктике и Антарктике над могилами бесстрашных полярных исследователей — русского Георгия Седова и англичанина Роберта Скотта.

Крест из лыж... Символ христианского смирения и благочестивой покорности судьбе, связанный из лыж погибшего героя — средства его мужественной борьбы во имя науки, во имя земного человеческого блага. Можно ли вообразить более убедительный пример извечного противоречия между религиозной символикой и ее реальным, жизненным наполнением?!

● Религиозная символика окружает каждого из нас в повседневной жизни куда более плотно, чем многим кажется, представляется. Можно сказать, что мы имеем с ней дело почти на каждом шагу — видим, слышим ее в названиях городов и сел, улиц и переулков, в именах людей, в названиях творений древнерусского зодчества и живописи и т. д. Все эти названия и имена воспринимаются нами как чисто условные обозначения, подобно уличным номерам или почтовым индексам. Но ведь это — не цифры, за ними стоят конкретные церковные легенды — жизни святых, сказания о «чудотворных» иконах и т. д. И мы всякий раз раскрываем вопиющее несоответствие между жизненной, человеческой реально-

стью, как исторической, так и современной, и ее религиозно-церковной оболочкой; между реальными событиями и судьбами и теми, так сказать, религиозными знаками, эмблемами, которыми они отмечены в нашей памяти, в нашем восприятии.

Одно из убедительных тому подтверждений — колокольня Ивана Великого. Воскресите в памяти этот величественный златоглавый столп — архитектурный символ русского народа, гордо возвышающийся в Московском Кремле подобно былинному богатырю в золоченом шлеме, и поставьте мысленно рядом с ним того Ивана, от которого, в конечном итоге, и пришло к памятнику его название. У подножия колокольни возникнет, как призрак, выскохший до состояния едва живой мумии раннехристианский отшельник — преподобный Иоанн Лествичник, прозябавший в пустыне 60 лет. Имя этого праведника нынешняя колокольня получила по наследству от более раннего кремлевского храма. А тот в свою очередь — от московского князя Ивана Даниловича, нареченного Иваном по святым в соответствии с православными предписаниями: дата рождения определяет имя новорожденному и указывает православному на его «ангела» — жизненный образец, которому тот должен следовать. Сопоставление русского князя Ивана Даниловича, прозванного Калитой, целеустремленного и энергичного, много сделавшего для усиления и возвышения Москвы, — с мифическим праведником Иоанном Лествичником производит столь же сильное впечатление, как и сопоставление этого святого с носящим его имя храмом. Конечно, Иван Калита чтил своего «ангела» (в честь него даже каменную церковь выстроил), надо полагать, часто молился пред его образом, но жил совсем не так, как тот пустынник.

Как бы ни жили наши предки, кем бы ни были, чем бы ни занимались, — образцы христианской праведности, запечатленные в житиях их «ангелов», как правило, не имели для них никакого значения.

В течение долгих веков почти безраздельного идеологического господства православие на Руси, казалось бы, проникло во все сферы жизни. Но человеческая жизнь обтекала религиозные идеалы и заповеди, предписания и запреты, подобно полноводной и стремительной реке, обтекающей замшелые камни, — и религиозные символы неотвратимо превращались в условную оболочку земной, человеческой сути, демонстрируя этим еще раз неосуществимость православия в жизни русского народа.

Да что говорить о «мирской жизни», если православию не удалось утвердить себя даже в той социальной среде, которая благодаря ему и возникла, — в церковном сословии, в мире профессиональных служителей культа. В старой России была создана всеобъемлющая система религиозного воспитания народа — целая пирамида, с церковно-приходскими школами и духовными училищами в основании и духовными семинариями и академиями в верхнем ярусе и на вершине. Трехъярусная пирамида духовного образования — училища, семинария, академия — не только насыщала потребность церкви в приходских батюшках и миссионерах, но

и должна была, фильтруя особо одаренных, готовить в стенах академий светил богословской премудрости и столпов церковной администрации. Но зачастую самые одаренные, пройдя все или почти все ступени духовной школы, отказывались принимать священнический сан или монашеский постриг, порывали не только с церковью, но и с религией, становились убежденными атеистами, учеными-материалистами и даже аставали на путь революционной борьбы. Например, из стен Пермской духовной семинарии, отвергнув священническую стезю, вышли гениальный русский физик А. С. Попов, выдающиеся русские писатели Д. Н. Мамин-Сибиряк и П. П. Бажов. Список этот можно продолжать и продолжать, пополняя его не менее значительными и славными именами воспитанников иных семинарий: Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Помяловский и многие другие.

О таких жизненных судьбах мне довелось писать не один раз. В частности, об авторе одного из классических произведений советской драматургии — пьесы «Любовь Яровая». Константин Андреевич Тренев был, кажется, единственным крупным русским писателем с высшим духовным образованием: он окончил полный курс Петербургской духовной академии. И несколько лет спустя опубликовал книгу «Владыка» — пронизанную иронией и сарказмом, отвращением и ненавистью повесть об утонченном мракобесе, изувере и святоше в епископской мантии, прообразом которого, кстати сказать, был ректор столичной духовной академии.

● Перечень доводов, подтверждающих неосуществимость христианства, можно продолжать и продолжать. Например, можно напомнить о претензиях православной церкви на роль просвещенной хранительницы сокровищ русской национальной культуры. Эти претензии бесосновательны, но людям, недостаточно осведомленным в этой области или излишне доверчивым, они могут показаться убедительными. Не говоря уже о высокомерно-презрительном и даже враждебном отношении церкви к устному поэтическому творчеству русского народа, не говоря о беспощадной войне, начатой по требованию церкви в середине XVII века царскими властями против скоморохов, — церковь из рук вон плохо берегла бесчисленные творения зодчих и живописцев Древней Руси. Исследование истории того потока древнерусского искусства, который, в отличие от народного поэтического творчества, протекал по церковному руслу, убеждает в том, что творения церковного зодчества и иконописи отнюдь не преобладали в течение веков в первоначально неизменном виде, подобно какому-то сказочному зачарованному царству. Практически все переделывалось, перестраивалось, переписывалось, искажалось по прихоти, по произволу и из-за жадности и скупости церковных сановников, в угоду их житейским удобствам. Наш журнал не раз выступал против этого распространенного и весьма живучего заблуждения, против «сказки о зачарованном царстве». Так называется рубрика, под которой увидели свет и мои статьи о судьбе шедевров древне-

русского искусства — Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры и «Троицы» Андрея Рублева.

● День минувший и нынешний день приносят нам неиссякаемое обилие примеров бессилия религии подчинить себе человеческую суть и человеческую жизнь. Но неосуществимость христианства предстает перед нами, пожалуй, убедительнее всего в тех, к великому счастью, редких случаях, когда христианские принципы реализованы в человеческой жизни, казалось бы, полностью, доведены до логического конца. О некоторых из этих, чрезвычайно редких, но в то же время поучительных и наглядных фактах, с которыми столкнула меня работа развездного корреспондента, хотелось бы напомнить.

Выход первого номера «Науки и религии» застал меня уже в третьей командировке — в Степном Алтае, крае первоцелинных совхозов, пересеченном с северо-востока на юго-запад одним из истинных чудес света — ленточными борами, тремя параллельными сосновыми полосами, в которых, как в зеленых бархатных футлярах, лежат бирюзовые ожерелья озер, как бы нанизанных на синие нити соединяющих их речек. Эта фантастическая панорама открылась с борта крохотного пассажирского биплана, переправлявшего меня, единственного пассажира, из города Рубцовска в отдаленное степное село. Картина эта — по закону психологического контраста — показалась особенно прекрасной: в Рубцовске мне довелось впервые в жизни заглянуть в жуткий мирок религиозных сектантов, именующих себя истинно-православными христианами.

Расскажу об одной горькой судьбе — судьбе семиклассницы Тани Комардиной. Мать этой девочки овдовела, оставшись с двумя дочерьми на руках. Изот тут в ее жизни появился некто Федор Царегородцев, матерый вожак истинно-православных, ушедший в подполье еще в предвоенное время. Вскоре он стал полным хозяином в доме Комардиных и начал воспитывать Таню «в страхе божьем». Бесконечными суровыми постами, изуверскими побоями Царегородцев довел Таню до тяжелого заболевания — воспаления мозговой оболочки. Девочку стали терзать неотступные головные боли. Федор объяснял, что — за непослушание богу и ему, отчиму, — в Таню вселился бес, коего и надлежит изгнать.

Процедуру эту решено было проделывать в селе неподалеку от Рубцовска. Девочку заставили идти пешком от железнодорожной станции до села — около 30 километров. В селе, в доме одного из единоверцев, «врачеватели» приступили к «изгнанию беса»: плотно окружив поставленную на колени девочку и истоиво запели молитвы. От голода, усталости и духоты у Тани закружилась голова, она потеряла сознание. Ее привели в чувство, снова поставили на колени, и комната вновь огласилась молитвенным пением... Сколько сил и умения, сколько настойчивости и терпения пришлось потом проявить рубцовским врачам, чтобы спасти девочку!..

Откуда могла прийти дикая мысль о «бесах» в головы истинно-православных, их наставнику Царегородцеву? Когда их призвали к ответу за истяза-

ния девочки, они с достоинством указали на Евангелие: Христос изгонял бесов, и мы изгоняем...

После той командировки были новые поездки. Десятки путешествий, сотни встреч и знакомств. И многие из них снова и снова заставляли меня обращаться к текстам священного писания. На полях этих текстов можно было бы, наверное, вести дневник журналистских путешествий. Например, можно было бы пометить: «город Орел» — против следующих строк Евангелия от Матфея, запечатлевших проповедь Христа: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твоё было авержено в геенну... Есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для царства небесного. Кто может заместить, да заместит».

Так вот в Орел я отправился для того, чтобы познакомиться с судьбой одного из последних приверженцев некогда весьма многочисленного сектантского течения — скопцов. Восмилетним ребенком лишился он отца, десятилетним — матери. Жил в нужде, пас скот у кулаков, ходил по деревням в поисках заработка. Когда подросток, поступил на службу к богатым московским скопцам — крупным изпманам. Они пообещали ему «златые горы», если он примет их веру и оскотится. И 16-летний юноша сделал этот страшный шаг...

Как и изгонявшие «бесов» истинно-православные, скопцы свое изуверское «убеление» обосновывали прямыми ссылками на священное писание, прежде всего на процитированные только что слова Христа. Христианская религия недвусмысленно проповедует отвращение ко всему, что связано с продолжением рода человеческого, и скопцы лишь довели эту проповедь до логического конца, став живыми обвинениями античеловеческому духу христианства.

Еще до работы в редакции, путешествуя по Сибири, я не раз слышал рассказы о том, что в отдаленных, глухих таежных местах сохранились скиты старообрядцев-пустынников. И вот осенью 1959 года — первое журналистское путешествие в таежные массивы к северо-западу от Томска... Потом были и другие «кержакские экспедиции», более трудные, более интересные и результативные.

Не время углубляться в запутанный лабиринт истории старообрядческого раскола, разветвившегося на бесчисленное множество «согласий» и «толков». Мне хотелось бы остановиться на том чисто религиозном факторе, который в значительной мере обострял процессы, протекавшие в старообрядчестве, доводя их нередко до крайней черты фанатизма и изуверства.

Десятки лет таежного отшельничества давали много времени для чтения священного писания, и отдельные места Библии старообрядцы помнили так же хорошо, как «Отче наш» и Иисусову молитву. Вот некоторые из таких мест: «Мы знаем, что мы от бога и что весь мир лежит во зле...» «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви отчей. Ибо все,

что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от отца, но от мира сего...» «Дружба с миром есть вражда против бога. Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом богу».

Никогда не забуду одну из первых встреч со старообрядцами. Неподалеку от развилки лесовозных трасс увидели мы покосившуюся избышку старицы Дросиды. Недавно она похоронила отца — тоже пустынника — и теперь жила совсем одна. Мы попросили воды. Она молча пригласила нас в свою келью, достала с верхней полочки кружку «для мирских», заглянула в нее и сухими пальцами, искривленными старостью, болезнями и тяжелым трудом, которым добывается в тайге хлеб насущный, вымела из кружки паутину. Да, долгой к ней не заглядывали гости!..

— Скажите, бабушка, — невольно вырвалось у меня, — а вам, наверное, скучно жить одной в тайге?

— Не для аселия живем, — сухо отвечала старица.

Неподалеку от избышки Дросиды, в скиту, увидели мы совсем ветхую старушку.

— Сколько лет бабушке?

— Чай, девяносто будет. Ослепла уже. И не слышит ничего...

Почему-то слова эти произвели на меня особенно тягостное впечатление. Уже не видят глаза, думаю я, которые почти за целое столетие так и не увидели великого и прекрасного мира, простирающегося на тысячи километров вокруг. Омертвел слух, до которого за эти долгие десятилетия так и не долетели волнующие голоса и песни этого мира. Разве это не нелепость, не дикость? По христианскому учению, божественный творец одарил творение свое — человека — одним из величайших чудес мира — глазами, способными оценить величие и красоту земной природы, воспринять всю прелесть, все тончайшие оттенки шедевра мировой живописи, постичь, наконец, мудрость мира, запечатленную на страницах книг. Как совместить это со строжайшим наказом старообрядческой церкви использовать величайший дар творца лишь для созерцания икон и чтения «божественных» книг?

Путешествие по таежным старообрядческим скитам было, кстати сказать, не единственной журналистской экспедицией, посвященной изучению и описанию крайних проявлений религиозности, примеров ее развития до последней черты. Первая годовщина журнала была ознаменована организацией долгого и трудного автомобильного путешествия из Москвы до Закавказья, предпринятого корреспондентами «Науки и религии» — Александром Романовым и автором этих строк. Маршрут на сей раз был проложен документальной кинолентой, снятой летом 1929 года и сохраненной Центральным архивом кинофотодокументов. Уникальные кадры фильма «Сектанты», вышедшего на экраны страны в 1930 году, запечатлели последние дни последних очагов религиозного фанатизма, мракобесия, изуверства, использованных врагами социалистических преобразований в качестве орудия в борьбе против ростков новой жизни в деревне. Образно говоря, мы как бы размотали на сотни и тысячи километров коробки

с этим фильмом, расстелив киноленту от Москвы до одного из глубинных районов Грузии, и отправились по этой путеводной нити, чтобы вспомнить поучительное прошлое, сопоставить его с текущим днем и на примере бывших сектантских сел показать глубокие социальные и культурные преобразования, происшедшие здесь за три десятилетия.

Уже в самом начале работы в журнале у меня возникла мысль, которую потом неизменно подтверждали новые командировки, новые впечатления. На будем ставить религии в заслугу то, что по справедливости надо ставить в заслугу противостоящим ей, противоборствующим духовным силам — научному познанию, художественной культуре, гуманизму, одним словом, силам, ослабляющим, сдерживающим исконную религиозную сущность. То, что фанатики, изуверы встречаются редко, заслуга не религии, а человеческой жизни со всем добрым и светлым, со всеми присущими ей трудами, земными заботами и радостями. Эта стихия постоянна, во все времена, везде и всюду, разбавляла и разбавляет, так сказать, стопроцентную религиозность, размывает ее, растворяет в себе и тем самым в большинстве случаев предотвращает факты, подобные тем, о которых я здесь вспомнил.

● В ряду многочисленных претензий православия, часть которых была здесь упомянута, — претензий беспочвенных, необоснованных и по этой причине несбывшихся, неосуществившихся, в последнее время все заметнее встает еще одна — претензия олицетворять далекое прошлое русского народа, претензия на знак равенства между православием и исконно национальным характером, православием и патристическим самосознанием русского народа, русско-русского человека. Как ни странно, по существу, идентичные взгляды пропагандируют и некоторые писатели, поэты, публицисты, литературные критики, что является результатом нечетких социально-политических, классовых критериев подхода к религии, идеализации, приукрашивания места и роли православия в исторических судьбах и духовном наследии русского народа. Этим важным проблемам журнал «Наука и религия» посвятил немало публикаций. И я горжусь тем, что здесь есть доля и моего участия.

Как раз в тот день, когда я дописывал последнюю страницу этих заметок, почтальон принес номер «Правды» с постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». В начале этого партийного документа есть слова, которые, как мне кажется, лаконично и четко сформулировали принципы и цели и моей литературной работы за два десятилетия сотрудничества в журнале. Этими словами мне бы и хотелось закончить свои заметки. Говоря о «могучем комплексе информации и воспитания», постановление ЦК КПСС подчеркивает: «Его главная задача — вооружать советский народ, каждое новое поколение непобедимым оружием, исторической правды, глубоким пониманием законов и перспектив общественного развития, опираясь на незыблемую основу марксистско-ленинского учения».

Духовный мир человека

Юрий РЮРИКОВ

БРАКИ СОВЕРШАЮТСЯ НА ЗЕМЛЕ...

ЛЮБОВЬ И СЕМЬЯ: ОТ ДОКУЛЬТУРЫ К КУЛЬТУРЕ

Что-то неладное творится сейчас с любовью. В книгах, особенно в старых, возвышенные чувства, любовь до гроба, да еще какая — огонь, пламя, землетрясение души! А в жизни — так, огонек от спички, погорит год или два и погаснет. В одной книге я прочитала: жизнь без любви — мертвая жизнь, люди без любви — живые трупы. У меня много замужних подруг, у которых быстро прошла любовь и которые живут мертвой жизнью. Очень трудно в семье, когда тяготы ее повседневности нечем уравновесить. Неужели ничем нельзя помочь нам?

Марина Ш.

г. Горький

Неладья в семье началась у нас скоро — года не прошло со свадьбы. Муж стал приходить домой поздно, от него пахло спиртным. Стороной узнала, что он бывает в прежних «холостяцких» компаниях. На мои упреки он или отмалчивался, или отвечал грубостью. Когда родилась дочь, отношения вроде наладились, но не надолго. Я пожаловалась свекрови, а она мне говорит: «Не повенчаны вы, в грехе живете, вот все наперекосяк и идет у вас».

Я сама в бога не верю, в церковь никогда не ходила, а тут задумалась: может, правда, дело в этом? В общем, уговорила я мужа, и мы обвенчались. Я в себе надежду подогревала. Но не тут-то было: все у нас идет по-прежнему плохо.

И. СЕМЕНОВА

Ивановская область

ТРИ НЕВЕЖЕСТВА

К сожалению, смертность в стране любви рекордная. Психологи и социологи выяснили: спустя несколько лет после свадьбы любовь уцелевает меньше, чем у половины супругов; у одних паруса любви оказываются как одуванчик, у других они хоть и окрепче, но слабы для шквалов жизни. Все мы, наверно, знаем, как резко выросли в последние десятилетия разводы: каждый год у нас играют 2,7—2,8 миллиона свадеб и каждый год происходит 800—900 тысяч разводов.

Верующие иногда говорят: когда брак освящался церковью, никакой вакханалии разводов не было. Массовые распады семей и вообще многие семейные беды — все это рождено тем, что брак перестал быть божественным установлением и служит не высшим целям, а личному эгоизму...

Верно, во времена церковного брака разводы были редкостью. Но тогда все было другим — весь уклад жизни, все регуляторы брака, внешние и внутренние, все семейные установления, все психологические запросы человека. Именно перемены в этих пластах жизни (а не отделение брака от церкви) — причина всего, что происходит в семье — и светлых и темных сдвигов. В старые времена большинство браков вырастало на материальной

основе и часто — почти без душевного влечения; такой была привычная база для брака, которую тьму веков назад родило собственничество.

Тогдашняя семья была для людей прежде всего экономической опорой, а потом уже — союзом родства и душевной близости. Муж и жена нужны были друг другу прежде всего как помощники в работе и в бытовом устройстве. Разводов тогда было мало потому, что они были запрещены, брак был принудительно пожизненным, и как бы плохо ни было людям друг с другом, они до смерти владели лямку супружества.

Развод — многие, наверно, понимают, это — не только болезнь, но и лекарство; это и беда и избавление от беды. Право на развод — великое демократическое завоевание человечества: это право на исправление ошибок в выборе спутника жизни, право на поиски личного счастья или на избавление от несчастия.

Лет 25—30 назад инициаторами большинства разводов были мужчины. Сейчас положение в корне изменилось. Две трети разводов происходит по инициативе женщин, жены в два раза чаще оставляют мужей, чем мужья — жен. Причем половина женских разводов — это разводы из-за пьянства мужей, и еще пятая часть — из-за их грубости и жестокости.

Такие разводы спасительны для семьи, как хирургическая операция, они отсекают больную часть, чтобы спасти здоровую, они обрывают смертоносную

цепь ссор и скандалов, выводят детей и взрослых из ядовитой атмосферы вражды. Конечно, для всех нас было бы лучше, если бы семейных катастроф было меньше, но для этого надо, чтобы меньше стало причин для них.

В старые времена семейное счастье или несчастье больше зависело — в глазах людей — от их материальной жизни и куда меньше — от их душевных отношений. Семейные запросы людей были гораздо скромнее нынешних, взыскательность — куда умереннее, и достичь минимума домашнего довольства было намного проще.

С тех пор в корне переменились и характер семьи, и понимание домашнего счастья. Первую скрипку в супружестве начинают все громче играть именно душевные отношения. Материальная сторона жизни остается, конечно, первоостепенной (рай в шалаше, к сожалению, часто вырождается в ад), но она создает не счастье, а материальный фундамент для него; а вот вырастет на нем здание счастья или нет, зависит от чувств людей, от их характеров, душевных отношений.

Нас никто не готовит к искусству семейной жизни, никто не учит, как сохранять любовь. А ведь это, пожалуй, самое сложное, самое запутанное из всех искусств — все из полутонов и оттенков... Мы не знаем тут очень многого — не знаем даже размеров своего незнания. Большинство из нас здесь самоучки — и, значит, чаще всего неучи.

Поэтому быт многих семей, как на трех китах, стоит на трех докультурах, которые вредят любви в семье. Это психологическая неграмотность, незнание азов эмоциональных отношений в семье; половое невежество, которое особенно портит жизнь молодым супругам; воспитательная малограмотность, незнание коренных особенностей детской психологии, неумение по-настоящему растить детей. Здесь пойдет речь о психологической культуре семейной жизни.

ПОЛЮСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СДВИГОВ

Что происходит сейчас с человеческими чувствами, как меняются они в наш век крутых перемен? Любовь — как бы внутренняя тень человека, ее характер повторяет очертания его характера, и то, какая она, зависит от того, какой он. Любовь — это и тень среды, в которой живет человек. Как жизнь растет, зависит от почвы, в которой он растет, так и жизнь любви зависит от ее почвы, ее среды.

Урбанизация (рост городов, все более густые скопления в них людских масс) и научно-техническая революция (НТР) резко меняют всю нашу повседневную жизнь. Они в десятки раз убыстряют темп нашей жизни. Она до предела наполнена сдвигами, переменами, новшествами — и это двояко действует на нас: и обогащает нас новизной, и резко повышает нервно-мозговые нагрузки.

Психика человека не поспевает за этими бегущими переменами, и она спасает себя от «взрыва перемен» приглушением чувств, их рационализацией. В наших подспудных глубинах как бы рождается новый психологический механизм — глушитель эмоций. Чтобы уберечь от перерасхода нервную энергию, наша психика начинает отпускать меньше этой энергии на каждую раннюю реакцию. Наши чувствования от этого ослабевают и делают менее сердечными, эмоциональными, более головными, рациональными, чем раньше.

Урбанизация круто увеличивает круг знакомств, связей, контактов у каждого человека и так же круто расширяет его кругозор. Но этот «взрыв контактов» снижает глубину многих из них, еще сильнее повышает нагрузки на психику и наше подсознание (опять-таки по принципу экономии нервной энергии) начинает вырабатывать эмоциональные шаблоны, стандарты, одинаковые психологические отклики на разных людей, на разные сигналы жизни. Нервная энергия экономится, перегрузки психики спадают, но наши чувства как бы обезличиваются, теряют в своей индивидуальности.

А рядом с этим приглушением и стандартизацией чувств идут полярные перемены, которые углубляют в человеке личность. Это и приобщение людей к культуре, к образованию, и рост творческих слез в их труде, и тяга к развитию своего «я»...

В современном человеке делаются более явными оба эти полюса: быстро идет его индивидуализация — но и стандартизация каких-то слоев души. Развитие человека драматизируется, поляризуется — и это, пожалуй, общий закон XX века, закон обострения полюсов...

Психологически нынешний человек — во многом не такой, как раньше. И любовь поэтому во многом не такая, как раньше. Она тоже как бы поляризуется. У одних (это больше бросается в глаза, потому что лежит на поверхности) она делается малокровнее, а ранг любви возводится обычная влюбленность, а то и просто влечение. У других она обогащается и усложняется, становится объемнее, полновеснее.

Первое русло перемен — обмеление, деальзация любви — тревожно массово, но оно лежит на поверхности, все мы его видим и знаем. Труднее, наверно, уловить те перемены, которые происходят в чувствах психологически усложняющихся людей, потому что перемены эти глубинные, сложные и часто двойственные.

В душевных приемниках развитого человека как бы появляются новые диапазоны, и он может теперь принимать новые потоки волн человеческой привлекательности. К старым волнам такой привлекательности, которые всегда пробуждали в нас любовь, добавляются, видимо, сила ума и интуиции, близость интересов и идеалов, своеобразие взглядов и привычек, нешаблонность поступков, поведения.

Родники, которые рождают любовь и от которых зависит ее жизнь и смерть, стало сейчас гораздо больше. Любовь от этого усложняется — чтобы поддерживать ее жизнь, теперь нужно куда более многозвенная, куда менее доступная для нас цепь условий...

Для христианства семья была одним из основных установлений человеческой жизни, но главным считалось не улучшение себя и своих семейных отношений, а терпение и смирение, не активное действие, а пассивное приспособление — упование не на себя, а на бога.

Как говорилось в одной проповеди: «У бога просите исправления своему мужу или жене, у него ищите благословения и силы для водворения взаимной любви и согласия. А если это не подействует, то просите себе у бога терпения, подкрепления. Видимое дело, что в строптивом и нелюбимом муже или жене вам крест богом послан; старайтесь же этот крест нести до конца дней своих...» Ах, если бы все помнили твердо, что всякий муж, всякая жена богом даны, что от господа сочетается мужу жена, тогда меньше было бы недолговых супружеской жизнью и скорее примирялись бы с своим положением.

И сейчас проповедуют такие пассивные упования. В «Сборнике духовных песен евангельских христиан-баптистов» (М., 1968) в разделе «На бракосочетание» сказано: «Скрепи его твоим «каминь», о вечный, и счастлива будет этот брак вполне».

На творца-всдержителя возлагается миссия поддерживать людскую семейную жизнь; верующим дается совет: «Пусть на тебя всецело уповают, твои лишь помощи пусть ожидают. Сам ты веди их до цели благой».

В нашем обиходе распространен мирской вариант такого упования на высшую силу. Многие из нас верят, что если есть любовь — как бы психологическая высшая сила, — то все будет в порядке, а если любви нет, то ничем и не поможешь.

Увы, это не так. Первый пыл любви чаще всего проходит через год-два семейной жизни. Молодожены живут обычно в первых, эмоционально-телесных этажах своей любви. Потом — или они надстраивают над ними духовные этажи, создают сплав любовных и «дружеских» тяготений, или их любовь умирает; к этому жестокому двоению ведет наша новая психология — наше подсознательное, идущее из подспудных глубин стремление, чтобы у близкого человека было как можно больше близких тебе сторон.

Конечно, создать такой сплав очень трудно, а то и невозможно; для этого нужен долгий, тяжелый, иногда каторжный труд души. Но другого пути сохранить любовь для нынешнего человека (с его ослаблением и усложнением чувств), к сожалению, нет, и тут приходится выбирать: или сознательное (не искусственное!) сращивание любовных и «дружеских» тяготений, или пассивное скольжение по течению, к смерти любви...

Здесь, видимо, лежит один из главных законов нынешней психологической культуры любви, закон активной — и максимальной помощи своим чувствам: на одних парусах чувства далеко не уедешь, им в подмогу обязательно нужны моторы сознательно творимой душевной близости. Ведь семейная жизнь — это часто плавание против ветра и против течения, и чтобы супружеский корабль не сел на мель, ему нужна хорошая оснастка...

СОВМЕСТИМОСТЬ

Перевороты в нас ведут к огромным сдвигам во всех основах супружества. Рождается совершенно новый психологический фундамент брака: теперь это не просто влечение чувств, как раньше, а многократная индивидуальная совместимость жены и мужа: совместимость их характеров, темпераментов, совместимость чувств, взглядов, совместимость привычек, поведения. Чем больше сторон такой совместимости (то есть близости) есть у людей, тем лучше им друг с другом; чем меньше — тем тусклее их жизнь. Эти перемены резко усложняют весь строй супружеской жизни. Человеку с приглушенными чувствами или с усложненной психологией гораздо труднее сохранить любовь, чем полюбить: полюбить, наверно, можно многих, а сохранить любовь — только к совместимому, только к «рифмующемуся» человеку.

Перемены в нас идут очень быстро, они немного опережают осознание этих перемен, и мы долго ведем себя «на поколение назад», не в рост своему сегодняшнему облику. Мы не знаем себя сегодняшних, часто ведем себя по-вчерашнему — это, пожалуй, самая опасная сегодня драма любви.

МЕД И ПОЛЫНЬ

Первые ступени семейной жизни — основа всего будущего здоровья семьи. Именно в это время завязываются главные узлы тяготений и отталкиваний, и от них зависят завтрашние судьбы людей. Средний стаж распадающихся браков у нас 5,5 лет: первое семейное пятилетие — самое, пожалуй, хрупкое из всех, и именно здесь семье больше всего нужна помощь...

Молодая семья проходит в своей жизни три возраста — и три зоны конфликтов. Первый — «младший супружеский возраст», медовый год, который, кстати, часто бывает полынным. Это, пожалуй, самый накаленный из всех годов супружества — год и бурных радостей, и жгучего горя.

Главные его барьеры — конфликты притирки, приносаживания друг к другу двух непохожих людей, невероятно трудное создание из разных «я» одной системы «мы».

Женихи и невесты частенько думают, что супружество — голубой океан радостей. И чем неожиданнее для них обычные в семье неурядицы и тяготы, тем больше раны, которые получает их любовь. Многие из нас, видимо, понимают: семья — не рай, где ангелы обмахивают друг друга крылышками, а ней неизбежны обиды, разлады, непонимания. Их, пожалуй, тем больше, чем психологически развитее люди, и нынешняя семейная жизнь требует от нас куда больше усилий, куда больше отречения, куда больше внимания к каждому шагу супружества.

Влюбленность бывает поначалу чаще всего доличностным, мнимо-личностным чувством: многие любят в это

время не самого человека, а его розовое подобие, в котором достоинства как бы стоят под увеличительным стеклом, а недостатки — под уменьшительным.

В медово-полынный год это доличностное чувство или переходит в личностное, или умирает. У молодых супругов рождается — или не рождается — совместимость: близкие или дополняющие друг друга интересы, взгляды, привычки, похожие принципы поведения, отношения друг к другу...

Пожалуй, один из главных конфликтов медового года — борьба двух самолюбий, война за власть в семье. Социологи выяснили, что именно эта борьба была первым шагом к разводу у большинства разводящихся молодых пар. Как установили специалисты: семейные ссоры разъедают жизнь от половины до трех четвертей городских семей. Ссоры, видимо, — одно из главных орудий убийства любви, один из главных губителей хороших отношений.

Последние годы я слежу за жизнью нескольких счастливых семей, — именно счастливых, не просто хороших. Пары эти создали свой кодекс спора, свою «технику безопасности» в конфликтах, и она неплохо служит сторожем их счастья.

Главный прием их психологической техники — сужать площадку спора до минимума, говорить только о самом предмете разногласий. Они не вспоминают о старых промахах друг друга, не защищаются контрвыпадами вроде «а ты сам». Они не говорят в споре обидных слов, не клеймят друг друга ярлыками. Они понимают, что резкость рождает ответную резкость и если хочешь убедить другого, лучше говорить бережно, не задевая.

Еще одна основа их «мирного кодекса» — стремление обуздать гнев и раздражение в споре, управлять отрицательными эмоциями во время острых сшибок. Очень важно для них — уметь понять позицию другого, стать на его место, посмотреть на спор его глазами. Чаще всего это позволяет лучше понять свою и чужую позиции, их сильные и слабые стороны — и помогает прийти к согласию. Но тут, считают они, нужна очень важная (и, к сожалению, очень редкая) способность — уметь переступить через самолюбие, признать, что ты неправ.

Несходство мнений, конфликты, споры — все это естественно и при самых хороших отношениях. Но решать конфликт можно, в общем-то, двумя путями. Или с позиций умной доброты, когда на первом плане стоит самое главное для нас — хорошие отношения, и только потом — истина, и совсем в конце — чья-то правда.

Или ссорой — когда на первом плане не хорошие отношения и даже не истина, а стремление отстоять себя, победить. Можно, пожалуй, сказать: умный не идет на ссору, даже когда он прав; астая на путь ссоры, он тут же делается неправ, так как подрывает хорошие отношения. Высшая истина в семье — добро, хорошие отношения. Ссора не разрешает конфликт, а разжигает его: она несет тройной вред — делает нормальные разногласия ненормальными, рождает обиду и отчужденность, каждый раз убивает кусочек любви...

В конфликте можно вести себя «центроостремительно» или «центробежно». Можно не забывать лад при разладе, искать согласия при разногласиях, — а можно попасть в плен к тому «низшему человеку», который есть во многих из нас и который состоит из оглуляющей человека злости и раздражения.

Третьего пути в острых ситуациях, видимо, не бывает.

ЯД ПЕРЕГРУЗОК

В «младшем супружеском возрасте» мы учимся семейной жизни так, как раньше учили плавать: бросали в глубину и ждали, кто выплывает, а кто начнет тонуть. Одолев начальные воды супружества, мы вступаем в «младший родительский возраст» — вторую зону особых семейных радостей и особых конфликтов.

Молодые мамы и папы открывают для себя новый материк чувств — родительскую любовь. Но она нередко вступает в спор с супружеской любовью, особенно у женщин. Одних людей (чаще, пожалуй, тех, у кого хорошие отношения и близкий подход к воспитанию) ребенок сближает, других (у кого душевные связи не очень сильны или воспитательные подходы поларны) — отдаляет.

Круто меняется весь уклад семейной жизни: убывают духовные и культурные занятия, резко растут хозяйственные. Домашние дела съедают у молодых мам 15—18 часов в сутки — два рабочих дня в день, огромная перегрузка. И в это тяжелое время многие молодые мужья бросают своих жен на произвол кастрюль и корыт. Вместе с рождением ребенка рождается домашнее неравенство — и зияющие трещины в отношениях.

В большинстве семей львиная доля домашних дел лежит на женщине, а мужчины берут себе воробышью долю. Как тут вести себя? Может быть, в духе Златоуста: «Терпи все это рабство, ибо только тогда ты будешь свободна, когда он умрет?». Что ж, многие выбирают такой путь — кто по старой традиции, веря, что домашний труд — чисто женское дело, кто — чтобы не ссориться с мужем, сохранять домашний мир.

Но женские перегрузки губительны и для женщин, и — рикошетом — для их мужей, детей, для всего семейного мира. Медленно, но неотвратимо они гасят в молодых женщинах юность и свежесть чувств, вселяют в них тусклость ощущений, усталость нервов, раздражительность, а то и сварливость. В них идет на убыль то, что вызвало любовь к ним, и разрастается то, что эту любовь убивает. Пожалуй, мужьям — даже с самых эгоистических позиций — выгодно избавлять своих жен от перегрузок: это продлит жизнь их обаяния, подарит лишние годы хороших отношений.

Социологи выяснили, что судьба сегодняшнего брака прямо связана с делением домашних нагрузок. Там, где эти нагрузки делятся более-менее справедливо, 60 процентов удачны и 5,6 процента несчастливы (остальные — полу-

удачны, полунесчастливы). Там, где домашние дела свалены в основном на жену, удачных браков вдвое меньше — 21 процент, а несчастливых в семь раз больше — 40. Над этими разительными цифрами стоит, наверно, как следует подумать...

САМОЕ ТРУДНОЕ В ЛЮБВИ...

Малыш приносит в дом и счастье и опасности. Семейный обиход из открытого становится как бы замкнутым: у молодых родителей резко сокращается жизнь за порогом дома, резко растет прикованность к дому. Раз в неделю или в месяц удается пойти к друзьям, в кино. Остальное время царит домашнее затворничество, жизнь в узком кругу — муж, жена, ребенок. Появляется «чрезмерность общения», и она нередко несет с собой психологическое насыщение друг другом, гасит тот душевный голод по человеку, который и есть любовь.

Но тут уже речь заходит о «среднем супружеском возрасте», новой ступени в жизни семьи. Малыши немного подросли, быт устоялся, и домашняя жизнь перестает бурно меняться; она теперь — не река, а воды которой нельзя ступить дважды, а озеро, чьи воды те же сегодня, завтра, послезавтра...

Главные конфликты здесь — конфликты рутины, однообразия.

Нашей психикой управляет очень простой и очень сложный закон: повторяющиеся ощущения притупляются. Закон этот даюка, видимо, влияет на всю нашу жизнь. Он — главная защита наших нервов и психики, он позволяет нам привыкать к тяжелейшим тягостям, переносить самые большие потери. Повторяясь, тягостные ощущения притупляются, теряют свою нестерпимую остроту... Но за смягчение тягостей мы платим тускнением радостей. Притупление повторяющихся впечатлений — тот самый психологический регулятор, который постепенно охлаждает и гасит нашу любовь.

Человеческой психике все время нужен приток новых впечатлений — это ее главная пища. Однообразие впечатлений иссушает наши самые хорошие чувства, тускнит лучшие душевные качества.

Так бывает и в любви. Чем меньше к нашей старой интересности прибавляется новая, тем быстрее, пожалуй, старая теряет новизну, делается однообразной, привычной. А когда с близким человеком не так интересно, круто спадает его магнитная сила для наших безотчетных чувств: это печальный, но, наверно, неумолимый закон нашей психологии.

Притупление ощущений-близнецов — вечный враг любви, может быть, самый безжалостный из ее внутренних врагов. Можно ли победить его? В общем, наверно, можно, но это очень трудно, потому что у закона притупляющихся впечатлений есть сильные — и тоже вечные — союзники. Союзники эти — теплые стороны самого супружества как особого вида сожития людей, особого вида человеческого общения.

Первая из них — непрерывное и как бы принудительное общение жены и мужа: не по потребности, а как бы по обязанности. Такая ежедневная совместность (да еще в узком кругу) и рождает повторение одинаковых впечатлений, психологическую насыщенность друг другом.

Есть ли защита для чувства от этого «чрезмерного общения»? Наверно, есть — на словах простая, на деле трудная: не переставай делать себя и свою жизнь интересной, а главное, все время участвуй доброй помощью в жизни другого, чтобы он не тяготился твоим присутствием, а тяготел к тебе. Добрые душевные свойства — главная защита от несовершенства нашей психологии, тут лежит еще одна основа психологической культуры любви.

Второй органический изъяз супружества — щеголяние друг перед другом в нижнем белье, душевном и телесном. Многие, наверно, испытали на себе «эффект нижнего белья» — выпускание наружу своих слабостей и недостатков. До свадьбы мы изо всех сил тянемся друг перед другом, стараемся быть лучше и выглядеть лучше.

К сожалению, после свадьбы мы быстро становимся из воскресных будничными — перестаем следить за собой, отпускаем тормоза своей естественной подтянутости. От чужих мы скрываем свои минусы, а на домашних обрушиваем их водопадом. Мы ведем себя с самыми близкими так, как не ведем с самыми далекими, — отмахиваемся от них, раздражаем свое раздражение, ущемляем по мелочам, наносим вереницы мелких обид...

Это нелепый, варварский обычай — изо дня в день мы травим, загоняем, калечим свою любовь и при этом не понимаем, что мы — самоубийцы самого лучшего в себе и в своей жизни.

Откуда берется эта почти повальная эпидемия, почему мы красуемся дома в этом заносном психологическом белье? Только потому, что получили его по наследству от старой семьи, которая, кстати, скреплялась церковным браком?

Но в этой семье людей связывали прежде всего материальные, а потом уже душевные узы. Она была пожизненной — независимо от чувства — ячейкой, душевные нити не были ее сердцевинкой, и муж с женой незачем было ходить подтянутыми: от этого не зависела тогда судьба семьи, судьба супружеских отношений.

Старая семья насыщала простейшие, базовые нужды людей — материальные, сексуальные, эмоциональные. Муж и жена были связаны самыми прочными и самыми близкими на земле узами — узами экономической необходимости, они не могли друг без друга вырастить детей, вести сносную жизнь.

Сейчас люди стали материально независимее друг от друга, их экономическая нужда друг в друге резко ослабла, перестала быть для семьи вопросом жизни и смерти. Сегодняшний человек ждет, что супружество будет насыщать не только его базовые потребности — биологические, эмоциональные, бытовые, но и потребности более высокие — психологические, моральные, даже эстетические, даже интеллектуальные. У нынешней семьи постепенно появляется новая функция; новая обязанность, которая резко усложняет всю ее жизнь,

— обязанность насыщать высшие эмоционально-духовные запросы человека.

Для человека, у которого так круто выросли обыденные идеалы, так же круто затрудняется семейная жизнь. Всегдашняя подтянутость, особенно душевная, берет у нас множество сил и нервов, и многим она, возможно, непосильна. Но она продляет нам любовь, симпатию, хорошие отношения, и, может, быть, эти бесценные ценности стоят таких тяжелых душевных трат.

Личные отношения людей переживают сейчас болезни перехода — от одного уклада потребности к другому, более высокому. Внутренние запросы людей очень усложнились, нередко даже переусложнились, стали чрезмерными. Но чем сложнее потребность, тем труднее ее насытить — это, наверно, общий закон и человеческой психологии, и всей жизни.

В нынешнем браке постепенно слабеют одни фундаменты — первичные, материальные, на смену им приходят другие, более сложные, но приходят медленнее, с отставанием. Отсюда, пожалуй, и рассыхаются многих нынешних браков — эхо от столкновения старых и новых семейных фундаментов, плод перестройки всей психологии супружества.

И, пожалуй, можно сказать: личная жизнь стала сейчас такой сложной, какой она еще никогда в истории не была. Умерить эти тяготы перехода могут, наверно, только наши душевные старания — старания относиться к близкому человеку, как к себе самому, дорожить каждым его шагом, как своим собственным...

Это, видимо, главное моральное измерение всей нынешней культуры супружества.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕЛИ

У нашей культуры чувства есть еще один фундамент. Пожалуй, вся жизнь нашего тела и духа циклична, состоит из взлетов и спадов: это касается всего в нас и, может быть, больше всего любви.

У многих людей чувства как бы живут приливами и отливами. Сначала отливы неглубоки, коротки, потом они удлиняются, делаются глубже. В каждой фазе цикла царит своя психологическая установка — особая настроенность наших чувств, особая душевная призма, через которую мы видим все в жизни.

Во время прилива чувства это розовая, радужная призма: она как бы выдвигает на первый план каждого нашего слова, поступка их светлые стороны — и скрашивает, осветляет темные. Все в близком человеке кажется лучше, чем оно есть, и это очень тепляет наши отношения.

Во время спада царит черная оптика: к каждому поступку она как бы добавляет долю тени, от каждого отнимает долю света, — и это резко ухудшает весь облик близкого человека.

В такие дни и бывают самые страшные скопления ссор; чувствительность у людей болезненно высока, и малейшая пылинка в домашней атмосфере бьет по нервам, как камень. В

это время нужна, наверно, двойная сдержанность, двойное доброжелательство: ответная нерваность только затягивает фазу спада, грозит сделать ее хронической. Доброта и мягкость быстрее выводят из провала, особенно если знать, что отлив чувств обязательно сменится приливом — через несколько дней, в самом тяжелом случае — недель.

Какие ритмы организма больше всего действуют на наши чувства?

Прежде всего это лунный цикл у женщин, у большинства — 28 дней, лунный месяц, у других — немного длиннее или короче. Перед лунными днями многие женщины куда быстрее устают, куда больше нервничают, впадают в тягостные настроения. Это несовершенство биологической природы женщины, и, наверно, всем нам, особенно мужчинам, стоит знать дни лунного спада. Женщинам — чтобы сдерживать извержения темных чувств, мужчинам — чтобы прощать им срывы, беречь от нервных тягот и физических нагрузок.

Второй по силе цикл, который влияет на наши чувства, — сезонный, годовой. Осенью и зимой многие из нас переживают спад в работе организма, он плохо усваивает кальций и фосфор, и их нехватка больно бьет по нервам и мозгу.

Весной в нашем организме начина-

Фото Н. и З. Коваль,
Р. Чейшвили,
С. Силезнева,
М. Баранаскаса.

ется взлет, растет бодрость и энергичность, лучше усваиваются нужные вещества, в глубинах подсознания рождаются радостные потоки чувств — организм переживает подъем во всех своих системах.

Осенью и зимой мы как бы становимся хуже друг для друга, во многих из нас укрупняются недостатки, в отношениях бывает меньше летнего тепла, больше зимнего ненастья. Возможно, что у людей, особенно подавленных годовому циклу, осень и зима часто бывают кризисным временем. Зная это, стоило бы в такое время быть особенно настороже против своего внутреннего врага, а срывы близкого человека прощать с повышенной терпеливостью. Добрые душевные свойства — вспомним — лучшие лекарства от ми-

нусов нашей биологической и психологической природы.

Третий ритм, который действует на многих людей, — суточный. Среди нас есть «жаворонки» — люди, которые утром испытывают взлет в работе всех систем организма, а к вечеру — усталость и вялость. Есть и «совы» — люди вечернего типа, у которых вялость царит утром, а пик бодрости наступает к вечеру. Если в семейную пару входят «жаворонок» и «сова», у них, наверно, могут быть хронические вереницы мелких разладов. Утром один недоволен заморозченностью другого, а тот — суетливостью первого; вечером они меняются местами и каждый обрушивает на другого его утренние слова.

Шестая часть всех людей — «жаворонки», треть — «совы»; другая половина человечества не подчиняется так явно суточному ритму. Выходит, не так уж часто «совы» и «жаворонок» попадают в одно гнездо, да и тут большинство, наверно, могут приспособиться друг к другу: у людей меняется с возрастом даже врожденный темперамент, и при хороших отношениях «сова» и «жаворонок» вполне могут смягчить свою разницу.

Вообще физическое состояние человека влияет на его чувства не прямо, а через промежуточные ступени, и чем сильнее чувство, тем меньше оно подвержено волновым колебаниям. Быва-

ет, впрочем, что весенняя бурность чувств спала, но людей связывает много и других нитей — душевная близость, доверие и благодарность, глубинное тепло от сплетения общих интересов, привычек, занятий... У таких людей биоритмы меньше действуют на отношения, потому что в радуге этих отношений много слоев, которые биоритмам попросту неподвластны.

Здесь, пожалуй, и таится Архимедов рычаг, который может помочь нам от эмоциональных качелей. Если не плыть по течению одних только чувств, если помогать их стихии, творя многослойную душевную близость, многозвенную совместимость, — тогда и отливы чувств будут сдерживаться плотинами совместимости и, пожалуй, не станут смертельной угрозой любви. Это, видимо, один из главных китов, на которых стоит сегодняшняя культура любви.

ть или несчастье больше всего зависит от наших душ, чувств, стараний...

Конечно, в нынешних сложных условиях семье очень нужна помощь — просветительная, консультативная, медико-генетическая, социальная, финансовая, хозяйственная.

Сейчас идет речь о постепенном создании в стране консультативно-просветительной службы семьи, о подъеме всей работы, связанной с семейной культурой.

У службы семьи будет как бы три русла: консультирование¹ и просвещение супругов по всем вопросам семейной жизни — этико-психологическим, медико-генетическим, сексологическим, воспитательным; подготовка молодежи к будущим семейным обязанностям начиная со школьной скамьи; служба знакомств — помощь одиноким, которые этого захотят, в подыскании внутренне близких, совместимых с ними людей.

Постепенно в крупных городах начнут создаваться семейные консультации и кабинеты — такие, как в Ленинграде, Москве, Каунасе, Вильнюсе, Риге. Школы, техникумы, вузы начнут готовить к семейной жизни. О всех главных проблемах семейной культуры (психологических, сексуальных, воспитательных, домоводческих) будут выходить книги, готовиться радио- и телепередачи, читаться циклы лекций.

Со временем консультативно-просветительная помощь семье станет весомой, будет заметно помогать нашей семейной жизни. Но одно просвещение, одни знания не решают успех дела. Знания — не нить Ариадны, которая сама выводит из лабиринта; скорее это компас, который показывает на полюс счастья, а дойдем мы до него или нет, зависит от того, сможем мы или не сможем обратить знания в чувства, в душевные умения, в пружины отношений. Союз разума и чувств, их сплав, единство — вот главная, видимо, дорога, которая ведет здесь из низин докультуры к высотам культуры.

Психологические лекарства, о которых тут шла речь, очень непросты, но они могут помешать чересчур быстрому старению любви, снизить ее раннюю смертность. Тогда и мертвой жизни будет у нас меньше, и любовь будет дольше отеплять и освещать наш дом.

СЛУЖБА СЕМЬИ

Браки совершаются на небесах, говорит богословие, небеса вершат нашими домашними судьбами, ведают нашим счастьем и горем. Но творцы нашей семейной жизни — мы сами, у нее земные фундаменты, и наше счастье

ДОЖДЬ

НА УРОКЕ дети, против обыкновения, были невнимательны, все время поглядывали на окна, которые становились все темнее от снижающихся туч. И вдруг стало совсем темно, хлынул ливень. Дети кинулись вон из класса, кто-то крикнул:

— Сейчас будет наводнение!

— Да кто сказал вам об этом? — спросил я.

— Это дело Аллаха, так уже было, — ответил один, дрожа от страха.

Действительно, в прошлые годы были сильные наводнения, дети это хорошо помнят. И слышали объяснение этого явления от верующих: конечно, это воля Аллаха.

— Подождите, дети! А разве вам дома не рассказывали, что теперь не будет больше никакого наводнения, ему преградил путь обводной канал, который у нас построили.

Я рассказал детям, почему обводной канал спасает от наводнений, что его построили инженеры, специалисты, которые умеют бороться со стихией.

Дети слушали внимательно, успокоились, сели на места. Лица задумчивые. Какую роль отводили они в своих мыслях Аллаху в постройке обводного канала, не знаю, но страх перед сверхъестественной силой, который погнал моих учеников из класса, исчез из их глаз. Урок кончился. И дождь перестал.

ХАЛИФ И БИБЛИОТЕКА

С РАДОСТЬЮ я заметил, что у ребят появились первые ростки любви к книге. Кроме учебников, они стали покупать и художественную литературу, просили меня что-нибудь почитать, хотели поговорить о прочитанном.

Однажды я спросил:

— Что бы вы сделали, если бы нашли где-нибудь много книг без хозяина, целую брошенную библиотеку?

— Забрали бы до единой!

— А халиф Омар поступил иначе.

И я рассказал предание о том, как в покоренном городе халифа спросили: «Что делать с найденными книгами? Следует ли разделить их вместе с другой добычей среди правоверных?» Омар ответил: «Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, они вредны. Поэтому и в том и в другом случае их надо сжечь». И запретил брать хотя бы одну из книг.

Так человечество лишилось богатейшей Александрийской библиотеки.

Ученики осудили ответ завоевателя, но удивились, что так могло быть. По их мнению, ценность книг в жизни человека так очевидна, что запретить их невозможно.

— Но разве вы не знаете, что мусульманская религия очень многое запрещала? Вот послушайте, что писал азербайджанский ученый прошлого века Мирза Фатали Ахундов:

«Проповедники с мечетских кафедр твердили: «Не играй на музыкальных инструментах — грешно; не слушай музыки — грешно; не изучай ее — грешно; не устраивай театра — грешно; не гляди на танцы — грешно; не слушай

„повернуть факты острой стороной,,

Дорогая редакция! Я работаю в сельской школе 14 лет, учу узбекских детей, последние 11 лет в школе № 4 Андиканского района. У многих моих учеников в семье есть верующие — бабушка, бабушка, дядя или тетя, а то и родители. Немало еще пережитков мусульманской религии в сельском быту. Это так ясно видно в поведении детей в различных ситуациях, в их реакции на какие-то события, явления природы. Хорошо понимаю, что здесь на нас, сельских учителей, лежит большая ответственность. Поможем ли мы детям противостоять влиянию религии, научим ли мы их этому, или оставим свободными пути, по которым проникает эта идеология в их детские головы, формируя по своему их психологию и сознание! От этого зависят судьбы религии, а это нам безразлично.

Существуют различные формы и методы научно-атеистической пропаганды в школе: лекции, атеистические вечера, специальные уроки и т. д. Они оправдали себя, тут все зависит от педагога. Но сколько еще представляется учителю, воспитателю случаев, чтобы заоронить в душу школьника «атеистические зерна», надо только использовать удобные моменты, их часто нельзя предвидеть заранее, но надо

ления — грешно; не рисуй портретов — грешно...» Видите, сколько грехов совершает тот, кто любит искусство, музыку, театр...

После урока ко мне подошел мальчик и спросил, из какой книжки я им читал. Я дал ему «Три письма индийского принца Кемал-Уд-Довле...». Радостно, что дети интересуются книгами, что им было искренне жаль Александрийскую библиотеку.

ПЯТНИЦА

Я ПРЕЖДЕ был кровельщиком. Ученики знали об этом и все просили, чтобы я показал им свое мастерство. И вот, когда я взялся однажды покрыть дом одного колхозника, они каждый день приходили смотреть, как я работаю.

Крыша уже была готова наполовину, и тут у нас с хозяином вышел такой разговор. «Если хотите знать, сегодня нельзя работать, — сказал он. — Сегодня пятница. Я тут же стал собирать инструменты и хотел уйти: нельзя, так нельзя. Хозяин остановил меня.

— А если дождь пойдет — потолок пропал...

— Аллах не допустит, разве не видит, что потолок открыт?

После долгих колебаний старик попросил, чтобы я продолжал работу.

Дети приняли в этом эпизоде самое горячее участие. В классе на меня посыпались детские почемучки по этому поводу.

— Почему в пятницу нельзя работать? — был главный вопрос.

— Пятница для мусульман — особый день. Предание гласит, что пророк Мухаммед и его зять Али родились в пятницу и что «свет ислама» начал распространяться именно в пятницу. Коран был передан Мухаммеду в пятницу. В пятницу нельзя работать мусульманам, в субботу — верующим евреям, в воскресенье — христианам. Но это религиозное правило уже почти не соблюдается. Есть верующие на заводах, на других предприятиях, они работают и в свои религиозные «дни отдыха». Знаете, есть народная мудрость: день свят, а дела стоят. Народ с этим не мирится. Ну вот и наш с вами старик, хозяин дома, вспомнил народную мудрость: «На бога надежды — сидеть без одежды».

ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ

ПРОЧЕЛ Я как-то в классе кусочек из статьи демографа Б. Урланиса «Берегите мужчин». То самое место, где он доказывает, что, хотя мальчики сильнее девочек физически, демографически их можно назвать слабым полом, что большая жизнестойкость женского организма вырабатывалась на протяжении сотен тысяч лет существования человека: ведь жизнь женщины более важна для сохранения человеческого рода, чем жизнь мужчины!

И предложил детям высказаться: что они думают об этом. Интересна была реакция мальчиков. Многие из них, ссылаясь на Урланиса, стали упрекать меня, что я, напротив, оберегаю девочек: не разрешаю мальчикам первым выходить из класса, заставляю уступать

место девочкам в автобусе, меньше их ругают, чем мальчикам, когда они опаздывают на урок, и т. д. Почему им такой почет и уважение?

— Разве наши девочки не заслуживают уважения? Ну-ка, давайте разберемся. Возьмем наш класс — 15 девочек и 15 мальчиков. Кто лучше учится? Мальчики или девочки? Вот классный журнал на столе. Кто в олимпиадах больше участвует? Кто из нашего класса на областной олимпиаде по русскому языку занял первое место? Кто больше помогает совхозу? Мальчики или девочки? Кто больше премий получал на производственной практике, на сборе хлопка?

Ответы на эти вопросы все хорошо знали.

Я спросил детей:

— Справедливо ли то, что говорится в священной книге мусульман Коране: женщина не равна мужчине ни по происхождению, ни по положению. Аллах дал мужчинам преимущество над женщинами. А в шариате, например, говорится, что свидетеля-мужчину могут заменить только две женщины-свидетельницы, что место женщины — в стенах дома...

Почему-то бывает, — продолжал я, — что мужчины относятся к женщинам не так, как они того заслуживают, не так, как требует здравый смысл, а так, как учит Коран. Дочерям часто не разрешают поступать в медицинские учебные заведения. А ведь когда сами болеют, они не против того, чтобы за ними ухаживали женщины-врачи, медсестры. Но у женщин-врачей тоже есть свои папы и мамы. Они тоже могли бы не разрешить своим дочерям стать врачами...

УРОК СЛОВЕСНОСТИ

Я ЗАМЕТИЛ, что одна ученица, девочка способная, скромная, исполнительная, стала очень рассеянной, что-то бормочет под нос, отвлекается. Я сделал несколько раз замечание, потом спросил, что с ней происходит. Она смущенно молчала, а ученики мне объяснили, что она учит молитвы.

— Что же конкретно она учит? — спрашиваю.

Ученики отвечают:

— Смилла, рахмон, рахим.

Вызвал к доске ученика, попросил написать то, что он сказал. «Теперь, — говорю, — объясните, что означает написанное?» Ученики в ответ:

— Не знаем, но такие слова и нельзя переводить, — мулла говорит.

Я объяснил значение данных слов и словосочетаний, исправил ошибки. Сказанное означало: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного». Записал это арабскими буквами, потом в транскрипции: Аллах — имя бога, рахману — милостивый, рахимун — милосердный.

Назвал несколько фамилий и имен, происходящих от этих слов: Рахманов, Рахимов, Рахима, Рахим.

— Как же можно читать или говорить слова, смысл которых мы не понимаем? Вот писатель, которого вы уже знаете, Максим Горький, говорил, что для него всякое непонятное слово было занозой и покоя не давало. Унизи-тельно заучивать текст, не понимая со-

быть к ним готовым, чтобы все было кстати, естественно. И никогда нельзя забывать, что к религии, к верованиям людей «осторожное отношение особенно необходимо в восточных республиках», — это указание партии сохраняет свою силу и сегодня, для этого есть исторические причины, они известны.

Ваш журнал оказывает мне в работе неоценимую помощь, нравится мне, что вы внимательно и тактично относитесь к чувствам верующих, без этого, по моему глубокому убеждению, никакая атеистическая пропаганда вообще невозможна. Хотелось бы чаще встречать на ваших страницах конкретные рекомендации, рассказы о методах работы, думаю, что не мне одному это нужно.

Кое-что из моего личного опыта, может быть, пригодится моим коллегам. Расскажу о нескольких характерных эпизодах. Судите сами, насколько удачны были мои методы, насколько правильна реакция в этих ситуациях. Найдти во многих случаях верный путь помог мне совет почитаемого мной замечательного педагога В. А. Сухомлинского.

«Я часто стремился к тому, — говорил В. А. Сухомлинский, — чтобы держать класс в состоянии спора... Подросток с интересом исследует противоречия и определяет свою точку зрения. Он не беспристрастный «судья», а борец. Я видел свою воспитательную задачу в том, чтобы повернуть факты острой стороной — в этом суть проблемной ситуации. Проблемность эмоционально обогащает мышление: подростку безразлична глубинная связь фактов».

Л. МУСАЕЛЯН

Узбекская ССР

держания. Может быть, в этом тексте есть что-то против тебя? Например, у верующих евреев есть краткая и выразительная молитва: «Благодарю тебя, господи, что ты не создал меня женщиной». Может быть, и ваша подруга повторяет каждый день: «Благодарю тебя, господи, что ты не создал меня женщиной!»

Детям понравилось, как я разобрал слова таинственной молитвы. Они заинтересовались происхождением слов. Тогда я написал слова «Мактуб — Сибирга мактуб — кутубхона» и попросил разъяснить их смысл. Все эти слова родственные, от одного корня. Мактуб — послание, письмо. Вспомнили пушкинское «Послание в Сибирь»; кутубхона — библиотека. «Кутуб», или «китаб», значит книга, то, что написано. Понятно, спрашиваю, как получилось слово «кутубхона»? Почему гласные разные? В современном арабском языке пишут только согласные. А с учебной целью в словарях и некоторых книгах пишут все буквы: и гласные и согласные.

Кто-то вспомнил, что Коран тоже называют «китаб», теперь понятно, почему. А прежде это слово казалось таинственным.

СВЯТОЕ ПИСЬМО

ПЕРЕДО МНОЮ листок, написанный ученическим почерком по-узбекски. Называется «Васият нома», что по-русски означает «завещание». Вот что в нем было написано:

«Когда шел по кладбищу, то из могилы послышался голос. Я упал в обморок. Когда пришел в себя, снова услышал голос. Он велел: «Что говорю, передайте другим». Далее следовали утешения, заимствованные из Корана.

И в заключение говорилось: «Это завещание передайте из рук в руки. Кто это сделает, того Аллах будет помнить. Кто скажет, что это завещание ложное, тот харби, неверный».

Откуда это «святое письмо», кто пишет, кто распространяет его? Нет сомнения, что этим занимаются служители культа. И привлекают к этому школьников, стараясь заронить в их душу страх перед могуществом Аллаха.

Долго я думал, как поступить с этим «завещанием». Кто писал его — я сразу понял, узнал почерк одного из моих девятиклассников. Решил прочесть вслух в классе, разумеется не говоря, кто его переписал.

— Подумайте, ребята, над тем, что здесь написано. Потом мы обсудим это. Но мне кажется, что плохи дела тех, кто вынужден так запугивать людей, чтобы удерживать в них веру в Аллаха. Много ли может сделать страх? Ведь бояться — унижительно для человека.

Ученики слушали внимательно. Это были смелые, хорошие дети, которые уже любили читать книги и были очень любознательны. Они хотели получать на все четкие, ясные ответы. И я подумал, глядя на их симпатичные, умные лица, что составитель этих «Васият нома» вряд ли кого-нибудь из них может запугать. Если, конечно, мы, учителя, будем помнить, что такая опасность все же есть.

УТВЕРЖДЕНИЕ НОВОГО

Л. УЛЬЯНОВ,
секретарь Псковского обкома КПСС,
кандидат философских наук

В одном из первых номеров нашего журнала, в 1959 году, была опубликована статья секретаря Псковского обкома КПСС В. Гордеева. Он рассказывал об особенностях атеистической работы в области. К опыту Псковской области редакция обратилась не случайно. Этот край искони был одним из основных религиозных центров России. Здесь всегда была традиционно высокая религиозность населения, много храмов, монастырей. Кроме того, во время Великой Отечественной войны область была занята фашистами. Все ужасы и беды оккупации также сказались на уровне религиозности. В этих условиях областная партийная организация не только должна была

руководить восстановлением разрушенного хозяйства, способствовать быстрейшему налаживанию жизни людей, но и совершенствовать идейно-воспитательную работу. В частности, предстояло поднять уровень атеистической пропаганды. Атеисты области основное внимание концентрировали тогда на разоблачении суеверий, раскрывали суть религиозных праздников, начинали пропагандировать активно входящие в нашу жизнь новые праздники и обряды, а также налаживать лекционную пропаганду. За прошедшее с тех пор время в области произошли глубокие преобразования буквально во всех сферах жизни. Достаточно сказать, что жилья сейчас вводится в два раза больше, чем 20 лет

назад, в четыре с половиной раза возросло количество мест в детских дошкольных учреждениях. В прошлом году вузы и техникумы области выпустили специалистов в два раза больше, нежели в 1959 году. Среди сельского населения значительно возросло число людей, имеющих высшее и среднее образование. Изменение социально-экономических условий жизни, рост благосостояния и культурного уровня людей оказали огромное воздействие и на их мировоззрение, что в свою очередь предъявляет новые требования к атеистической работе. Об этом и рассказывает в своей статье нынешний секретарь Псковского обкома КПСС Л. Ульянов.

XXV съезд КПСС, призвав повысить эффективность коммунистического воспитания трудящихся, определил основные направления идеологической работы в современных условиях. Причем, как было подчеркнуто, центром этой работы является формирование научного мировоззрения. А в постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» Центральный Комитет нашей партии предложил «разработать и осуществить конкретные меры по усилению атеистического воспитания. Повысить ответственность коммунистов и комсомольцев в борьбе с религиозными предрассудками».

Процесс отхода людей от религии, переход их на атеистические позиции — это результат совокуп-

ности огромного числа субъективных и объективных факторов. К числу первых, безусловно оказывающих стимулирующее влияние на скорость этого процесса, следует отнести идейно-воспитательную работу.

Вот почему у себя в области мы неустанно продолжаем совершенствовать научно-атеистическую пропаганду, ее формы, средства и методы. В свое время были созданы общественные советы по атеизму: областной — при обкоме КПСС, городские, районные, при ряде областных идеологических организаций, а также в наиболее крупных трудовых коллективах, в школах, в высших и средних учебных заведениях. В небольших коллективах выделены ответственные за этот участок работы, как правило, из числа наи-

более подготовленных специалистов. Ведется она под руководством партийных организаций и в тесной связи с профсоюзами и комсомолом, а также с учреждениями культуры и организациями общества «Знание», причем научно-атеистическое воспитание увязывается с идейно-политическим, трудовым и нравственным, патриотическим, интернациональным... Так, положительно зарекомендовали себя координационные советы при парткоме псковской галантерейно-футлярной фабрики, на великолукском льнокомбинате, в совхозе «Победа» Псковского района и в других коллективах.

В колхозе «Заря» Порховского района вопросы атеистического воспитания включены в комплексный план идеологической рабо-

ты, составленный на 1978—1980 годы. Координирует ее созданный при первичной партийной организации совет, который возглавляет заместитель директора Верхнемостской средней школы З. П. Завьялова. А совет атеистов в городе Себеже большое внимание уделяет клубам атеистов. Их действует здесь больше десяти. Кроме того, районный совет атеистов активно занимается подготовкой кадров.

Большую работу по пропаганде научно-атеистических знаний проводит псковский городской планетарий. Ежегодно здесь бывают тысячи людей, читаются лекции по самой разнообразной тематике, в том числе — атеистической.

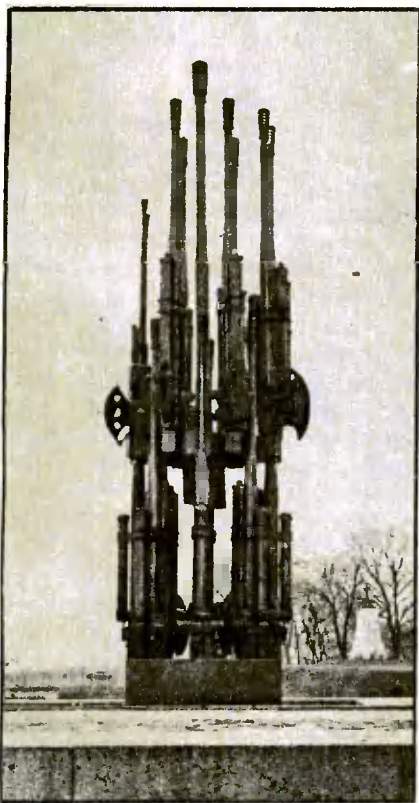

Памятник древнего зодчества
Псково-Печорский монастырь.

В Доме-музее В. И. Ленина.

Псков. На могиле Неизвестного солдата.

Фото В. Евсеева.

обстановке зарегистрировано 92 процента браков и 81 процент наречений имени новорожденным. Дальнейшее распространение получили праздники урожая, проводы русской зимы, вручение паспортов 16-летним, проводы юношей в ряды Советской Армии, чествование рабочих династий. Стало традицией в дни семейных торжеств возлагать цветы к памятникам В. И. Ленину, к могиле Неизвестного солдата, к обелиску на площади Жертв революции, к монументу в честь первых побед Красной Армии. Все большее признание у псковичей получает ежегодное проведение Дней памяти, инициаторами которых стали атеисты Гдовского района.

Особое место в атеистическом воспитании занимает работа с молодежью. Ежегодно институт усовершенствования учителей организует специальные семинары по методике и практике научного атеизма, организации внешкольной работы, а для студентов педагогического института — факультативные занятия. Все это положительно сказалось на работе существующих в области около 300 атеистических клубов, кружков, специальных лекториев, народных университетов.

Так, члены клуба «Юный ате-

ист» псковской школы № 10, которым руководит учитель химии В. Г. Афанасьев, весной этого года провели неделю атеизма. Члены клуба оформили стенды «Искусство и религия», «Космос и космонавты», панно, альбомы с фотографиями о деятельности клуба. Проводились тематические вечера, лекции и беседы. О своей работе ребята рассказали на встрече со сверстниками из ГПТУ-14 и учебного комбината, который готовит работников сферы обслуживания.

Скажу еще об одном важном направлении идеологической работы — краеведении. Ежегодно Псковскую область посещают свыше миллиона туристов. И это не удивительно. Псковская земля имеет богатую и славную историю. Жители Пскова свято чтут места, связанные с пребыванием в нашем городе В. И. Ленина. Об этом событии напоминают два мемориальных музея: квартира-музей и Дом-музей Ильича, которые посещают десятки тысяч людей со всех концов страны.

Одним из самых знаменитых на Псковщине стал Пушкинский музей-заповедник — место святое для каждого советского человека. В его состав входят села Михайловское, Тригорское, Петровское и вся территория Святогорского монастыря, где находится могила А. С. Пушкина. В экспозиции домов-музеев хранятся личные вещи поэта, его родных, друзей. Сейчас в Пушкинском заповеднике регулярно проводятся Пушкинские чтения, конференции, а с 1967 года в день рожде-

А вообще в области ежегодно читается свыше 26 тысяч лекций по атеизму — в два с половиной раза больше, чем в 1959 году.

Подчеркну: в практике атеистического воспитания мы стремимся к созданию системы, в рамках которой используются разнообразные средства и формы работы. Это хорошо видно на примере новых обрядов и праздников, которые сегодня все органичнее входят в жизнь людей. Так, в прошлом году в торжественной

ния А. С. Пушкина — Всероссийский праздник поэзии.

Кроме того, область всемирно известными памятниками архитектуры. Только в Пскове их насчитывается 136. И среди них Псковский Кром (кремль).

В ряде исторических памятников в настоящее время созданы музеи. Так, в городе Острове в Никольском соборе выставлена экспозиция, рассказывающая о боевой деятельности местных комсомольцев в годы Великой Отечественной войны, а экспозиция в здании церкви в Печорском районе знакомит посетителей с историей города Изборска. Постоянное внимание уделяется расширению существующих экспозиций в музеях и созданию новых, их использованию в атеистическом воспитании. Посетители по достоинству оценили передвижную выставку Псковского историко-художественного и архитектурного музея-заповедника на тему «Женщина и религия».

Большой известностью пользуется Псково-Печорский монастырь. Возник он в середине XV века. В XVI веке монастырь вместе с посадом был обнесен крепостной стеной с башнями, став, таким образом, важным форпостом обороны на западной границе России.

Псково-Печорский монастырь является одним из религиозных центров нашей страны: на территории этого архитектурного комплекса расположен действующий мужской монастырь. Так что разговор о нем не может быть сведен только к историческому или искусствоведческому аспектам. На примере этого монастыря мы должны показывать место и роль религии и церкви в истории страны, использовать все возможности, которые предоставляет нам это чудо древнерусского зодчества для патриотического, эстетического и атеистического воспитания советских людей.

В летописи героизма и славы советских людей навсегда останутся подвиги, совершенные воинами и партизанами в годы Великой Отечественной войны. У деревни Чернушки Локнянского района совершил свой бессмертный подвиг Александр Матросов, а 86-летний колхозник Матвей Кузьмич Кузьмин повторил легендарный подвиг Ивана Сусанина. В граните, мраморе, бронзе

запечатлены подвиги советских патриотов.

В своей работе атеисты области все больше обращают внимание на массовые формы влияния на верующих. Широкое распространение получили лекции и беседы, вечера вопросов и ответов, читательские конференции, кинолектории. Прижились у нас и школы начальных знаний о природе, обществе и человеке. Программа таких школ рассчитана на 64 часа. Занятия проводятся раз в месяц. Большинство слушателей — рабочие, колхозники, имеющие начальное и неполное среднее образование. Подобные школы мы рекомендуем создавать прежде всего в «глубинке».

Разумеется, мы понимаем, что изменение образа мышления людей в первую очередь связано со степенью их социальной активности. Именно она позволяет человеку осознать свое место и роль в жизни. Коллективистская психология преодолевает обособленность, в том числе и религиозную. Активная жизненная позиция возвышает человеческое достоинство, подчеркивает социальную значимость личности. Она противоречит религиозному уничижению, религиозному пониманию смысла жизни, представлениям о греховной природе людей и их зависимости от сверхъестественных сил. Призрачное счастье, которое обещает религия в потустороннем мире, иллюзорная помощь и защита со стороны сверхъестественных сил теряют свой смысл перед реальным счастьем, творец которого — сам человек.

Известно, что успех в организации атеистического воспитания прежде всего зависит от уровня подготовки кадров, которая при партийных комитетах осуществляется в вечерних университетах марксизма-ленинизма, а также в постоянно действующих семинарах. Областная организация общества «Знание», ее научно-методический совет по пропаганде научного атеизма большое внимание уделяют обучению и повышению квалификации пропагандистов. Так, в нынешнем году совместно с обкомом КПСС был проведен двухдневный областной научно-практический семинар, где выступали работники ленинградского Музея истории религии и атеизма, преподаватели псков-

ских вузов. Были определены участники постоянно действующего республиканского семинара «Актуальные проблемы атеистического воспитания в свете решений XXV съезда КПСС», первое занятие которого по теме «Конституция СССР и свобода совести» состоялось в декабре 1978 года в Новгороде. Члены научно-методического совета приняли участие в семинарах, посвященных пропаганде новых советских праздников и обрядов в Краснодаре и Киеве.

В области работают девять народных университетов научного атеизма, занятия в которых посещают более 600 слушателей, а также 21 школа атеизма, где учатся 800 человек. Школы атеистов созданы при ряде партийных комитетов. Вот уже 10 лет такая школа работает при Печорском райкоме КПСС. К проведению занятий привлекаются наиболее подготовленные пропагандисты района, областной организации общества «Знание», лекторской группы обкома КПСС. Наряду с теорией научного атеизма здесь большое внимание уделяется методике и практике атеистической работы. В составе слушателей — председатели координационных советов по атеизму, работники культпросветучреждений, учителя, врачи. Кроме того, в районе создано несколько теоретических семинаров, где изучаются проблемы атеизма и религии.

В то же время эта работа требует дальнейшего совершенствования. В настоящее время мы обращаем внимание на то, чтобы пропагандисты в полном объеме овладевали теорией, хорошо знали религиозную идеологию, новые явления, происходящие в современной церкви, широко использовали разнообразные формы и методы пропаганды научного атеизма. Причем решение этой задачи мы связываем с совершенствованием форм и методов коммунистического воспитания в целом. Здесь главное направление состоит в том, чтобы деятельность партийных и других общественных организаций, наших кадров была направлена на выработку у каждого человека активной жизненной позиции.

г. П с к о в

ПЕДАГОГИКА

В. ДОЛГОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

ЖИЗНИ

В литейном цехе
завода «Станколит».

Просматривая подшивку журнала «Наука и религия» за 1960 год, натолкнулась я на письмо членов бригады коммунистического труда московского чугунолитейного завода «Станколит» министру просвещения РСФСР. Глубокой тревогой за судьбу подрастающего поколения было проникнуто это письмо:

«Товарищ министр! Мы решили... обратиться к Вам потому, что не считаем себя вправе оставаться равнодушными... Нас глубоко волнует судьба тех наших сверстников, которые отделены от нас монастырской стеной, и особенно тех, которые могут из-за нашей беспечности за ней оказаться». А школа, говорилось далее в письме, закрывает глаза на такие факты.

«Собирается ли она перейти от позиции нейтрально-безрелигиозного воспитания к активной борьбе за воспитание подлинных атеистов, воинствующих

материалистов, достойных членов будущего коммунистического общества?»

Министр ответил членам бригады на страницах того же номера журнала. Школе, писал он, надо усилить научно-атеистическое воспитание, используя для этого не только учебные программы, но и внеклассную, внешкольную работу. Школа должна теснее связать обучение с жизнью, трудом и практикой коммунистического строительства.

Было это около 20 лет назад — срок немалый не только в жизни человека, но и общества. Успехи в социалистическом строительстве создали благоприятные условия для духовного роста

советских людей. За эти годы многие верующие порвали с религией, а в сознании тех, кто еще верит в бога, произошли существенные изменения. Но значит ли это, что можно ослабить атеистическое воспитание? Вспомним мудрые слова Гёте: «Нам кажется иной раз, что мы совершенно избавились от суеверия, а оно, между тем, прячется в потайные уголки и вдруг снова появляется, когда считает себя в полной безопасности». И сегодня задача заключается в том, чтобы неустанно разъяснять вред религиозной идеологии, формировать научное, материалистическое мировоззрение у людей. В общем, прочитала я письмо станколитовцев и заинтересовалась: а как же сейчас обстоят дела на заводе?

Бывшая глухая окраина Москвы. Теперь до центра рукой подать: мы живем уже другими представлениями о расстояниях. Вот он — орденос Ленин и Трудового Красного Знамени завод «Станколит», в этом году торжественно отметивший свое 45-летие! Крупное современное предприятие, продукция которого широко известна в стране и за рубежом.

Знакомство мое с заводом начинается в кабинете секретаря партийной организации Всеволода Федоровича Ключева. Он внимательно читает письмо станколитовцев в журнале. Увы, никого из тех, кто писал его, уже нет на заводе: времени наш прошло много, а на пенсию здесь выходят рано — мужчины в 50 лет.

— За эти два десятилетия жизнь неузнаваемо изменилась, — говорит Ключев. — Люди стали лучше жить материально, выросла духовная культура. Большинству не нужно уже искать иллюзорное счастье. Правда, не совсем еще выветрились религиозные обряды. Был два года назад случай: слесарь наш крестил ребенка в церкви. Теща очень наседала, а он сам и жена, неверующие, поддались на уговоры. Беседовали с ним — вроде бы осознал, что поступил вопреки убеждениям. Но такие случаи не типичны. Молодые скрепляют свой союз, как правило, по-новому, имя ребенку дают в торжественной обстановке. Повседневная жизнь формирует людей высоконравственных, отзывчивых на чужую беду. Мораль строителей коммунизма вытеснила религиозные

Точка отсчета

упования на загробное воздаяние. Человек труда вознаграждается здесь, на земле...

Пришел Роман Владимирович Александров, заведующий технической библиотекой. Он возглавляет совет по атеизму. Роман Владимирович окончил университет марксизма-ленинизма при Доме научного атеизма. Это знающий, образованный, хорошо подготовленный пропагандист. Члены совета читают в цехах лекции, проводят беседы, приглашают квалифицированных лекторов, готовят заметки в заводскую многотиражку «За Красное Знамя».

— Чтобы быть хорошим пропагандистом, надо не только много знать. Встречаешься иногда с верующим, беседуешь с ним и чувствуешь — не хватает умения переубедить, нет веских аргументов. Еще понять человека надо. Есть, например, на заводе верующий, поет в церковном хоре. Так вот, заговоришь с ним, а с языка все какие-то общие слова идут, не удастся увлечь его нашим пониманием счастья...

Необъятна полноводная река жизни заводского коллектива! Сколько ни беседуешь — узнаешь все новое и новое. Поэтому выбираю узловые точки.

Вместе с Николаем Сергеевичем Панкратовым, начальником цеха № 3, иду в музей истории завода.

Открылся он в июле прошлого года, а на сбор материалов, оформление экспонатов ушло несколько лет. Большой вклад в создание музея внес Герой Социалистического Тру-

В труде велик человек

да Петр Федорович Кулешов. С 1932 года связал он свою судьбу с заводом: пришел работать рядовым инженером, к пуску завода был назначен начальником цеха, потом главным инженером. В 1952 году стал директором предприятия и возглавлял его четверть века.

Для музея специально пристроили к Дворцу культуры помещение. Красивый зал на сто мест с рядами красных кресел, хорошо оформленные стенды. И повсюду цветы, их разводит директор музея Вера Владимировна Потапова. Она же готовит и многие вечера: вручение паспортов, комсомольских билетов. Частые гости в музее — старшеклассники подшефной школы № 241. Вот и на недавний вечер встречи с редакцией журнала «Наука и религия», кроме рабочих завода, пришли школьники.

Неизменно удаются в музее вечера посвящения в рабочие. В последний четверг каждого месяца зал заполняют юноши и девушки. Иногда их 30 человек, иногда — 10. Смущаясь и робея, переступают они порог музея и начинают знакомиться с историей и нынешним днем предприятия.

Вот на этих пустырях, огородах, на болоте поднимаются первые корпуса. Неказистые бараки, где в разделенных занавесками комнатах жили строители и первые рабочие. А теперь здесь — многоэтажные со всеми удобствами дома рабочих «Станколиты».

Подолгу стоят молодые люди перед стендами, рассказывающими о знатных тружениках — Н. С. Волковой, К. Ф. Левушкиной. Вот фотокопия заявления простой деревенской девушки Н. Волковой с просьбой принять ее в ряды ВКП(б). Корявые буквы, орфографические ошибки. А дальше ее заметка в многотиражке «Вагранка». «Завод растет и я расту», — так написала она, тогда уже учащаяся техникума. Упорная работа над собой, учеба — и Волкова становится передовой работницей, затем мастером. Самоотверженный труд сформировал также и мастера К. Ф. Левушкину, Героя Социалистического Труда.

«Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд» — так озаглавлены стенды, рассказывающие об ударном труде станколитовцев во время Великой Отечественной войны, о боевых подвигах тех, кто взял винтовку для защиты Родины от врага. 500 работников завода ушли на фронт и 298 из них пали смертью храбрых. Их имена выбиты на памятнике, сооруженном в 1968 году на средства, собранные рабочими завода. И нет человека в коллективе, который не почтил бы память героев на ежегодном траурном митинге в День Победы.

Во дворе завода, вернее сказать в саду — так он зелен и красочен — между цехами возвышается литая чугунная колонна. Что-то знакомое видится в ее очертаниях. Ну, конечно же, точно такие колонны были отлиты на заводе для восстановления в Москве Триумфальной арки, построенной в честь победы над Наполеоном в войне 1812 года... А сколько в столице других памятных мест, где вложен труд заводского коллектива! Отлитый чугунный саркофаг во время реставрации и ремонта Мавзолея В. И. Ленина, огромные тубинги для метро...

...Задумчивы лица юношей и девушек. Знакомство со славными заводскими традициями рождает чувство сопричастности ко всему, чем живет рабочий коллектив, желание быть достойными продолжателями свершений старших поколений, чувство гордости за человека и его дела. Нет, не забудется этот день! Он оставит неизгладимый след в душе каждого нсвичка. И как бы ни сложилась судьба пришедших сюда молодых людей, вера в человека, чувство собственного достоинства помогут им, если на жизненной тропе он столкнется с проповедниками иных, неземных ценностей.

— Жизнь теперь красивая, — задумчиво говорит Николай Сергеевич Панкратов. — Молодежи все дано, все ей открыто.

20 лет назад на газеты чуть не в приказном порядке подписывались, а теперь подписку друг у друга рвут. Само время предъявляет социальный заказ на людей образованных. Поэтому учатся все: кто в техникуме, кто в институте, кто в политехнике занимается... Вот трое парней в цех пришли. Подключили к ним наставником Володю Ананьева, члена КПСС, бригадира слесарей. Он несет за них полную ответственность. Пройдет год, и начнут парни учиться. Девушка в контору учетчицей поступила, побеседовали, пошла в 10-й класс, сейчас готовится поступать в институт...

Сам Панкратов работает на заводе 25 лет. Был перерыв — пять лет служил во флоте. Биография его слагалась здесь же, на заводе. Начинать модельщиком, учился в вечерней школе рабочей молодежи, потом стал технологом, мастером, заместителем начальника цеха, наконец — начальником.

Есть на каждом заводе костяк людей, глубоко преданных делу. Ни разу не опоздать на работу, ни разу не прогулять — крепкая основа у таких тружеников: любовь к заводу, к труду. Они приводят сюда своих детей, родственников, составляя и умножая династии. Такие люди на виду, на них равняются, с них берут пример. Уходят они на пенсию, а опыт, традиции остаются.

Вот и Панкратовы. Работает здесь брат Николая Сергеевича (они близнецы), их жены. А привела Николая Панкратова на завод его родственница — Герой Социалистического Труда К. Ф. Левушкина.

Вообще на предприятии много людей, которые работают целыми семьями, династиями. В общей сложности 167 лет проработали на заводе супруги Хорошиловы, два их сына и жена одного из сыновей. 108 лет — династия Суповых — отец, мать, сын с женой, внук; 75 лет — общий производственный стаж Кисляковых — главы семьи, его жены, сына, внука и жены внука; а семья Кулешовых — пять их сыновей, жена одного из сыновей, внук — проработала на заводе 220 лет.

— Придешь в музей, посмотришь, вспомнишь годы, что на заводе прошли, воочию жизнь свою увидишь. Для кого музей, а для меня сама жизнь, — заключил Панкратов.

Многие крепко связали свои судьбы с заводом. Здесь они поднялись, здесь определились их интересы, сформиро-

Черная роза

вались характеры, духовный мир. Вот хотя бы крановщица Галина Федоровна Егорова, депутат Московского городского Совета, принятая недавно кандидатом в члены КПСС. Ей немногим более 30 лет, и сложилась она как личность в коллективе завода.

Я ждала ее в заводском музее. Вошла высокая молодая женщина в изящном пальто и модной шапочке. Синие тени на веках, умело тронутые помадой губы подчеркивали красоту лица. Такая женщина и в Дом моделей могла бы по конкурсу пройти. А она пришла после тяжелой работы на мостовом кране.

Позднее довелось мне попасть в цех № 1 и увидеть Галию в работе.

— Вначале я пугалась: как смогу, как сумею — а теперь легко с работой справляюсь... Было трудно и с депутатской работой. Как в воду бросили. Однако освоилась...

Завод выдвинул ее депутатом в 1977 году. И пошла жизнь кипучая, деятельная. Депутатские дни приема посетителей. Сессии, семинары... А она еще учится в литейном техникуме при заводе, мечтает поступить в институт. Дома — муж, помощник во всех делах, сынишка. С мужем судьба свела здесь же, на заводе. Он — старший технолог.

Памятник
станколитовцам,
погибшим на фронтах
Великой
Отечественной войны.

Фото В. Евсеева.

Депутат Московского
городского Совета
крановщица Г. Егорова.

А начиналась жизнь иначе — с молитв и частых хождений в церковь. Родители уехали работать на Сахалин, а девочку оставили у бабушки в Подмоскowie. Думала бабушка, что делает доброе дело, внушая веру в бога. Галя училась уже в четвертом классе, когда родители забрали ее и уехали в город Болехов на Украине. Еще у бабушки девочка стала сомневаться в том, что слышала от нее и в церкви, а как переехали в Прикарпатье — сомнения окрепли: родители, сами неверующие, всячески старались развеять заложенную бабушкиным воспитанием религиозность.

А вскоре произошел случай, запомнившийся на всю жизнь. Умерла соседка-старушка, приветливая, добрая женщина. В ее сад Галя ходила полюбоваться темно-красными розами. Девочка встретила впервые со смертью, и она потрясла ее, потом, в сумерках, сидя на крылечке, шептали ей подростки про покойников. Говорили, что души умерших можно увидеть ночью на кладбище. Тут-то и сказала Галя, что все это неправда. И вызвалась пойти ночью на кладбище и посадить на могиле старушки куст розы из сада. Ночью темно-красные розы казались черными. Подружки были уверены, что с Галей произойдет что-то ужасное.

Но она вернулась живая и невредимая. А днем все увидели посаженные Галей цветы.

Вскоре Галя вступила в пионеры и через некоторое время стала председателем школьной дружины. В тихом прикарпатском городке люди постепенно отходили от религии, все меньше верующих посещали костел. И тогда состоялось решение городского Совета передать это здание школе под спортивный зал. Некоторые жители не разрешали своим детям ходить в зал. Галя, председатель пионерской дружины, многих ребят убедила тогда заниматься спортом.

И теперь взрослый, сложившийся человек, Галина Федоровна Егорова остро воспринимает все, что связано с религиозными проявлениями. Крепко убеждена: религия скрывает силы, обедняет жизнь человека. Вот упрекнула ее родственница, что сына не крестила, мол, здоровее был бы. И Галя так горячо доказывала вред религиозного крещения, что, можно сказать, переубедила тетушку.

Просматривая двухмечасный план работы Дома культуры (он обслуживает три соседних завода: «Станколит», «Борец», «Спецстанок»),

А пути к сердцу?..

обращаешь внимание на обилие вечеров, встреч, лекций, бесед. Работают здесь университет наставников, школа коммунистического труда и профсоюзного актива, народные университеты культуры и правовых знаний, кино клуб «Орленок», клуб женщин «Работница», юношеский военно-патриотический клуб «Звезда» и многие другие. Стало привычным, сменив рабочую одежду на праздничную, идти по вечерам в свой заводской клуб. В разное время гостями завода были известные мастера культуры, артисты: Аркадий Райкин, Сергей Образцов, Олег Табаков — всех не перечесть.

Мое внимание привлёк университет научного атеизма. Он существует уже не первый год. В абонементе сказано: «Программа предусматривает изучение истории атеизма и религии, идеологии современных религиозных организаций, культа и деятельности церквей и сект в СССР, форм и методов атеистического воспитания. Выступают видные советские ученые-специалисты и опытные лекторы».

Все так и есть. И лекторы эрудированные, и лекции читают квалифицированно. Закончив курс, слушатели, конечно, смогут прочитать доклад. Но вот сумеют ли поговорить с человеком по душам?..

— Преподаватели в университете говорят сложным языком, часто о предметах, далеких от реальной жизни. Надо готовить беседчиков, а не докладчиков, — делится мыслями директор Дома культуры Александр Наумович Коренцвит. — Надо, чтобы лекторы говорили просто, готовили слушателей так, чтобы они могли обращаться потом к чувствам людей. Священник в церкви не жалеет времени, может заниматься с одним человеком, беседовать, внушать. А мы нередко забываем, что религия — область чувств, эмоций, ведем работу сухо, рассудочно. А вот у Надежды Константиновны Крупской находим такое высказывание: «Определенное мировоззрение только тогда входит в плоть и кровь, когда оно связывается с эмоциональными переживаниями. И только тогда оно прочно».

И еще от себя скажу. Надо, чтобы людям интересно было. Много ли, например, кинофильмов, интересных книг на атеистическую тему? А можно ли подготовить атеистический вечер, такой же интересный, как, скажем, устный журнал «Хочу все знать» или «Здоровье»? Много раз пробовали — не получается, нет даже сценариев подобных вечеров. Нет и новых фильмов... В общем, атеистическую работу проиллюстрировать, эмоционально закрепить нечем...

В модельном цехе работают 27 старшеклассников подшефной школы № 241. Работают по дереву в самом чистом заводском цехе. Работают не на мусорную корзину, а по-настоящему. По окончании десятилетки получают прекрасную специальность модельщика. Так выполняется на практике известное постановление ЦК КПСС о дальнейшем совершенствовании связи обучения с трудовым воспитанием.

Но на заводе заботятся и о мировоззренческом воспитании подрастающего поколения. Так, Дом культуры организовал для школьников Клуб юного атеиста. Да и в самой школе № 241 ведется теперь атеистическая работа. Она начинается с библиотеки, с атеистического уголка. Там же — список литературы. Популярность у библиотеки большая. Из 760 учащихся ее посещают 630.

Держу в руках абонемент клуба юного атеиста. Он существует в рамках Дома культуры под эгидой детского сектора, возглавляемого его сотрудником Ольгой Васильевной Башкиной. Клуб раньше посещали ученики трех старших классов, а в этом году — и семиклассники. На занятии клуба юного атеиста Дом культуры приглашает лекторов из общества «Знание». На этих встречах ребята узнают о различных религиях, знакомятся с происхождением и сущностью религиозных праздников, причинами возникновения примет, суеверий. И обязательно — посещают Дарвинский музей.

В начале каждого учебного года в актовом зале школы для учащихся старших классов проводится тематический классный час, в том числе и атеистический. Заранее вывешиваются объявления, список литературы. В конце вечера ребята всегда задают вопросы: про религиозные праздники, почему не портится «святая вода», о древней живописи, о работе реставраторов.

В конце года проводится научно-практическая конференция, на которой ученики выступают с докладами. На конференцию приглашают и жителей микрорайона.

Школа существует с 1939 года, и с тех давних пор она всегда была центром воспитательной работы в районе. Среди жителей много одиноких пожилых людей, и в школу они приходят с удовольствием. Интересный ли доклад, костюмированный ли бал — школа всегда приглашает жителей микрорайона. Какое огромное впечатление производят они на людей. А главное — запоминаются внимание, забота, так необходимые каждому человеку. Доброта, отзывчивость школьников и учителей невольно создают у людей преграду для поиска иллюзорного утешения.

Есть в районе народный университет педагогических знаний — детище районного отдела народного образования, администрации школы № 241 и Дома культуры завода. Этот университет создан в помощь родителям учащихся подшефной школы. Он помогает решать многие сложные вопросы воспитания детей, вооружает знаниями. В программе университета предусмотрены и атеистические темы.

Народный университет как бы замыкает треугольник: завод — школа — микрорайон, созданный не только самой жизнью, но и сознательными усилиями людей, глубоко заинтересованных в достойном воспитании подрастающего поколения. Так решается задача формирования у молодежи материалистического мировоззрения и атеистических убеждений, так практически реализуются пожелания, высказанные в 1960 году на страницах журнала «Наука и религия» членами бригады коммунистического труда завода «Станколит».

Завод — школа — микрорайон

Завод электронных приборов имени Ленинского комсомола — одно из лучших предприятий Рязани. Партийный комитет предприятия, первичная организация общества «Знание» ведут большую работу на заводе по атеистическому воспитанию трудящихся. Во втором цехе, например, вот уже 10 лет действует клуб читателей журнала «Наука и религия».

В канун 20-летия журнала в красный уголок цеха пришли председатель совета клуба технолог В. А. Ромазанова, член совета клуба работница Т. И. Кочеткова, секретарь партийного бюро цеха начальник участка Н. И. Конча и ответственный секретарь

КЛУБЫ В ЦЕХАХ

заводской первичной организации общества «Знание» заведующая библиотекой А. Я. Глыбова. Разговор касался опыта работы клуба, его прошлого и настоящего.

А. Я. ГЛЫБОВА. Давайте-ка вспомним, как появился клуб. Все началось с события, которое, казалось, не имело к нему никакого отношения. У одной нашей работницы случилось несчастье, сгорел дом. Женщина она была еще молодая, но одинокая, и сразу же около нее закрыжились старушки в темных платках. Девчата из комитета комсомола встревожились: привалят ее к себе богомолки. Хотели побеседовать с женщиной по душам, но не тут-то было. Не сумели найти к ней подхода. Библиотека незадолго до этого провела атеистическую конференцию, вот девчата и прибежали к нам: как быть? Надо, говорим, учиться атеистической работе, больше читать по этой теме.

Можно сказать, что с этого момента комитет комсомола, а вслед за ним и многие работницы нашего молодежного предприятия заинтересовались журналом «Наука и религия». В библиотеке сразу стали его спрашивать, а было у нас тогда всего три экземпляра.

Учитывая возросший интерес к атеистическим знаниям, партком завода предложил создавать в цехах клубы читателей журнала. Первый такой клуб появился у вас, Тамара Ивановна...

Т. И. КОЧЕТКОВА. И, мне кажется, не случайно. В нашем коллективе царит атмосфера дружбы, согласия. Тот, кто начинал доброе дело, всегда находил единомышленников. Недаром именно в нашем цехе была создана одна из первых в области бригад коммунистического труда...

Что касается клуба... Тогда у нас почти полностью обновил-

ся испытательный участок, пришла работать группа совсем еще юных девушек. Они быстро сдружились, а когда кто-то подал идею о клубе, все разом ее поддержали.

Н. И. КОНЧА. Думаю, немаловажную роль в этом сыграло и то, что коллектив наш почти полностью женский. Женщина — это мать, жена. У нее, на мой взгляд, особый, обостренный интерес к житейским проблемам, вопросам морали, нравственности. А журнал много пишет на эти темы. Причем, противопоставляя религиозным догмам нашу коммунистическую мораль, находит яркие, волнующие примеры.

Я, например, до сих пор помню, какое глубокое впечатление произвела на меня статья об Афанасии Тютюнике, председателе одного из брянских колхозов, прошедшем гитлеровский концлагерь, камеру смертников, но сохранившем свое человеческое достоинство, твердость духа. И таких материалов в журнале немало. Они вызывают горячий отклик у работниц. А это создает благоприятную атмосферу для того, чтобы беседовать с ними доверительно и открыто.

Клуб — это живая форма работы с людьми. Поэтому партийное бюро цеха и придает большое значение его деятельности, которую надо, конечно же, постоянно совершенствовать.

В. А. РОМАЗАНОВА. Для совета клуба этот вопрос был всегда важным. Как строилась, например, наша работа поначалу? На заседаниях клуба, насколько я помню, выступали

только работники библиотеки. Они делали обзоры журнала, читали женщинам наиболее интересные статьи. Нужно, полезно, но это — пассивная форма участия в деятельности клуба, она не давала слушателю достаточной атеистической закалки. В этом мы убедились на практике. Наши девушки с течением времени стали обзаводиться семьями, и вскоре мы узнали о нескольких случаях крещения детей. Что побудило сделать такой шаг? Кто-то не устоял перед напором бабушки, кто-то не захотел портить отношения с теткой и т. д. Ни одна из молодых женщин не была верующей, но и атеистами они не оказались, не хватило убеждений, нравственных сил, чтобы отстоять свою точку зрения.

Это был минус нашему клубу. Решили использовать активные формы: например, читательские конференции, диспуты, которые, по нашему мнению, должны были содействовать воспитанию в членах клуба более принципиальной убежденности... Взяли на вооружение и другие формы.

А. Я. ГЛЫБОВА. Верно, верно. Например, встречи с людьми, которые порвали с религией. Помню, как интересно прошла у нас в клубе беседа с бывшим священнослужителем С. Н. Теплоуховым. Теперь он член общества «Знание». Кстати, познакомились с этим человеком нам помог журнал: была напечатана статья о Теплоухове, и мы узнали, что живет и работает в нашем родном городе такой интересный человек.

В. А. РОМАЗАНОВА. И еще. Если раньше на заседаниях клуба мы касались только тех проблем, которые имели ярко выраженную атеистическую направленность, то сейчас обсуждаются и более широкие темы. Например, «Советские обряды и праздники», «О смысле жизни и счастье советского человека», «О человеческом достоинстве».

Н. И. КОНЧА. Скажу о результатах. За последнее время наши работники, особенно молодые, почти перестали участвовать в религиозных обрядах. Случаев крещения детей сейчас совсем нет. Думаю, сказалось влияние клуба.

Т. И. КОЧЕТКОВА. Конечно, заслуга клуба в этом есть, но ведь надо учитывать и те изменения, которые произошли за последние годы в жизни цеха, его людей. Вот, например, говорилось, что некоторые молодые женщины крестили своих ребятишек под давлением бабушек. А бабуш-

ки ставили условие: «Не окрестишь, не буду нянчить внука». Детских садики, яслей в то время не хватало. Сейчас же проблема детских дошкольных учреждений на заводе в основном решена. А это значит, что молодые мамы стали более независимы от своих религиозно настроенных родственников.

Можно сказать, что в цехе, да и на всем заводе, больше внимания уделяется внепроизводственной жизни рабочих. Регистрация брака, рождение ребенка, юбилей — все эти события в трудовом коллективе отмечаются торжественно, памятно. Часто организуются различные экскурсии, посещения театров, выставок... Все это, естественно, не могло не сказаться на культурном росте людей, влияет на их мировоззрение, отношение к жизни, к религии...

Н. И. КОНЧА. Тамара Ивановна, безусловно, права. На эффективность атеистической работы влияют многие факторы. Именно потому она осуществляется в тесной связи с идейно-политическим, трудовым и нравственным воспитанием людей. Большое внимание в нашем цехе уделяется политическому, экономическому образованию. Система партийной учебы охватывает сегодня более 80 процентов рабочих, инженерно-техничес-

ких работников цеха. Важное значение придается дальнейшему развитию социалистического соревнования, в частности соревнованию за выполнение личных планов, когда каждый член коллектива ставит перед собой конкретную задачу по повышению производительности труда, экономии материалов.

Мы гордимся тем, что второй цех уже давно и заслуженно считается одним из лучших коллективов предприятия. Успешно трудиться многим нашим рабочим помогает высокая сознательность, чувство гражданского долга. И эти люди по своим жизненным установкам, конечно, далеки от религии.

А. Я. ГЛЫБОВА. Скажу немного о проблемах. К работе нашей первичной организации, в частности к ее атеистической деятельности, предъявляются сейчас большие требования. И мы стремимся работать, как говорится, на уровне: привлекаем в помощь заводскую печать, радио, стараемся шире распространять атеистическую литературу, регулярно пополняем ею передвижные библиотеки в цехах и т. д. Но ведь одно из главных средств атеистической работы — живое слово лектора, пропагандиста, агитатора. А таких кадров у нас как раз и не хватает. Секцию атеизма при первичной организации общества «Знание»

составляют в основном люди пожилого возраста. Постепенно они уходят с завода. Кто придет им на смену?..

В. А. РОМАЗАНОВА. Многие женщины с испытательного участка охотно выступают на заседаниях клуба. Например, Татьяна Шатраева, Надежда Широкова, Лидия Ялова. На атеистическом отделении университета марксизма-ленинизма при райкоме партии учится Валентина Белякова. После каждого занятия в университете она делится услышанным с членами клуба, выступает с лекциями перед работницами участка.

Н. И. КОНЧА. Но вот часто ли выступают члены клуба перед более широкой аудиторией, скажем перед работницами всего цеха? Нет, довольно редко. А ведь условия, возможности есть. У нас просторный красный уголок, для проведения лекций, бесед отводится специальное время.

На испытательном участке всего 30 работниц, а сколько их в цехе! И партийное бюро ставит задачу: идти в своей работе до каждого человека. Клуб должен быть активнее.

Т. И. КОЧЕТКОВА. Мы действительно в последнее время замкнулись в себе. Клубу, конечно, следует расширить сферу своей деятельности. Но вот что хотелось бы еще сказать. Для того чтобы выступить на атеистическую тему перед большой аудиторией, надо обладать хорошей подготовкой, систематически пополнять и обновлять знания. Может быть, следует организовать на заводе атеистический лекторий? Я знаю, многие женщины стесняются выступать «не перед своими», не чувствуя себя достаточно подготовленными: «А вдруг зададут такой вопрос, на который не смогу ответить?». Рабочая аудитория очень требовательна, большинство людей имеют среднее образование, интересуются широким кругом вопросов.

Кстати, Антонина Яковлевна, вы сказали, что несколько лет назад библиотека обходилась всего тремя экземплярами журнала «Наука и религия». А сколько их теперь?

А. Я. ГЛЫБОВА. Теперь мы получаем уже три десятка экземпляров. Журнал очень популярен на заводе. Недавно в четвертом цехе создан еще один клуб его читателей. Теперь мы должны помочь новичку...

Завод электронных приборов. Члены совета клуба читателей журнала «Наука и религия» готовятся к очередному заседанию.

Фото В. Гаврилова

Записала Т. БАННИКОВА
г. Рязань

А. БЕЛОВ,
заведующий редакцией
литературы
по научному атеизму
Политиздата

Передо мной план выпуска атеистической литературы Политиздата двадцатилетней давности. Невольно сопоставляешь его с нынешним планом — и отчетливо ощущаешь, какой скачок сделан в издании массовой литературы по научному атеизму за два десятилетия. В опубликованном в одном из первых номеров «Науки и религии» интервью заведующего редакцией атеистической литературы издательства А. А. Сударикова речь практически шла о первых шагах выпуска этой литературы в послевоенное время. Ведь единственная в стране специализированная редакция была создана примерно в одно время с «Наукой и религией». По-разному складывались их судьбы, но творческое сотрудничество никогда не ослабевало.

Массовые брошюры по атеизму... С них практически начиналась жизнь нашей редакции. В ту пору не сложился еще ее авторский актив. Только налаживались связи с научными учреждениями, которые занимались разработкой проблем научного атеизма. А нужда в атеистической литературе была велика. Особенно у пропагандистов, которым надо было дать солидный информационный материал, познакомить с положением дел на очень важном участке идеологической работы, вооружить знанием новейших форм и методов атеистического воспитания с учетом изменений, происшедших в религиозной идеологии, в религиозном сознании верующих. Была поставлена в соответствии с указаниями Центрального Комитета партии и задача выпуска массовой литературы по научному атеизму для самых широких кругов читателей, в том числе и для верующих.

Первой фундаментальной книгой был «Спутник атеиста», справочное издание, которое и поныне хранят в личных библиоте-

ках многие пропагандисты атеизма. В состав большого коллектива авторов вошли практически все наиболее крупные исследователи, занимавшиеся разработкой атеистической проблематики. Активное участие в подготовке издания приняли ученые из институтов Академии наук СССР, ряда высших учебных заведений, а также сотрудники ленинградского Музея истории религии и атеизма, с которым редакцию связывало крепкое творческое сотрудничество. В рецензии, опубликованной в «Науке и религии», отмечалось, что выход в свет «Спутника атеиста» несомненно значительное событие в пропаганде научного атеизма.

Наши западные критики, специализирующиеся на фальсификации истории атеизма в СССР, пытаются изобразить дело так, будто расширение выпуска массовой атеистической литературы в тот период было чуть ли не неким «насильственным актом», не отвечавшим запросам масс, мероприятием, «внедрявшимся сверху», проводившимся якобы в рамках «широкого наступления богороческой власти на религию», которое началось в 1957 году. Это «наступление» вызвало-де решительное сопротивление среди рядовых людей, которые отвергали навязываемую им атеистическую идеологию.

В действительности все обстояло иначе. И если уж говорить о массовой атеистической литературе, то ее читательский успех превзошел все ожидания. Тиражи книг Ем. Ярославского, И. Скворцова-Степанова, переиздававшихся в то время, исчислялись не десятками, а сотнями тысяч экземпляров, и все равно спрос на них не уменьшался. Брошюры серии «Беседы с верующими» выходили тиражом 200—250 тысяч. Два издания выдержал «Спутник атеиста». А ведь, как известно, издательства у нас устанавливают тиражи книг, исходя из заявок книготорговых организаций, отражающих читательский спрос.

Пропагандистам научного атеизма моего поколения памятливы издания, которые в известной мере стали этапными для редакции. Четыре издания выдержал популярный учебник «Беседы о религии и знании», который был детищем его редактора академика

Г. П. Францова. Еще и по сей день мы получаем отклики от читателей «Календаря атеиста», который увидел свет 15 лет назад.

Тогда же вышел первый выпуск популярного справочника «Ответы верующим». Его содержание составили ответы на те вопросы, которые наиболее часто задаются лекторам, беседчикам, пропагандистам.

Выходило в свет немало переводной литературы. Мы «открыли» для советского читателя видного итальянского ученого-коммуниста А. Донини, издав его книгу «Люди, идолы и боги». Забегая вперед, замечу, что в ближайшее время читателей ожидает новая встреча с этим крупным историком христианства: в печати находится его книга «У истоков христианства», впервые переведенная на русский язык.

А публицистические книги выдающегося американского сатирика Марка Твена «Письма с Земли» и «Размышления о религии»! В них вошли его статьи, заметки, наброски, которые, согласно завещанию писателя, были опубликованы впервые в США только в 60-х годах. Проявив

ЧЕРЕЗ

большую оперативность, коллектив редакции смог уже через несколько месяцев после этого познакомить советского читателя с их русским переводом.

В числе авторов тех лет такие интересные исследователи, работавшие и продолжающие работать над проблемами, так или иначе связанными с научным атеизмом, как С. И. Ковалев, Я. А. Ленцман, И. С. Свенцицкая, Д. В. Гурьев и другие. Сотрудничали в редакции академик Д. И. Щербаков, академик АМН Н. Н. Блохин, профессора В. А. Неговский и В. Е. Рожнов.

Сейчас редакция литературы

по научному атеизму ежегодно выпускает около 20 названий книг и брошюр общим объемом более 200 печатных листов. Это и учебная литература для студентов высших и средних специальных учебных заведений, где читается курс научного атеизма, и справочники, и издания, адресованные нашим идеологическим кадрам, в том числе пропагандистам и организаторам атеистической работы. Это и книги, рассчитанные на самые широкие читательские круги, в частности на верующих. Если сравнительно недавно кое у кого были сомнения: а читают ли верующие атеистическую литературу, то в настоящее время таких сомнений нет — читают. О том свидетельствуют и проведенные в разных районах страны конкретные социологические исследования, да и наша редакционная почта.

С маркой Политиздата выходят серии «Библиотека атеиста» и «Беседы о мире и человеке». В брошюрах, входящих в состав первой из них, об актуальных проблемах научного атеизма, а также об опыте воспитательной работы рассказывают партийные работники, пропагандисты науч-

Выпускаем мы и «Библиотеку атеистической литературы». По замыслу в нее должны входить лучшие книги по атеизму, ставшие в настоящее время библиографической редкостью, а также новинки, которые можно отнести к «золотому фонду» атеистической литературы. Одним из первых вышел в серии сборник «Да, скроется тьма!», состоящий из отрывков произведений французских материалистов XVIII века — той самой бойкой, живой, талантливой атеистической пропаганды, о которой писал В. И. Ленин в своей статье «О значении воинствующего материализма». В числе изданий этой серии «Библия для верующих и неверующих» Емельяна Ярославского, яркие сатирические произведения французского писателя Лео Таксиля, широко известные работы недавно скончавшегося польского писателя Зенона Косидовского «Библейские сказания» и «Сказания евангелистов», книга видного советского ученого С. А. Токарева «Религия в истории народов мира» и другие.

Широко известны читателям самых различных возрастов и профессий красочные выпуски

журналом «Наука и религия». О многих наших изданиях первыми узнавали читатели журнала, так как до выхода книги главы из нее публиковались на его страницах. Впервые на страницах «Науки и религии» увидели свет произведения Зенона Косидовского. Впервые были опубликованы отрывки из книги И. Григулевича «Папство. Век XX» и многих других работ. А в то же время немало изданий родилось из журнальных публикаций. Так, в свое время Политиздат выпустил публиковавшуюся в «Науке и религии» документальную повесть Льва Овалова «Помни обо мне». Привлекли внимание издательства печатавшиеся в журнале статьи доктора медицинских наук В. Е. Рожнова о «российском чудотворце» Григории Распутине; они послужили основой для получившей популярность книги «Пророки и чудотворцы». Из журнальных публикаций сложилась выпущенная Политиздатом книга «Мир вокруг нас». Из очерков корреспондента журнала В. Харазова — книга «Трудные истины бытия». В течение ряда лет журнал публиковал статьи крупных ученых по кардинальным проблемам современной науки, интервью с видными исследователями, рассказывавшими о том, как научный поиск подтверждает правоту диалектико-материалистического понимания мира, решительно отвергая религиозно-идеалистические представления об окружающей действительности. Эти публикации составили основу книги «Разум побеждает», с которой читатели познакомятся в нынешнем году.

Подобных примеров творческого содружества издательства и журнала можно привести немало. Убежден, что и впредь оно будет развиваться и крепнуть.

Оглядываясь на прошлое, нельзя не заглянуть и в будущее. А оно для нашей редакции — в перспективных планах издательства. И, конечно, прежде всего в планах будущего года. Что интересного ожидает читателей? Какие новинки литературы привлекут их внимание? Назову лишь некоторые. Уже закончена работа над новым изданием популярного справочника «100 ответов верующим», в который вошли наиболее интересные ответы из публиковавшихся в трех выпусках «От-

ГОДЫ...

ного атеизма из разных областей и районов страны.

Признание читателей завоевала серия «Беседы о мире и человеке». Небольшие по объему иллюстрированные книжечки, посвященные различным мировоззренческим вопросам, подкупают простотой и доходчивостью изложения. Не случайно за последние три года заказы книготорговых организаций на брошюры этой серии возросли вдвое, а наиболее удачные издания удостоены дипломов на ежегодном конкурсе Всесоюзного общества «Знание» на лучшую научно-популярную книгу.

альманаха «Атеистические чтения». Сейчас в производстве 10-й выпуск.

Есть у нас книги, которые постоянно пользуются спросом. Время от времени мы переиздаем их, давая им новую жизнь. Одно из таких изданий — «Настольная книга атеиста». В конце минувшего года она вышла пятый раз. Второй раз издан «Карманный словарь атеиста». Пять изданий выдержал вузовский учебник «Научный атеизм».

Не могу не сказать о том, что работа редакции литературы по научному атеизму всегда протекала в тесном содружестве с

ветов верующим». Разумеется, в них многое обновлено, учтены, в частности, положения новой Конституции СССР. Выпускаем это издание, откликаясь на многочисленные просьбы наших читателей.

В будущем году читателей ожидает ряд интересных встреч с новыми изданиями. Выйдут две книги, разоблачающие мистицизм в различных его проявлениях. Это книга ленинградского писателя В. Львова «Баррикады разума», где он разоблачает спекуляции на так называемых таинственных явлениях человеческой психики, вскрывает корни мистических представлений, показывает логическую несостоятельность рассуждений их носителей.

Писатель Е. Парнов в книге «Боги лотоса» в форме своеобразных путевых заметок повествует о своем знакомстве с «тайнами» восточной магии, к которой в наши дни апеллируют многие защитники мистицизма. Кстати, «Наука и религия» публиковала несколько очерков писателя, вошедших в новую книгу.

Интересной обещает быть встреча читателей с книгой доктора исторических наук В. Ларичева «Сад Эдема». Новосибирский ученый увлекательно повествует о научном поиске следов первобытного человека, что должно помочь составить полную картину его происхождения.

И, конечно, следует упомянуть о книге Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», которая выйдет в серии «Библиотека атеистической литературы». Фундаментальный труд видного английского ученого, этнографа и религиоведа, вышедший в 30-е годы на русском языке в сокращенном виде, давно стал библиографической редкостью. Мы впервые предприняли его полный перевод. И хотя некоторые выдвинутые ученым положения устарели, хотя мы критически относимся к его методологическим принципам, значение этой работы, ее вклад в решение проблемы возникновения религии трудно переоценить.

Не буду перечислять все издания, которые в ближайшем будущем получат читатели. О них можно узнать, познакомившись с издательским планом. Упомяну лишь о некоторых замыслах, которые рассчитываем претворить

в жизнь. Идет работа над «Словарем атеиста» — наиболее полным из всех, выходящих до сих пор. В ней принимают участие ведущие научные и учебные заведения страны. Основной труд по его подготовке взяла на себя кафедра истории и теории атеизма Московского университета.

В перспективе — выпуск двухтомного издания «Современные религии». Предполагаем, что начнет выходить в свет справочник «Атеист», который думаем готовить отдельными выпусками, освещающими те или иные конкретные проблемы атеистической пропаганды. Среди первых его выпусков будут справочники по атеистическому воспитанию, законодательству о религиозных культах. И вообще, справочной литературе, которая всегда пользуется большим спросом, будем уделять особое внимание.

Идет подготовка и ряда изданий, обобщающих опыт атеистического воспитания. Следует сказать о работах, посвященных такому актуальному вопросу, как внедрение в быт новой, социалистической обрядности. Редакция готовит книгу, в которой будут представлены и образцы сценариев, обрядов и различных ритуалов, внедренные в практику методические разработки, и описание деятельности специальных служб, занимающихся организацией и проведением обрядовых действий. Собираем материал о том, как ведется работа по внедрению новой гражданской обрядности в братских социалистических странах.

Следим мы и за литературой, выходящей за рубежом. Ежегодно выпускаем переводы наиболее интересных работ, конечно, в первую очередь обращая внимание на издания, выходящие в братских социалистических странах. В содружестве с польскими учеными подготовили книгу «Католицизм-77», с болгарскими исследователями — книгу «Гуманизм, атеизм, религия», которая одновременно вышла в Софии. Ученые ГДР были привлечены к написанию книги «Религия в век научно-технической революции».

Еще на первой международной выставке-ярмарке в Москве в 1977 году многие зарубежные издательства и издательские фирмы проявили интерес к нашей литературе. Мы в свою очередь по-

лучили информацию о наиболее интересных изданиях по атеизму за рубежом. На второй выставке-ярмарке в сентябре нынешнего года рассчитываем на то, что удастся заключить соглашения на перевод новых интересных изданий, с которыми мы сможем познакомить советских читателей.

Я вновь обращаюсь к номеру журнала «Наука и религия», в котором шла речь о планах редакции литературы по научному атеизму. О планах двадцатилетней давности. Сколько перемен прошло с тех пор! Сколько новых изданий получили путевку в жизнь, вооружили читателей знаниями, помогли некоторым из них пересмотреть свои мировоззренческие позиции! Ведь немало бывших верующих прямо заявляют о том, что в их решении порвать с религией, помимо прочего, сыграли роль и атеистические книги. И это закономерно: книга дает возможность человеку узнать ту правду о мире, об обществе, о смысле человеческого существования, которая от него сокрыта, искажена в его религиозном сознании. Об этой важной роли атеистической литературы мы всегда помним.

Центральный Комитет КПСС в своем постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» призвал нас повышать интенсивность идеологической работы, поднять уровень пропаганды научного мировоззрения, обогащать идейное содержание массово-политической литературы, усилить ее действенность.

Мы знаем, что в наших изданиях по атеизму еще немало недостатков. Знаем о том, что целый ряд важнейших мировоззренческих проблем пока не получил в них достаточного отражения, что не всегда наши книги глубоки по содержанию и ярки по форме, что мы, издатели, подчас недостаточно оперативны. Требуют своего решения вопросы художественного оформления атеистической литературы. Но мы надеемся их решить, сделать издания по научному атеизму такими, чтобы они доходили до самого широкого читателя, затрагивали его чувства, заставляли задуматься, пробуждали к действию мысль. В этом редакция видит одну из основных своих задач.

СПОР О ВЕРЕ

Григорий МЕДЫНСКИЙ

В № 6, 7 и 8 журнала «Наука и религия» за прошлый год были опубликованы отрывки из книги воспоминаний известного советского писателя Григория Медынского. Редакция получила немало писем, в которых читатели высказывают свое мнение по поводу проблем, затронутых автором «Воспоминаний». Ниже мы помещаем размышления Григория Александровича Медынского над редакционной почтой журнала.

ПУБЛИКУЯ СВОИ «Воспоминания», я знал, что иду на спор. Спор этот, пожалуй, столь же древний, как и сам человек, который тем и отличается от животного, что не просто живет, чтобы жить, но ищет, думает, задает вопросы: что есть мир? Как он возник? Что есть человек? Какова цель его жизни? Что такое совесть?.. Течет время, уходят столетия и целые эпохи, меняются обстоятельства и условия жизни, а человек ищет ответ на эти вечные вопросы.

В наше время, когда разум достиг небывалых успехов в познании окружающего мира, когда идет решительная борьба за перестройку самих основ человеческого общества на новых началах, эти вопросы приобретают особенно важное значение. Поэтому, вероятно, и мои «Воспоминания» вызвали большую почту — кто-то со мной соглашался, а кто-то спорил, и притом довольно решительно.

Один читатель, не назвавший своей фамилии, написал так:

«Вы заявляете, что вы сын священника и закон божий учили, и вот я думаю, что если бы не было революции, то вы тоже были бы священником и дурили бы людей, как ваш отец. Но раз свершилась в России перемена, то вы пошли по этой дорожке, хотя лучше бы вам пойти бухгалтером или инженером, а не дурить теперь православных людей, как в свое время и ваш отец».

Или в другом письме:

«Своей статьей вы хотите на склоне лет чем-нибудь да блеснуть, хотя бы даже и своим неразумием, то есть ничто славой любой ценой».

Конечно, все это можно было бы и обойти молчанием, но отмалчиваться я не хочу. «Воспоминания» — это главы моей большой книги «Ступени жизни», которая теперь готовится к печати. В ней я рассказываю о своей жизни — начиная с детства и юности и вплоть до последних лет; книга не описательная, а исповедальная, как бы итоговая, анализирующая пути формирования человеческой и писательской личности на протяжении 80 лет.

Естественно, что в книге много места заняли проблемы веры, религии, атеизма — потому что эти проблемы играли большую роль в моей жизни.

Я не искал славы, не стремился чем-то блеснуть. Не подходящее это стремление для «склона лет», не стариковское это дело; в такие годы каждый человек, по-моему, хочет оглядеться и разобраться в том, что прожито и пережито. Захотелось разобраться и мне — как я, выросший в семье священника, учившийся в старой, дореволюционной гимназии, изучавший десять лет закон божий, не понявший сначала (скажу как на исповеди) сущности и значения нашей революции, все это «перемолол» и переборол в своем сознании и стал советским по убеждениям человеком и советским писателем. И книгами своими я никак не хотел «дурить православных людей», я много писал о вопросах нравственности, помогал людям трудной судьбы найти правильные пути в жизни и многим действительно помог. Что касается отхода от религии, то он произошел не после революции, а года за три до нее — когда мне было 15—16 лет. Так что рассерженный читатель, который упрекает меня в приспособленчестве, несправедлив.

Среди писем, пришедших в редакцию, было и такое:

«Много я прочитала статей в вашем журнале, а в последнее время отрывки из «Воспоминаний» Г. А. Медынского, и решила послать вам две книжечки. Прошу, перечитайте их внимательно и, если можно, передайте Медынскому. Не утаите это благодеяние от человечества, ибо президент бессмертных людей Иегова не только сделает вас за это бессмертными, но и светящимися, как небесные звезды».

Редакция переслала эти розовые книжечки мне. «Призыв смертных людей к бессмертию» — так называется первая из них.

«Братья... я нашел такого бессмертного человека, который живет уже многие миллионы лет и может переноситься с быстротой молнии с одной планеты на другую и даже оживлять мертвых и делать их такими же телесно бессмертными, как и он сам. И сей предвечно-дивный маг, владеющий ключами от ада и смерти, открыл мне, что он обессмертил уже великое множество людей из всех племен, колен, народов и языков и станет продолжать сей выбор к бессмертию еще 1000 лет...» И т. д. и т. п.

Некоторые наши читатели, прибегая к самым различным доводам, как автор «Призыва», спорят со мной, иной раз довольно яростно, о бессмертии души. Авторы нескольких писем упрекнули меня в том, что я слишком строго обошелся с «бабушкой с Урала», «возжаждавшей» бессмертия. Эти упреки показались мне странными. В сопоставлении с другим — и по характеру и по взглядам — человеком, тоже, между прочим, бабушкой, живущей в Великом Устюге, я действительно старался разобраться в проблеме бессмертия. Но как можно было усмотреть в моих словах обиду старому человеку? Я еще раз перечитал страницы, о которых идет речь, и удивился. Ничего обидного в них нет. И данные науки, и обычный здравый смысл позволяют утверждать, что «оживлять мертвых и делать их телесно бессмертными», как обещает некий «маг, владеющий ключами от ада и смерти», — явная нелепость. Правда, современная медицина благодаря достижениям науки и самоотверженным усилиям врачей-реаниматоров на самом деле способна возвращать людей из смерти (так называемой клинической смерти) в жизнь. Но ясно, что это

не имеет прямого отношения к проблеме бессмертия души.

Мы, атеисты, вовсе не отрицаем возможности бессмертия души. Но, разумеется, понимаем это бессмертие не так, как понимают его люди, верующие в бога. Душа, душевный мир человека, его мысль и чувства у каждого воплощаются в поступках, делах, образе жизни, творчестве. Потому-то мы говорим о том, что вечно будут жить в памяти народной Ленин, Ломоносов, Галилей, Пушкин, Лев Толстой, Коперник, Горький. Своими делами, характером личности, творчеством они сделали себя бессмертными.

Здесь, я думаю, уместно привести выдержку из письма великого композитора Римского-Корсакова к не менее великому критику Владимиру Стасову:

«Смерти я не боюсь, хотя расставаться с жизнью всегда жалко... Стоит только подумать, что может быть ужаснее вечной жизни? Все будет умирать, а я буду жить. Это ужасно! А если никто не будет умирать, а все будет жить вечно, так ведь это станет похожем на рай земной или царство небесное. Боже, какая неинтересная скука! Для чего же тогда жить? Чтобы не развиваться, стоять на месте? Рождение и развитие нельзя представить себе без умирания... Ну, а пока живется, надо жить и жизнь любить надо, и я ее люблю, и умирать не желаю».

Некоторые читатели проявляют настойчивую заботу о спасении моей души. Вот какое письмо прислал Лев Плотников.

«Читал я вашу книгу, — пишет он мне, — и, по правде сказать, думал: «Ишь ведь как измотался сердешный, отыскивая источник мутных и светлых вод». В общем-то, этот поиск характеризует вас как натуру пытлившую. Плохо только то, что ищете вы источник не там, где он вистни находится, и потому похожи на человека, пытающегося утолить жажду из сосуда, в котором нет дна. Взять хотя бы ваш безбожный принцип — «бытие определяет сознание». Не кажется ли вам, что принцип этот применим в жизни лишь к чеховскому «Хамелеону», сознание которого целиком зависит от внешней среды. Из этого принципа вытекает, что поскольку человек является всего лишь продуктом среды, в которой он находится, то в силу этого он должен стать рабом ее?»

Почему — рабом? А может быть — преобразователем? Ведь все решает жизненная позиция человека. Впрочем, посмотрим на дальнейший ход рассуждений автора письма.

«И сами вы этого не отрицаете, — продолжал он, — когда утверждаете, что «нельзя жить в обществе и быть свободным от него». Но самое омерзительное правило, вытекающее из этого принципа, — это то, которое гласит: с волками жить — по-волчьи выть».

Я согласен: правило это — омерзительное. Но разве оно обязательно вытекает из тех положений, о которых идет речь? Оглянитесь кругом и посмотрите, как этот «продукт» успешно изменяет, перестраивает, улучшает окружающую его среду.

По какой странной логике вы считаете, что принцип «с волками жить — по-волчьи выть» определяет нашу жизнь? Можно, разумеется, выть, можно лаять из подворотни, можно прятать кукиш в кармане, а можно вступить в открытую борьбу со злом и несправедливостью, как поступали и поступают честные люди. Все решает жизненная позиция и личность человека, его нравственное начало. Разве не так? Вы обвиняете меня в том, что я убеждаю своих читателей «быть нравственно чистыми и морально возвышенными, как осьминогов в море или как волки в лесу». Помилуйте! Где у меня сказано такое? Приписывать мне подобные высказывания по крайней мере недобросовестно.

Нравственность не дух, вдунутый богом в глиняную болванку, а то, что развивает сам человек в ходе своего общественного развития, подавляя «свои слабости и животные инстинкты», идя длинным и многотрудным путем, который Маркс определил как путь нравственного прогресса: «...Так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человек».

Интересное письмо прислал И. Мельников из г. Горького:

«Вы, атеисты, исповедуете и проповедуете принципы гуманизма, верите во все прекрасное в человеке. А ведь в человеке есть не только прекрасное, но и дурное, и это нельзя упускать из виду. В мире есть две равноценные, но противоположные сущности — это созидание и разрушение, свет и тьма, добро и зло. Так устроена вся природа, так устроен и человек. А вы, атеисты, пренебрегаете этими противоположностями и видите и показываете в человеке только прекрасное — вот где ваша ошибка».

Что вы, Иван Иванович! Я оглядываюсь на свои книги. О чем они? Конечно, прежде всего о хорошем, но и о том, разумеется, как это хорошее утверждалось в борении, в схватке с плохим; они, по-моему, достаточно прямо и трезво показывают зло, в частности причины и истоки преступности, то есть именно то, о чем вы говорите. Ну, а как преодолеть зло? Тут мы с вами расходимся, потому что вы ищете эти пути в боге. Вы пишете:

«Но давайте допустим, что если бы не было бога, то все равно его надо было бы придумать и сделать таким, чтобы люди стыдились своих плохих дел перед лицом бога, а не перед лицом грешного человека, чтобы бог будил в людях не страх и унижение, а хотя бы простую человеческую совесть и любовь к ближнему».

Среди писем, которые я получил в последнее время, было одно, которое решительно опровергает ваши позиции. Вы считаете, что перед лицом бога люди непременно стыдятся своих плохих дел. Но посмотрите, что пишет девочка (ее имя по понятным причинам я не называю), которая живет в семье, где мать истово верит в бога, а отец нет.

«У меня мать верующая, ну просто фанатик. Я вам уже писала, что она очень больна. Но от помощи врачей категорически отказалась. Лечится у бабок. Все бы ничего, пусть лечится, но эти бабки матери нашептали, что и мы с отцом тоже больны, что в нас сидит «порча», что нас надо лечить. И мама взялась за лечение всей семьи. Она заставляет нас учить молитвы, креститься. И попробуй возразить, что тут начинается! Крики, слезы, истерики. И постоянно длинные божественные праздники. Неделями нельзя ходить в кино, театр, на концерты, нельзя включать радио, телевизор, проигрыватель, магнитофон; нельзя петь, играть на пианино и гитаре. Что же можно? Вы скажете: «Взрослая. Что тебе мешает уйти из дому, уехать?» А отец? Он единственная моя поддержка, а я — все, что у него есть дорогого. Сколько раз он меня выручал! Как я могу его бросить? А со мной ему в два раза легче. Мы с ним любим оставаться вдвоем. Я ему все рассказываю о себе, о личных планах (все), а он, как может, советует. У меня отец умный, много знает, с ним очень интересно разговаривать на любую тему. Еще он добрый, очень добрый. Все, что говорит мама, он выполняет ради нее, хотя ни во что не верит. Выполняет, чтобы меньше было дома скандалов, стонов, слез.

И это длится не день, не два, а годами. Годами я от окружающих все скрываю, вру, выкручиваюсь. Мне любая актриса позавидует. Я сама порой поражаюсь своему артистическому мастерству, умению из воды выйти сухой. Только перед отцом я честна.

Надоело. Надоела такая жизнь. Да разве это жизнь? Кто видит мои слезы? Для всех я хохотушка (даже когда кошки на душе скребут), которую почти невозможно расстроить (это ни так кажется). Вы только не подумайте, что я нищу сочувствия, чтоб вокруг меня ахали, жалели меня. Терпеть этого не могу! Никто моих слез и не увидит!

Еще чего не хватало! Я хочу того, чего никогда не будет. Чтобы дома не было скандалов, чтобы в нашей семье царил мир и согласие. Чтобы мама не унижала меня и отца, не оскорбляла, не втаптывала в грязь.

Вот и все. Написала, теперь на душе стало немного легче».

Действительно, в человеке надо будить не страх и унижение, а совесть и любовь к ближнему. Но зачем же для этого примысливать бога? Чтобы с него брать пример жизни? А разве нет в реальной человеческой жизни, в истории, в нашей русской истории, реальных людей, достойных этого? Декабристы, Софья Перовская, доктор Гааз, Герцен, Дзержинский... Этот список легко продолжить.

Вы говорите: все доброе идет от Христа, но сам-то Христос идет от всей предыдущей человеческой истории, от древних восточных религий, в которых содержались зерна, из которых выросла потом христианская религия любви. Это, кстати, хорошо показал в своих исследованиях Альберт Швейцер.

В раннем христианстве зерна такого рода расцвели пышным цветом, который потом, к сожалению, завял, когда христианство стало государственной религией. Вы же сами говорите: «Я с вами вполне согласен, что такая религия, какая сложилась исторически, имеет очень много вредных и темных сторон».

Все написанное выше уже готовилось к печати, когда пришло еще одно письмо.

«Уважаемый Григорий Александрович! Получил огромный заряд душевной бодрости, прочтав ваш воспоминания. Мне давно хочется понять — как, откуда и почему пошла религия, в чем ее сила и ее слабость, чем привлекла она к себе людей, чем пленила и вдохновила выдающихся художников на создание прекрасных произведений искусства... Когда бываю в Эрмитаже и смотрю картины великих мастеров Возрождения на библейские сюжеты, то к чувству радости, восторга и наслаждения постоянно примешивается и чувство досады. Действительно, как же можно понять художника, его замысел, когда ты ничего не смыслишь в теме? И мне становится обидно, что я, завзятый материалист, живущий в век научно-технической революции, вряд ли выдержу серьезную дис-

куссию с верующим, который все это знает гораздо лучше меня. Я, как и многие другие, просто не верующий в бога человек, слабо разбирающийся в вопросах религии».

Пишет еще не старый (1931 года рождения) человек, инженер-геофизик, коммунист:

«Поймите меня, я не верю в бога, но чувствую, что религия — неотъемлемая часть истории любого народа, и я считаю, что не может быть человек культурным, если он не знает истории религии».

Автор письма прочитал великолепные книги польского писателя Зенона Косидовского «Библейские сказания» и «Сказания евангелистов», и они пробудили в нем жажду чтения книг такого же рода и такого же высокого уровня:

«И мне так захотелось прочитать после этого литературу об обрядах, о богослужении и вообще о религии, чтобы самому разобраться и понять суть религиозного обмана, откуда пошли всякие «святые» и т. д.».

То, о чем пишет читатель, подтверждает мысли, высказанные в моих воспоминаниях. Именно об этом очень четко высказывался замечательный педагог нашего времени В. А. Сухомлинский.

«Я всегда считал примитивизмом и невежеством просто объявить религию тьмой, — пишет он в своей книге «Рождение гражданина»... — Без понимания религии невозможен настоящий атеизм... понять религию нельзя, не осмыслив сложного исторического пути развития человека... Я старался, чтобы к отрицанию бога мои воспитанники пришли, поняв религию».

Для современного атеиста совершенно недостаточно повторять: «Бога нет!» Гораздо важнее так строить свою атеистическую работу, чтобы это отрицание не порождало нигилистического отрицания духовных ценностей типа «Крой, Ванька, бога нет!» — я писал об этом в первых главах своих воспоминаний. Во избежание духовного вакуума нужно подводить под наше атеистическое мировоззрение серьезную научную, философскую, историческую базу, которая бы давала ему силу и аргументы в пропагандистской работе, в том «споре о вере», который каждому — в той или иной форме — приходится вести.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Министерство культуры Карельской АССР внимательно рассмотрело подборку материалов под общим заголовком «Сохранить и приумножить», опубликованную в № 1 журнала «Наука и религия» за 1978 год.

На территории Карельской АССР выявлено и учтено около двух тысяч исторических, архитектурных и археологических памятников. Из них более 700 поставлено на государственную охрану. В семи государственных (вместе с филиалами) и 63 музеях, работающих на общественных началах, собрано без малого 180 тысяч документальных и вещественных материалов музейного значения.

Учитывая, что наибольшую архитектурно-эстетическую значимость имеют произведения народного деревянного зодчества XVIII—XIX веков, Министерство культуры республики уделяет главное внимание разработке современных научных методов консервации и сохранения древесины, перевозу памятников в музей-заповедник «Кижи». В последние годы Сенежской лабораторией консервации древесины разработан способ

химической консервации памятников без их разборки. В музей «Кижи» перевезено и восстановлено 39 и законсервировано 22 объекта. В районах республики проведены ремонтно-аварийные и реставрационно-восстановительные работы на 120 памятниках деревянной архитектуры. Разрабатывается проектная документация на устройство молниезаводов на архитектурных памятниках.

Подготовлена также проектная документация, позволяющая вести реставрационные работы по архитектурным памятникам Валаамского архипелага в объемах, превышающих полмиллиона рублей. Министерством культуры заключен договор на подготовку документации по инженерному креплению Кондопожской церкви и созданию вокруг нее охранной зоны с региональным музеем.

Завершена работа по подготовке первичной научно-учетной документации (паспортов) на 500 памятников истории и культуры. Вышел из печати сборник об историко-мемориальных памятниках Карелии. Подготовлены материалы для

Свода памятников истории и культуры Карельской АССР. За последние пять лет специальными экспедициями карельских музеев собрано в отдаленных и труднодоступных местах около 2500 произведений древнерусского искусства XV—XVIII веков.

Слов нет, в деле сохранения и использования культурного наследия в Карелии имеется еще немало недостатков. Особую тревогу по-прежнему вызывает состояние памятников архитектуры, расположенных в так называемых перспективных населенных пунктах. Министерством культуры разработаны согласованные с местными партийными и государственными органами, общественными организациями, а также с Министерством культуры РСФСР мероприятия по улучшению содержания, реставрации и использования памятников истории и культуры Карелии, осуществлением которых занимаются органы культуры республики совместно с общественными организациями.

Министр культуры Карельской АССР
О. СТРЕЛКОВ

РЕШИТИВ НЕПРОТИВЛЕНЧЕСТВА

А. СУЛАЦКОВ

ПАКЕТ ИЗ ДЖАМБУЛА в «Казахстанскую правду» был необычно пухлым: десяток документов — жалоб в различные инстанции (военные, судебные, надзорные) и приложений к ним, 30 с лишним страниц машинописного текста. Сама же коллизия, породившая такое обилие бумаг, предельно ясна. Юноше призванного возраста вручается повестка. Позади уже медицинская комиссия, призыв не за горами. Но призванный служить, как все, не хочет. Он требует особого к себе отношения на том основании, что он верующий, адвентист седьмого дня, настаивает на замене службы строевой какой-нибудь трудовой.

Обнаженная таким образом ясность ситуации никаких комментариев не требует. Если бы не одно весьма деликатное обстоятельство: для адвентистов седьмого дня такие поступки в наши дни отнюдь не характерны. Оставаясь, как и прежде, приверженцами своего вероучения, они в то же время вполне лояльно относятся к гражданским своим обязанностям. Это не только не мешает им чувствовать себя христианами, членами своей общины, но даже более того — как бы оттеняет их приверженность к современным установкам, исходящим из международного духовного центра адвентизма — Генеральной конференции АСД. Ее вице-президент М. Нигри в беседе с журналистами латвийского радио и газеты «Голос Родины» об отношении верующих к законам своих стран говорил совершенно недвусмысленно: «Свобода настоящая — жить в согласии с законом, а не «свобода» ломать законы: увы, многие люди, в том числе и христиане, подменяют правильное понимание свободы рассуждениями о праве поступать как вздумается. В этом вопросе в социалистических странах более склонны и заинтересованы жить правильно, чем делать непопущенные вещи. На Западе же чересчур свободны от обязательств, и поэтому смешивают понятия свободы и вольности»¹.

Джамбулскому же адвентисту даже установка вице-президента его церкви не резон.

Письмо из Джамбула невольно вызвало в памяти и другие эксцессы, в которых так или иначе отразилось нежелание анархистствующих религиозных сектантов признать священным долг защиты Родины. Вспомнился демонстративный отказ от призыва в армию в 1976 году двух джезказганских парней — И. Амрея и В. Фирсова. Но то были свидетели Иеговы...

У меня на столе лежит «Братский листок» (1976, № 4—5), авторы которого, вспоминая 1961 год, памятный для них расколом баптизма, и столько лет спустя клеймят ожесточенно руководителей ВСЕХБ именно за их лояльность, за уважительное отношение к законам Советского государства. Счет представляется длинный. Но один из пунктов тот же самый: служба многих ребят из баптистских семей в Советской Армии. «Давайте... проявим заботу об их душах, — пишут баптисты-«инициативники» — издатели подпольного «листка»... — чтобы они не попали в ловко расставленные сети, покусавшись на обольщение...» Одной из таких «сетей» «листок» объявляет известное с 1960 года «Инструктивное письмо» ВСЕХБ старшим пресвитерам, в котором, кро-

ме всего прочего, содержался и благоразумный совет «строго соблюдать советское законодательство о культах». Нынче уже широко известно, до каких монбланов фарисейства дошли лидеры баптистов-«инициативников» в своем противодействии и закону о культах, и закону о всеобщей воинской обязанности. Один из них — Георгий Винс — сочинил и распространил провокационную фальшивку о том, будто солдат Иван Моисеев был на службе «зверски замучен за веру», хотя на самом деле парень утонул (причем не на учениях, а во время купания) по собственной оплошности².

Для этих все средства хороши, лишь бы отгнать единоверцев от армии. Не очень разборчив в средствах и называющий себя адвентистом седьмого дня призванный из Джамбула. И это заставляет задуматься: откуда у него такое сходство с позицией экстремистов от религии? То он извлекает из истории адвентизма относящуюся к середине прошлого века благосклонную резолюцию губернатора штата Мичиган на декларации тамошних адвентистов, клятвою уверявших, что они «против восстания», что «ни в одной из... публикаций» они «не поощряли обычай носить оружие» и «лучше... соглашались платить... сумму в 300 долларов». То он тревожится по поводу котлового довольствия в нынешних войсках, и его мать присовокупляет к доводам сына и свой аргумент: ее мальчик — вегетарианец, а полковые повара, небось, варят щи и кашу то со свининой, то с говядиной. А сыну так не хочется оскорбиться! Видимо, понимая, что давняя виза заморского губернатора не довод, а сетования на сытность здорового солдатского приварка — тем более, автор петиций обращается за аргументами и к академическим трудам по вопросам истории права нашего государства.

Именно этот нюанс — религиозно-пацифистский негативизм в отношении к священному долгу гражданина СССР и стремление обособить свое, в сущности, антиобщественное поведение пестрой смесью религиозных и светских аргументов — придает конфликту особый характер и делает хотя бы краткий разбор непротивленческой апологии, по нашему мнению, не лишним. Тем более что тема будет интересна не только реформистски настроенному адвентисту из Джамбула, но и некоторым его единоверцам, да кое-кому из приверженцев других протестантских церквей и сект.

ДЖАМБУЛ —
ЗНАКОМЫЙ АДРЕС

Первое, на что я невольно обратил внимание, получив в редакции «Казахстанской правды» бумаги молодого человека, заявившего о своем неприятии

¹ Цит. по кн.: В. А. Куроедов. Советское государство и церковь. М., 1976, стр. 58.

² Подробнее об этом см. в кн.: В. А. Куроедов. Советское государство и церковь. стр. 60.

воинской службы, был его адрес: Джамбул. Именно с этим городом была связана деятельность одного из проповедников адвентизма, с которым я познакомился лет 20 назад в Балхаше. Это был приехавший из Джамбула Андрей Жгулев. Он тоже называл себя адвентистом седьмого дня. В городе металлургов и рыбаков он выбрал именно тот сектор одноэтажной окраины, где к жилью лепились погребки, сарайки, огороды, придававшие особый облик Рабочему поселку. Вопреки этому названию, но в определенном согласии с характером домовитого уклада немалого числа подворий, здесь витал мечанский дух, который нередко питает религиозность. Особенно тех сект, которые не очень точно, но в известном смысле метко называют «рационалистическими». Андрей Жгулев, устроившись на должность плотника при поселковой школе, с помощью актива сколоченной им общины стал сеять семена адвентистского вероучения среди учащихся и их родителей в самом поселке и даже в городе. На этой почве у Жгулева возник тогда конфликт с пионерской организацией и учительством. Однажды Жгулев, как и нынешний адвентистский автор послания в «Казахстанскую правду», отказался от призыва на воинский сбор. В военкомат от него поступило письмо с обоснованием права адвентистов на нейтралитет как в отношении ревнителей холодной войны, так и в отношении силы, стерегущей мир, — Советской Армии. Становилось ясно, что Жгулев адвентист особенный — сторонник реформизма (религиозно-пацифистской ветви).

Привили ту веточку к дереву адвентизма братья Шпанкнабе, выступившие с непротивленческой идеей в условиях кайзеровской империи в годы первой мировой войны³. А в 20-е годы реформизм из Германии был экспортирован в Советскую Россию. Известна переписка братьев Шпанкнабе с российским лидером реформистом П. Унрау и его женой Е. Реммер. Известно также, что эстафету реформистской проповеди к концу 20-х годов от них принял Г. Оствальд, создавший первый организационно оформленный подпольный центр «реформистского движения» в СССР. Именно этот центр распространял в Советском Союзе книги германских реформистов.

Попутно здесь можно заметить, что вероучение и культ адвентисты-реформисты трактовали почти так же, как они трактуется в традиционном адвентизме. Новым был подход лишь к четвертой и шестой заповедям Моисеева десятизакония: реформисты настаивали на том, что в субботу (даже при скользящем графике) работать ни в коем случае нельзя; а заповедь «не убий» следует понимать как категорический запрет на военную службу (в том числе и на защиту социалистического Отечества). Немудрено, что реформисты со временем привлекли к себе пристальный интерес спецслужб третьего рейха. «Германская разведка, — читаем в первом томе «Истории второй мировой войны 1939—1945», — активно использовала немцев-проповедников сектантских групп (меннонитов, адвентистов), существовавших в Москве, Ленинграде, Поволжье, среднеазиатских республиках, Азербайджане, Орджоникидзевском крае».

Однако вернемся к Жгулеву. У балхашских атеистов не оставалось сомнений в том, что, именую себя адвентистом седьмого дня, он на самом деле давно уже был в оппозиции к такому религиозному течению, разделяя воззрения и тактику так называемых реформистов.

Не умея или не желая (а то и другое в религиозном сознании встречается часто) выявить классовые причины войн, не отличая агрессора от сил, ему противостоящих, Жгулев в годы Отечественной войны построил свою жизнь так, чтобы любой ценой избежать призыва в армию. То кустарем-надомником, то работником по частному найму, путая по-заячьи следы, прожил он все те грозные годы. В разное время обретался он в Джамбулской области.

Именно здесь в свое время подвизался и некто В. А. Шелков. Это он в 1936 году отгеснил в реформистском центре его основателя Г. Оствальда на вторую роль. Это он, уже в годы войны, сеял семя реформизма на территории, оккупированной фашистами, и сотрудничал с врагом. После изгнания захватчиков перешел на нелегальное положение, жил по чужому паспорту, продолжая проповедовать реформизм. Разоблаченный, понес заслуженное наказание. Но и после заключения взялся за старое. В 1954 году создал в Джамбуле комитет так называемой «Российской унии адвентистов седьмого дня верного остатка» — строго конспиративной организации, которая ставила своей задачей столкнуть рядовых адвентистов, в большинстве своем лояльных гражданам страны, на скользкую тропу неповиновения законам Советской Родины.

У меня не было и нет данных, которые подтверждали бы непосредственное сотрудничество Жгулева с Шелковым. Но факт их духовного родства, идентичности воззрения и соответствующей им тактики несомненны. Оба действовали в одной местности, оба вдохновлялись одними источниками. Не случайно до сих пор в ручейках адвентизма седьмого дня, струящихся в Джамбуле и его окрестностях, просверкивают струйки явно реформистского оттенка. Этот отсвет заметен и на том адвентизме, с проявлениями которого в 50—60-х годах столкнулись атеисты Балхаша; он же проглядывает и сквозь строки адвентистского послания, поступившего в редакцию «Казахстанской правды» из Джамбула.

Сходство — уже в способе реакции на столкновение с жизнью. Жгулев 20 лет назад пригрозил судом журналисту, напечатавшему в городской газете статью о его непатриотическом «непротивленчестве», о неправомерности требовать особого — непременно с суботным выходным — распорядка рабочей недели, о незаконности выколачивания из членов общины «десятидневных сборов» и т. д. Автор нынешнего послания в республиканскую газету требует суда и над офицерами военкомата, и над работниками прокуратуры. Как будто не он, а они не явились на сборный пункт призывников. И Жгулев и автор нынешнего послания обильно цитируют юридическую литературу, пытаются обратиться к своей выгоде положения советского права.

«Но позвольте, — вправе нас спросить внимательный читатель, — ведь у но-

вого эксцесса есть нюанс: непротивленец-адвентист не просто отказывается от воинской службы, а требует замены службы воинской, строевой, какой-нибудь «трудовой службой». Совершенно верно. Поэтому разберем самую суть его суждений и способ «сортировки» тех светских материалов, которыми он пользуется, защищая свое мнимое право на отказ от защиты социалистического Отечества.

АПЕЛЛЯЦИЯ К ДЕКРЕТУ

Главный источник, на который опирается призывник из Джамбула, это книга социологических и исторических очерков А. И. Клибанова «Религиозное сектанство и современность», вышедшая в 1969 году в издательстве «Наука». Этот научный труд привлек внимание верующих. Но призывника из Джамбула в этой книге заинтересовал, по сути, лишь один документ, помещенный в разделе «Сектанство и строительство Вооруженных Сил Советской Республики (1918—1921 гг.)». Речь идет о Декрете Совнаркома «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям».

Первый параграф декрета гласил: «Лицам, не могущим по своим религиозным убеждениям принимать участие в военной службе, предоставить право по решению народного суда заменить таковую на определенный срок призыва его сверстников санитарной службой, преимущественно в заразных госпиталях, или иной соответствующей общепольной работой, по выбору самого призываемого». Опираясь именно на этот параграф, призывник из Джамбула и потребовал «изъятия» для него из общей юрисдикции. Именно в этом параграфе и усмотрел он основание для отказа явиться на призывной пункт. Этим параграфом и оснащает теперь свои жалобы на сотрудников военных комиссариатов и юстиции. К этим жалобам непременно присовокупляется комментарий, которым Клибанов сопровождает текст декрета: «Следует только припомнить военную обстановку тех месяцев, когда разрабатывался и был принят декрет, чтобы оценить принципиальность, последовательность и великодушные Советской власти в обеспечении для граждан социалистической республики свободы совести во всем ее объеме. Это были месяцы напряженных боев, которые Красная Армия вела на фронтах гражданской войны». Действительно, декрет готовился в декабре 1918-го, 4 января 1919 года был подписан Лениным и действовал до 2 августа 1926 года.

Эту дату следует запомнить хотя бы потому, что призывник из Джамбула, обнаруживая отличное знание упомянутого раздела из книги А. И. Клиба-

³ Об истории «реформистского движения» см. кн.: А. В. Белов. Адвентисты. М., 1964; его же: Адвентизм. М., 1968; а также подборку «Адвентисты и адвентизм» в нашем журнале (1978, № 3).

нова, виртуозно обходит все, что касается борьбы, развернутой сектантами вокруг январского декрета 1919 года. и ее бесславного финала. Он делает вид, что в том декрете ничего, кроме первого параграфа, не было. Между тем второй параграф возлагал на народные суды обязанность до решения о замене воинской повинности другой гражданской обязанностью запрашивать экспертизу Московского объединенного совета религиозных общин и групп по каждому отдельному делу.

Экспертиза нужна была для компетентного исследования двух вопросов: 1) действительно ли «определенное религиозное убеждение исключает участие в военной службе» и 2) в самом ли деле «данное лицо действует искренно и добросовестно». Уже тот факт, что к проведению столь важного декрета в жизнь Советская республика привлекала самостоятельную организацию верующих, убеждает в великом гуманизме власти рабочих и крестьян: молодая Страна Советов в огненном кольце, высшие, коренные интересы трудящихся требуют взять на учет каждого бойца для защиты завоеваний революции, а Ленин и его соратники обсуждают и положительно решают вопрос о правомерности отказов от военной службы по религиозно-этическим мотивам.

Но как отнеслись к этому гуманнейшему акту рабоче-крестьянского правительства тогдашние лидеры сектантов?

Ответ на этот вопрос не будет полным без рассмотрения его в свете марксистской оценки христианско-анархической идеи абсолютного непротивленчества. Не приемля государственную власть вообще или в каких-то ее частностях, проповедники этой идеи волюно или неволюно, с лукавым умыслом или искренне заблуждаясь, ставили на одну доску и царскую военщину, и военную организацию народа, защищавшего свою революцию. Эта идея в различных модификациях вплеталась в одни верования, эклектично смешивалась с религиозно-осмысленными теориями «классового мира» в других, порой даже таких, где мотив непротивления злу до той поры догматическим принципом и не считался. Есть основания думать, что Ленин, вероятно, об этом знал. Он встречался с сектантами, которых за отказ от царской солдатчины военнопольные суды без проволочек приговаривали к расстрелу, а потом кабинет министров «милосердно» жаловал вечной каторгой. Владимир Ильич рассматривал сам и требовал от своих соратников внимательно изучать все жалобы и обращения к властям со стороны «непротивленцев». Так было даже в тех случаях, когда жалобы были неосновательными.

Участник заседания Совнаркома, на котором по докладу Ленина был принят 4 января 1919 года Декрет «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям», В. Д. Бонч-Бруевич записал выступление Владимира Ильича. Вождь революции говорил: «Я убежден, что этот декрет недолговечен. Существование отказывающихся брать в руки оружие для защиты нашей страны по принципиальным соображениям является реакцией на насильственное создание, враждебное народным интересам казарменной солдат-

чины, которая всегда была наготове у самодержавия против внутренних врагов. Время пройдет, люди успокоятся, так как никаких насилий от нашей Красной Армии они никогда не увидят. Защита социалистического отечества от интервентов и белогвардейцев — врагов народа, — несомненно, делается самым популярным делом. «Принципы» непротивления начнут тускнеть, и носителей их, столь фанатично настроенных, будет все меньше и меньше, а пока примем этот декрет, чтобы успокоить и удовлетворить тех, кто и без того потерпел уже ужасных мук и преследований от царского правительства»⁴.

Опубликованный в нашей стране и перепечатанный за границей, декрет вызвал волну откликов о величайшей гуманности Советской власти.

Но сектантскому руководству и этот благороднейший акт показался недостаточным. В Московском объединенном совете религиозных общин и групп отлично знали, что случаев отказа от военной службы было ничтожно мало. Например, по данным Ем. Ярославского, который был в ту пору московским окружным военным комиссаром, от службы было освобождено по ходатайству видного пропагандиста толстовской идеи непротивления злу насилием В. Г. Черткова «менее половины процента общего числа призванных». Этот факт убедительно свидетельствовал о колоссальном сдвиге в сознании народа: трудовые люди брали винтовки и становились на защиту революции. В строй ее защитников вставали и верующие, в том числе и многие сектанты. А их пастыри оставались без «духовного стада». Они то и стали использовать декрет в своих неблагоприятных целях.

Московский объединенный совет религиозных общин и групп, наделенный Совнаркомом правом на выяснение в каждом конкретном случае отказа от несения воинской повинности, действительно ли то или иное верование воспрещает участвовать в военной службе, эту четко очерченную обязанность практически игнорировал. Фактически он выступил пропагандистом и организатором отказов от защиты Отечества. Совет отпечатал текст декрета и стал рассылать его во все религиозные общины страны. На местах начали создаваться своего рода филиалы Московского объединенного совета. Его эмиссары не вникали в основной вопрос: в самом ли деле человек выстрадал свои непротивленческие убеждения? Действительно ли он из религиозной секты, где отвращение к оружию — краеугольный догмат верования?

Для кулаков и подкулачников, для всякого рода шкурников и трусов, не желавших защищать республику труда, такая проповедь отказа от службы, да еще прикрытая вкрявь и вкось истолкованным декретом, была находкой. Любой дезертир, даже если он не верил ни в бога, ни в черта, мог в таких условиях явиться к баптистам ли, к адвентистам (какая резница?), получить опросный лист (заполнявшийся уполномоченным объединенного совета формально, без проверки) и затем уже без зазрения совести твердить в народном суде: «Я — пацифист по религиозному убеждению. Вот экспертная бумага. По всей форме». И отказы от службы учитывались. Клибанов, на которого ссылает-

ся адвентист из Джембула, пишет: «Мы не ошибемся, если скажем, что декретом от 4 января 1919 г. воспользовались десятки тысяч лиц, среди которых верующие, убежденные в несовместимости христианства с военной службой, находились в меньшинстве»⁵.

Автор писем из Джембула, ссылающийся на книгу Клибанова, не замечает в ней выписку из протоколов Всероссийского съезда внецерковных религиозных течений, который состоялся в июне 1920 года в Москве. Между тем этот съезд, на котором были и руководители российского адвентизма, подтвердил, что многие лица воспользовались декретом для отказа от военной службы. Например, толстовец Булыгин говорил: прежде отказывались от войны жившие христианской жизнью, сейчас же появилась возможность отказа каждому. Делегат адвентистов Теппоне по форме был более гибок: «Мы, как религиозное течение, считаем допустимым участие в трудовой повинности, если она согласуется с совестью, если она будет идти против совести, то мы должны будем отказаться». Таким образом, безмерно эластичная совесть некоторых адвентистов позволяла им, в конечном счете, отказаться не только от винтовки, но и от лопаты в трудовом батальоне, от санитарной сумки в госпитальной команде.

Не ясно ли, что отринутые массами трудящихся, в том числе и большинством верующих, лидеры сектантства ответили на гуманнейший декрет Советской власти антисоветским заговором против этого декрета. Логическим и правомерным ответом на эту реакцию был тот вывод, который сделал восьмой отдел Наркомюста, возглавлявшийся П. А. Красиковым — крупным знатоком тех перипетий классовой борьбы, в которых так называемый «религиозный вопрос» приобретал особое звучание. Красиков доложил Ленину о том, что Объединенный совет религиозных общин злоупотребил доверием правительства и заслужил того, чтобы лишить его прав юридического лица. Дело кончилось тем, что 14 декабря 1920 года Ленин подписал постановление Совнаркома об изменениях и дополнениях к декрету от 4 января 1919 года.

Первый пункт оставался, в сущности, прежним. Зато дальше вводились уточнения, требовавшие обеспечить объективность доказательств того, что непротивленец и впрямь действует в соответствии с верованием, которое исключает несение военной службы. К экспертизе наряду с верующими привлекались и другие компетентные лица. Объединенный совет религиозных общин, ставший фактически контрреволюционным советом по пропаганде отказов от воинской и других повинностей, в постановлении Совнаркома уже не фигурировал. Какое-то время он все еще пытался оказывать реакционное влияние на ход событий.

Однако, несмотря на откровенно спекулятивную, антигосударственную деятельность, которую развернули вокруг декрета руководители сектантства, большевики, отделяя истину от нагроможде-

⁴ Цит. по кн.: А. И. Клибанов. Религиозное сектантство и современность. стр. 194—195.

⁵ Там же, стр. 203.

ДВА ПОДХОДА К ОДНОЙ ЗАПОВЕДИ

ния фальсификаций и обмана, заняли четкую, последовательную позицию. «Советское государство вправе требовать», — писал в сентябре 1923 года Ем. Ярославский, — чтобы те религиозные организации, которые при царизме — буржуазно-капиталистическом, помещичье-дворянском правительстве — решились для себя этот вопрос положительно, решились его и теперь в духе обязательности для себя искреннего выполнения всех гражданских обязанностей». Так ставился вопрос «об отношении к Советскому государству и к охране этого государства — Красной Армии». Ярославский завершал такую постановку без обиняков: «Всякие увертки в этом вопросе неуместны»⁶.

Сам ходатай по делам непротестанцев — крупный пропагандист «христианского анархизма» В. Г. Чертков в частном письме признавал фальшь поведения «евангеликов», которые при царе «торопились заявлять государственной власти о своих верноподданнических чувствах и готовности воевать за «царя и отечество», а, при Советской власти вдруг пришли к выводу, что «военное убийство несовместимо с истинным христианством». Правда, это искреннее частное письмо не помешало Черткову на виду у публики сфальсифицировать в официальной записке правительству потребовал в угоду лицемерным руководителям религиозного сектантства узаконить правомерность «непротестантства» тех же самых «евангеликов».

Но дело не в личностях, даже таких, как Чертков. Для нас важнее позиция масс. А массы верующих свое отношение к вопросу о защите республики труда в середине 20-х годов выразили вполне определенно. Они-то знали, что те же адвентисты в первой мировой войне сражались за царя. Среди них были раненные и убитые. Этот факт зафиксирован в истории адвентистского движения, которую написал один из видных его лидеров в России Г. И. Лебаск.

Рядовые адвентисты знали, что адвентистский журнал «Благая весть» сразу после Октябрьской революции пророчил гибель Советской власти. И сектантская масса, вопреки своим вождям-реакционерам, сумела сказать собственное слово. На V съезде адвентистов в 1924 году ее руководство вынуждено было подписать декларацию о лояльности по отношению к Советской власти. В декларации было и торжественное обещание «нести государственные повинности как гражданской, так и военной службы». Опубликованный в том же году отчет о V съезде стал известен адвентистам всей страны.

Так почему же призывник из Джамбула не ссылается на решения V съезда адвентистов седьмого дня? Почему он, причисляя себя к этому религиозному течению, на самом деле стоит в оппозиции к нему? Быть может, тот съезд уже забыт массой рядовых верующих? Может быть, современные богословы отказались от основных идей декларации V съезда?

Ничуть не бывало. Просто перед нами сторонник реформизма, маскирующийся вывеской лояльного адвентиста седьмого дня.

Мне довелось недавно прочесть интересный документ, имеющий хождение в общинах адвентистов седьмого дня не только в Казахстане, но и в Российской Федерации, на Украине, в республиках Прибалтики, в Азербайджане, в Молдавии. Документ этот трактует с позиций адвентизма проблему отношения его приверженцев к обществу и государству. Уже в преамбуле трактата ставится трезвый вопрос: «Если конкретно говорить о нашем долге и обязанностях перед обществом, то не живаем ли мы наш долг перед окружающими нас?» И далее: «Мы не можем не радоваться замечательным изменениям, происшедшим у нас на Родине, и не можем не приветствовать ее прогресса, но, очевидно, на этом наш долг перед земной Отчиной не должен ограничиваться... Можем ли мы, христиане, оставаться безразличными ко всему тому, что сегодня так существенно для блага всех людей, а именно: повышению морального и духовного состояния людей, борьбе за мир, достижению наибольшей социальной справедливости? Безусловно, нет!»

Религиозная форма выражения глубоких симпатий к революционному преобразованию, осуществленному в нашей стране, не заглушает здесь главного: перед нами документ, в котором говорится о любви к социалистической Родине и чувстве благодарности ей за коренное улучшение жизни и одновременно — об ответственности верующего человека за те блага, которые предоставляет ему Советская Отчизна.

В трактате есть строки с предельно четкой и ясной гражданской позицией: «У нас не может быть безразличного отношения к обществу, в котором мы живем, и к стране, гражданами которой мы являемся... Христианин не только не освобождается от обязанности быть примерным гражданином своей Родины, но, напротив, он принимает на себя наибольшую ответственность...»

Автор этих строк — глубоко религиозный человек. Я, комментатор их, — атеист. Но, сходясь с ним в основном — в гражданственном отношении к родной Стране Советов, я готов воздержаться от замечания по поводу того, что в трактате нет примеров высокого патриотизма из жизни наших сограждан. Понять эту особенность богословского сочинения нетрудно: проповеднику сподручней оперировать священным писанием. Но важно, что именно и для чего из этого источника черпается.

Джамбулский призывник из Моисеева декалога берет заповедь «не убий» и, забывая о текстах всего Ветхого завета, трактует ее как абсолютное запрещение применения оружия. А вот в этом трактате взгляд на Библию пошире. В нем есть и строки о защите родины, о воинской доблести ее защитников. Обращаясь к 23-й главе второй книги Царств, автор трактата как бы приглашает единоверцев к совместному с ним размышлению: «Библия содержит яркие примеры того, как высокодуховные люди любили свою Ро-

дину. Нам рассказывается о Давиде, который был постоянно привязан к родному для него Вифлеему так, что однажды во время сражения с филистимлянами, захватившими его родину, он не столько от жажды, сколько от тоски по родным местам с глубоким благоговением восклицает: «Кто напоит меня водою из колодезя Вифлеемского?..»

«Все это совершенно естественно при здоровом интеллектуальном, моральном и духовном развитии», — заключает автор адвентистского трактата. — В сознании такой личности (как Давид. — А. С.) четко обозначаются обязанности к своей семье, к своей стране...» И дальше: «Если христианами рассматривается каждое государство как божественный инструмент в поддержании законности и порядка, то у нас, адвентистов, живущих в СССР, есть все основания с особой теплотой и удовлетворением относиться к нашему социалистическому государству. Мы не можем ставить знака равенства между социализмом и Евангелием, однако принципы, на которых построено Советское государство, значительно ближе к высокому евангельскому духу заботы о человеке, чем всякие другие существующие в мире системы правления. Понимая и высоко оценивая важность замечательных преобразований, происшедших в нашей стране и нужных нашим согражданам так же, как и нам, мы можем радоваться преимуществу быть верными, примерными и полезными гражданами нашей земной родины».

Марксисты, разумеется, отметят фактическую ошибку в утверждении, что все христиане рассматривают каждое государство как божественный инструмент в поддержании законности и порядка. Ведь среди приверженцев религии Христа есть немало сторонников так называемого «христианского социализма», не приемлющего ни монархий, ни тиранических режимов. А «теология революции», возникшая в среде современных христианских богословов, находит возможным идти еще дальше: благословлять массы верующих на революционное преобразование мира, лишеного социальной справедливости. Иначе говоря, в нашем бурно изменяющемся мире очень много христиан, неплохо различающих типы государств и систем правления. Здесь автор адвентистского трактата выглядит несколько отсталым. Но важно то, что он все же выделяет наше родное, социалистическое государство, расценивая его действие-гуманистическую суть как явление высокого порядка, достойное того, чтобы верующие граждане такой страны были патриотами.

На этом фоне письмо из Джамбула воспринимается как анахронизм. Если подавляющее большинство адвентистов решают для себя вопрос о защите Советской Родины в духе идей того трактата, что развивает в наши дни решения V съезда адвентистов седьмого дня, то этот «непротестанец» мыслит так, словно и не было за шесть десятилетий, миновавших с Октября 1917 года, великих перемен в сознании верующих наших сограждан. Словно и не было волны сектантских съездов в 20-х годах, когда евангелисты, баптисты и адвентисты официально признали воинскую повинность обязательной для себя.

Г. А л м а - А т а

⁶ Е. М. Ярославский. О религии. М., 1958, стр. 44, 45.

МАТЕРИЯ — ЖИЗНЬ — ИНТЕЛЛЕКТ

— АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ! ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, В ПЕРВОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА «НАУКА И РЕЛИГИЯ», ВЫ ВЫСТУПИЛИ СО СТАТЬЕЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИЗНИ НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ, В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЛИ ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СВОЕЙ ТЕОРИИ. КАКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДТВЕРЖДАЮТ ВАШИ ВЗГЛЯДЫ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ?

С этого вопроса началась беседа специального корреспондента журнала А. Ленихова с академиком А. И. ОПАРИНЫМ.

— Мне трудно назвать другую какую-либо научную проблему, которая имела бы столь исключительное мировоззренческое значение. Раскрытие тайн живой природы не может быть полноценным без понимания ее возникновения и развития. Именно здесь и проходит сегодня водораздел между естественнонаучным и религиозным взглядами на сущность живого.

В самом деле, чем полнее мы познаем глубины живого, тем большее восхищение у нас должно вызывать удивительное «соответствие» между строением всех составляющих организм частей и функциями, которые они выполняют. Вызывает удивление, конечно же, и приспособленность организма как целого к «оптимальному существованию» именно в данных условиях среды.

Все религиозные учения видят причину целесообразности живой природы в одном — в творческой интеллектуальной воле «создателя», который сотворил жизнь по собственным «чертежам» и направил ее прогрессивное развитие к некоторой конечной цели. Таким образом, согласно религии, причину совершенства и целесообразности живого надо искать не в свойствах самой материи, а в деятельности некоего находящегося вне ее «творца», «духа», «мирового разума» или старого «добротого» бога, имеющего человеческий облик.

В противовес этим идеалистическим представлениям мы, материалисты, утверждаем, что не некий сверхъестественный «интеллект» породил жизнь, а все живое на Земле, и человек с его мозгом в том числе, есть результат прогрессивного развития материи.

В сумме доказательств правильности этого материалистического взгляда на проблему происхождения жизни одним из краеугольных камней является эволюционная теория Ч. Дарвина. Великий английский естествоиспытатель убедительно показал, как в процессе эволюции простейших живых организмов возникали сложные существа, как они приобретали новые, более совершенные качества и свойства. Этот процесс был основой для возникновения человека разумного.

Но теория Ч. Дарвина оставила без ответа — и это вполне объяснимо уровнем развития биологической науки прошлого века — вопрос о том, как возникали те первичные живые существа, от которых и пошло все живое на Земле. Без знания же этого вся стройная эволюционная теория лишалась своего фундамента. Сегодня, опираясь на диалектико-материалистические представления, которые рассматривают жизнь как особую, качественно отличную от всех других форму организации и движения мате-

рии, возникшую в процессе ее эволюционного развития, уже можно рационально подойти к решению проблемы происхождения жизни.

Но я хотел бы сразу сделать одно принципиальное замечание. Мы живем в мире, который непрерывно изменяется, эволюционирует. Можно, наверное, даже сказать, что изменения — это единственное, что постоянно для любой формы существования материи. И эти изменения, этот процесс развития, имея поступательный характер, приводит к возникновению все более сложных, многообразных и богато дифференцированных форм живой материи. Но вместе с тем надо помнить, что он не может осуществляться одновременно и одинаково повсюду.

Процесс эволюции материи мы должны представлять себе не как некую прямую линию, а скорее всего как целый пучок таких линий, каждая из которых может приводить к чрезвычайно сложным и различающимся между собой формам ее организации и движения. И конечно же, жизнь является результатом далеко не всех этих многочисленных ветвей развития материи. О многих из них мы сегодня просто и не подозреваем. Жизни, вне всякого сомнения, свойственны свои специфические качества и пути возникновения. Наша земная жизнь является порождением лишь одной из великого множества линий эволюции материи. А специфика ее заключается прежде всего в эволюции все усложнявшихся со временем углеродистых соединений и формировавшихся из них многомолекулярных органических систем.

И хотя эволюция углеродистых соединений в очень широких масштабах осуществлялась и осуществляется сейчас во Вселенной и протекает весьма разнообразно, они далеко не всегда могут в процессе химической эволюции подняться на более высокую ступень организации и движения материи и породить жизнь. Мы пока знаем единственный случай — возникновение жизни на нашей планете. Обязательным условием для этого (сегодня мы знаем уже достаточно для такого суждения) является образование космических тел, подобных нашему «космическому кораблю» — Земле. Но Солнечная система не есть что-то исключительное: в беско-

нечной Вселенной могут существовать планеты, подобные нашей Земле. В этом вопросе за последние 20 лет сделаны открытия и проведены исследования, подтверждающие нашу позицию по проблеме происхождения жизни.

До тех пор, пока считалось, что жизнь на Земле — «счастливая случайность», не было оснований для суждений о жизни вне нашей планеты. Сегодня мы можем видеть, что возникновение земной жизни — вполне закономерное явление, неотъемлемая составная часть эволюционного процесса. А коль скоро это так, то решение вопроса о том, как зародилась жизнь на Земле, служит убедительным основанием в пользу представлений о существовании жизни и в других частях Вселенной.

Хочу подчеркнуть: зарождение жизни — вполне закономерное явление в процессе общего эволюционного развития материи.

— РАЗБИРАЯ ВОПРОС О ЗЕМНОМ НАЧАЛЕ ЖИЗНИ, ВЫ ОТМЕТИЛИ, ЧТО НЕОБХОДИМО СКАЗАТЬ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ УГЛЕРОДИСТЫХ СОЕДИНЕНИЙ, КОТОРЫЕ ЛЕЖАТ В ЕГО ОСНОВЕ. КАКОВЫ ЖЕ ЭТИ ЗАКОНОМЕРНОСТИ?

— Эволюция углеродистых соединений четко разделяется на три основных этапа: абиотический*, биологический и социальный.

Большинство ученых сейчас считают, что звезды образуются путем постепенной конденсации гигантских первоначально холодных облаков космического вещества (и это тоже достижение науки за последние 20 лет), состоящего из легких элементов, в основном из водорода. Углерод, подобно другим легким элементам, возникает из водорода в стабильном процессе звездного лучеиспускания (в Космосе это чрезвычайно распространенный элемент). Его следы, а также признаки соединений углерода с водородом, могут быть обнаружены уже на поверхности звезд так называемого спектрального класса «А», где царит температура около 10 тысяч градусов. И по мере уменьшения температуры звездной поверхности следы таких углеводородов выявляются все с большей четкостью.

Как известно, температура поверхности Солнца около 6 тысяч градусов. Здесь мы уже обнаруживаем не только соединения углерода с водородом в виде CH , но и более сложные соединения углерода с азотом (CN) и так называемые свановские спектральные полосы (C_2 — двухвалентный углерод). Образуются вода, молекулярный водород, азот, кислород и некоторые двухатомные соединения, среди которых имеется и окись углерода (CO). В настоящее время особенно отчетливо обнаруживаются углерод и его соединения на тех звездах, температура поверхности которых снижается до полутора тысяч градусов. Здесь уже возможно существование трехатомных соединений.

Таким образом, современная наука рассматривает звезды как первоначальное место синтеза исходных углеродистых соединений, предшественников сложных органических веществ. Обра-

зование звезд из межзвездной материи в нашей Галактике происходит непрерывно. Но наряду с этим звезды также непрерывно отдают часть своего вещества в окружающую, межзвездную среду (обогащая ее, в частности, и углеродистыми соединениями) и создают таким образом в космическом пространстве условия для синтеза различных органических веществ. Например, эксперименты, которые проводили ученые, облучая ускоренными протонами газовые смеси метана, аммиака, сероводорода и азота, продемонстрировали, что в межзвездном пространстве могут образовываться такие сложные органические молекулы, как уротропин.

Еще более сложные органические вещества возникают при воздействии космических лучей на углеродистые соединения, осевшие на частичках космической пыли. Недавние радиоастрономические наблюдения выявили в межзвездном пространстве аммиак и пары воды. Есть свидетельства и о присутствии здесь простейших полимерных органических веществ. Большой их набор обнаруживается в кометах, которые и сейчас, в известной степени, могут «подкармливать» Землю органическими веществами. Подсчитано, что за свою историю наша планета не менее ста раз сталкивалась с кометами и при этом получала от них различные углеродистые соединения.

Таким образом, современная наука располагает большим количеством фактов, неопровержимо доказывающих: углерод и органические соединения, находящиеся в Космосе, могли обеспечить всю химическую эволюцию углеродистых соединений на пути формирования живых систем. Правда, надо заметить, что существование неорганической «органики» — необходимое, но недостаточное условие для возникновения жизни. Обязательно нужна планетная система, аналогичная нашей Солнечной. А такие системы не могли возникать в первые миллиарды лет существования нашей Галактики, так как еще не «родилось» достаточное количество тяжелых элементов. Отсюда мы получаем знание временной границы зарождения жизни во Вселенной: она могла появиться и существовать только в пределах звездных образований, аналогичных нашей Солнечной системе.

Громадный прогресс радиоастрономической техники позволил в последние годы получить убедительные свидетельства о наличии сложных органических веществ в Космосе. В метеоритах обнаружены аминокислоты — строительные «кирпичики» живого, которые имеют явно неорганическое происхождение. Исследователями различных стран проведено множество модельных опытов, которые проливают свет на принципы организации деятельности простейших клеток живого вещества. Продолжаются работы по «наведению мостов» между органической и биологической химией, ведутся обширные исследования, конечным итогом которых должно быть понимание происхождения генетического кода у живых организмов. Одним словом, если прибегнуть к языку образов, то теория происхождения жизни сегодня — это живое, растущее дерево, питаемое «интеллектуальными соками» очень многих естественнонаучных дисциплин.

— КАКИМИ ЖЕ БЫЛИ НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЖИВОГО?

— Ответить на этот вопрос можно, изучая современную геохимию углеродистых соединений и моделируя поведение органических веществ в тех условиях, которые могли иметь место на Земле в первоначальные периоды ее существования.

Весь имеющийся в распоряжении современной науки материал по эволюции жизни в древнейшие геологические эпохи показывает, что она развивалась по принципу «от простого к сложному». Чем дальше мы уходим в глубь времен, тем проще и однообразнее становятся обнаруживаемые формы жизни. От животных, растений и многообразных многоклеточных существ мы приходим к образованиям, подобным сине-зеленым водорослям и бактериям. А еще более древние находки — «организованные элементы» — являлись, быть может, предшественниками жизни — пробирками или даже скоплениями абиогенного коллоидного материала. Так что мы уже очень близко подошли к началу жизни, к переходу химической эволюции в биологическую.

Но вся огромная совокупность геологических и палеонтологических данных, которые получены при изучении современного, уже богато заселенного живыми организмами земного шара, еще не может раскрыть нам путь и порядок этого перехода, последовательного усложнения органических веществ и формировавшихся из них биологических систем. И эта трудность — принципиальная.

Ведь с возникновением и дальнейшим развитием жизни произошло резкое изменение условий на земной поверхности, которое исключило всякую возможность повторения сколько-нибудь длительной эволюции органических веществ. Замечу попутно, что эту трудность прекрасно видел еще Ч. Дарвин: «...Даже если (о, какое оно большое, это «если»!) мы смогли бы представить себе, что в некоем маленьком водоеме со всякими аммонийными и фосфорными солями, с достатком света, тепла, электричества и т. п. возникло белковое соединение, готовое к дальнейшему более сложным химическим превращениям, то сегодня это вещество было бы немедленно съедено или адсорбировано, чего не случилось бы, если бы живых существ еще не было».

А коль скоро это так, то надо попытаться воспроизвести условия, существовавшие на безжизненной Земле, в модельных опытах и изучать здесь возможности, которыми обладают органические вещества и формирующиеся из них мономолекулярные системы.

Сейчас на основании большого фактического материала известно, что абиотические синтезы очень многих биологически важных соединений могут происходить при очень широком разнообразии внешних условий. Но чем дальше шла эволюция по пути усложнения органических веществ, тем более значительным делалось влияние именно внешних условий. И поэтому, воспроизводя в модельных опытах абиотическую химиче-

* Абиотические факторы — совокупность факторов внешней среды, относящихся к неорганическому миру.

скую эволюцию органических веществ, надо, прежде всего, соблюдать целую систему ограничений, без которых эти работы просто не могут быть доказательными.

Земля при своем формировании получила значительный запас возникшей еще в Космосе органики различной степени сложности. В состав атмосферы и гидросферы нашей планеты перед началом биологической эволюции входили метан, углекислый газ, вода, аммиак, молекулярный азот и водород. Эти вещества в той или иной комбинации служат исходным материалом для современных модельных опытов, при которых происходит переход от простых соединений к более сложным.

Общепринятым сегодня также является мнение, что подавляющая масса свободного кислорода современной атмосферы имеет биогенное происхождение. Кислород образовался в результате фотосинтеза растений. И если бы сейчас жизнь исчезла с поверхности Земли, то исчез бы и свободный кислород. Это соображение имеет самое прямое отношение к источникам той внешней энергии, за счет которой могло происходить взаимодействие органических веществ на биогенной Земле. Таких источников несколько: радиоактивные излучения земных недр, электрические разряды в атмосфере, высокая температура вулканических извержений и, наконец, коротковолновое излучение. Среди них самые «богатые» энергией — коротковолновые (ультрафиолетовые) солнечные лучи. Сегодня они не доходят до земной поверхности, так как в основном поглощаются на высоте около 30 километров слоем озона, который образуется из атмосферного кислорода. Но так как раньше молекулярный кислород, а следовательно, и озон отсутствовали, то коротковолновое солнечное излучение вполне могло достигать поверхности планеты и служить мощнейшим источником энергии для абиотических синтезов. Именно так и осуществляются сегодня некоторые модельные опыты.

И еще одно очень важное соображение. Конечно, под влиянием всех перечисленных воздействий должен происходить не только синтез, но и распад органических веществ. А вот расчеты показывают, что равновесие, которое, в конечном счете, устанавливается, сдвинуто в сторону большего распада органических веществ.

На первый взгляд кажется, что здесь как раз и создается непреодолимое противоречие: в этом случае могут сохраняться лишь малые доли синтезированных ранее органических веществ. А для того чтобы происходило последовательное прогрессивное образование все более и более сложных биологических веществ, нужно не только сохранение, но и накопление, концентрирование их предшественников. Но дело в том — и это доказано современной наукой, — что на земной поверхности никогда не наступало и не могло наступить равновесие, а поэтому здесь неизбежно создавались территории, где возникшие органические вещества концентрировались, усложнялись и где в конце концов произошел переход от химической фазы эволюции к ее биологическому этапу. Поэтому непременным условием доказательности модельных опытов является перемещение веществ, синтезирующихся в одном месте и накапливающихся в другом. Эти условия соблюдаются во всех работах.

О чем же говорят модельные опыты? Благодаря им, мы уже сегодня с известной долей вероятности можем представить себе последовательный ход химической эволюции от простейших углеродистых соединений к высокомолекулярным веществам, из которых образовались те «организованные элементы», или примитивные организмы, остатки которых мы обнаруживаем в древнейших отложениях земной коры. Именно на этом этапе развития материи и произошел закономерный переход от химической эволюции к биологической, когда из однородного раствора органических веществ выделились индивидуальные целостные системы-пробионты, а затем и первичные живые существа.

— КАКИЕ ФАКТОРЫ СПОСОБСТВУЮТ
СЕГОДНЯ РАЗВИТИЮ ЗНАНИЯ О ПРО-
ИСХОЖДЕНИИ ЖИЗНИ?

— До недавнего времени вопрос о происхождении жизни на Земле, а следовательно, и связанный с этим вопрос о жизни во Вселенной, носил скорее метафизический, чем научный характер. Однако три тесно связанных между собой обстоятельства сделали возможным именно научную разработку этого вопроса. Прежде всего, это грандиозные успехи современной астрономии. Именно они принесли доказательства того, что для возникновения жизни существует гораздо больше возможностей, чем это предполагали раньше.

С другой стороны, биохимия свидетельствует: жизнь — как растительная, так и животная — результат взаимодействия нуклеиновых кислот и белков. И это справедливо для всего диапазона жизни — от мельчайшего микроорганизма до человека. Примечательно, что сама основа невероятного богатства форм земной жизни чрезвычайно проста. Это ее, так сказать, алфавит. Нуклеиновые кислоты состоят из пяти оснований, одного сахара и одной фосфатной группы. А в целом молекулы белков — суть различные комбинации двадцати аминокислот.

Научный подход к изучению происхождения жизни эволюционен в самом своем существе. Это результат той тенденции в исследовании природы, которая в середине прошлого века привела к появлению теории Дарвина. Сегодня она получила всеобщее признание, а ее воздействие ощущается даже в далеких от биологии областях знания. Наверное, не будет ошибкой сказать, что именно признание биологической эволюции поставило вопрос и о другой форме эволюции — химической, которая ей предшествовала.

В заключение мне хочется отметить следующее. За прошедшие 20 лет учеными мира было много сделано для доказательства верности основных положений описанной здесь теории происхождения планетных систем, которая ясно свидетельствует, что наше Солнце и планеты, вращающиеся вокруг него, не являются какими-то уникальными образованиями ни по одному из своих основных параметров. В исследование проблемы происхождения жизни подключился целый комплекс наук — и в этом залог решения многих сложных вопросов, залог торжества материалистической науки, материалистического мировоззрения.

КОНСТРУКТОРЫ КОЛОСА

В письмах, которые получает редакция, немало просьб рассказать о работах Николая Васильевича Цицина. У редакции есть свое основание обратиться сегодня к научной деятельности этого известного советского ученого, академика АН СССР и ВАСХНИЛ, дважды Героя Социалистического Труда, бессменного директора Главного ботанического сада

Академии наук страны. 20 лет назад статья академика Н. В. Цицина журнал приступил к освещению различных аспектов проблемы взаимоотношений человека с природой. Эта тема и сегодня в сфере интересов «Науки и религии».

Беседу с академиком Н. В. ЦИЦИНЫМ ведет корреспондент журнала И. Жерневская.

— МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К ВАШЕЙ РАБОТЕ СПУСТЯ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ПРОИЗОШЛИ ЛИ В НЕЙ СУЩЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ? ИЗМЕНИЛОСЬ ЛИ НАПРАВЛЕНИЕ?

— Как и 20 лет назад, продолжается для меня изучение существа,

принципов и возможностей отдаленной гибридизации. Я по-прежнему верен проблеме, избранной еще в юности, — проблеме селекции зерновых, исследованию самой важной в жизни человека культуры — пшеницы. А течение времени сказывается в другом — в результатах работы, в возможностях глубже, сложнее, всестороннее заниматься любимым делом.

Работа у генетиков-селекционеров особая. У нас в руках живая материя природы, и мы сейчас в состоянии предпринять конструктивное ее преобразование как в теоретических, так и в практических целях, устремляясь к сокровенным основам самой жизни, направляя ее в нужную для человека сторону, усиливая в ней различные полезные признаки. И что особенно существенно — предвидя эти признаки, целенаправленное их получение путем переноса ценного генетического материала. Такова сегодня научно обоснованная селекция, опирающаяся на познание законов изменчивости, расшифровку наследования признаков, верное теоретическое представление об отборе нужных и полезных форм. Особая роль здесь принадлежит теории и практике отдаленной гибридизации как эффективному методу воздействия человека на наследственную природу организма.

— РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЭТОГО МЕТОДА.

— Это одно из важных и перспективных направлений современной биологии. Обращусь к примеру: на основе отдаленной гибридизации впервые получены сорта картофеля, устойчивые к раку, сорта хлопчатника, не поражаемые злейшим врагом своим — вилом, лучшие сорта табака, высокомаслистый подсолнечник, высокосахаристая свекла, сильные сорта яровой и озимой пшеницы. Все они объединяют в себе черты и признаки различных видов и родов растений.

Механизм их создания заключается во взаимном объединении на наследственной основе одного растения геномов и отдельных групп хромосом различных видов и родов растений. Преимущество этого метода в том, что гибридное растение, особенно при скрещивании культурной формы с дикорастущим, позволяет иметь дело с наследственным материалом, с ядром и плазмой совершенно разных форм. Человек использует генетические возможности представителей растительного

мира, сформировавшихся на разновременных путях эволюции, и может получить ценные для себя наследственные изменения за счет двух, трех, четырех форм, видов, родов. Как показала практика, результаты оказываются тем интереснее, чем дальше в своем родстве отстоят друг от друга скрещиваемые растения.

Во всеобъемлющем процессе эволюции всех ныне живущих организмов, как в природе, так и в эксперименте, отдаленная гибридизация играла и играет существенную роль. Ее значение особенно повышается сейчас, когда окружающая природа испытывает мощное воздействие человека, что приводит к утрате многих ценных видов, ассоциаций и сообществ растений. Вовлечь их в гибридизацию с культивируемыми растениями — значит не просто обогатить существующий генофонд, но и сохранить ценные ресурсы живой природы для будущего.

— ВАШИ РАБОТЫ СВЯЗАНЫ С СОЗДАНИЕМ ПШЕНИЧНО-ПЫРЕЙНЫХ, РЖАНО-ПЫРЕЙНЫХ И ДРУГИХ ГИБРИДНЫХ СОРТОВ. КАК ЗАДУМЫВАЛИСЬ ЭТИ РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗМЫ, А ПО СУЩЕСТВУ, НОВЫЕ, НЕ ИЗВЕСТНЫЕ ПРИРОДЕ РАСТЕНИЯ?

— Да, многие гибридные формы, полученные нами, настолько необычны, что их правомерно рассматривать как новые ботанические виды. Взять хотя бы пшенично-пырейные гибриды. При слиянии пшеничных половых клеток с пырейными, принадлежащими уже к другому роду, происходит взаимодействие наследственных кодов двух родов, в результате чего образуется новый гибридный код, согласно которому пойдут процессы развития нового организма.

Для селекционера важна цель, которой подчинена его работа. Какова его задача?

Занимаясь зерновыми культурами, мы решаем проблему, непосильную природе. Нам необходимо увеличить длину колоса, а также число колосков и цветков в нем, получить крупное зерно. Нам нужно, чтобы растение выдерживало условия искусственного орошения и современной агротехники, чтобы выжило в засухливую или холодную пору, чтобы было устойчиво к болезням, вредителям. И, главное, чтобы давало высокие урожаи. Всеми этими признаками человек наделяет растение сам.

Скрещиванием озимой ржи с пыреем сизым я начал заниматься еще с 1935 года. Сорняк этот интересен во многих отношениях. Ведь многие формы дикорастущего пырея содержат в зерне большой процент сырой клейковины, обладающей хорошей связностью. Задача виделась так: получить клейковинные формы озимой ржи, близкие по хлебопекарным качествам к пшенице. А это значит, что нам предстояло внести перемены в биологическую природу злака.

Сейчас можно сказать: впервые нам удалось получить формы гибридов, в зерне которых содержится до 20—25 процентов вязной клейковины. И это только часть селекционной работы. Предстоит немало потрудиться, чтобы

закрепить данный признак, создать устойчивые популяции этого растения.

Многие годы ушли на эксперименты по скрещиванию пшеницы с другим дикарем — элимусом, который привлекал наше внимание как возможный исходный материал для повышения ее продуктивности. О размахе этой работы можно судить по таким фактам: в исследование было вовлечено до 120 форм семи видов пшеницы и 32 формы трех видов элимуса — мягкого, песчаного и гигантского. В результате удалось выделить сорта и формы пшеницы, способные успешнее всего скрещиваться с элимусом. Важные шаги на пути к новой зерновой культуре сделаны.

К настоящему времени мы отработали надежные схемы формирования пшенично-пырейных гибридов типа высокопродуктивных сортов как яровых, так и озимых пшениц. Наш Грекум-114 — новый сорт яровой пшеницы этого ряда, районированный на востоке страны, высевается на больших площадях. Он устойчив к полеганию и поражению пыльной головней, обладает отличными хлебопекарными качествами.

Наследственность — величайшая сокровенная сила природы. Познавая ее, опираясь на ее основы, человек синтезирует растения, не укладывающиеся в рамки прежнего вида. Таковы выведенные нами многолетняя и зернокармальная пшеницы, оказавшиеся интереснейшими объектами исследований. В основе этих селекционных работ лежало конструирование несуществовавшего в природе 56-хромосомного вида пшеницы. Он дал нам 16 разновидностей растений, отличающихся от других видов пшениц комплексом своих морфобиологических признаков, в том числе таких, как способность давать урожай зерна от одного посева в течение двух-трех лет, а также способность формировать новые побеги после уборки урожая. Эти необычные свойства — следствия добавления к основному хромосомному комплексу мягкой пшеницы пырейного генома.

Представьте себе необычную картину: собрав первый урожай, можно, не засевая поле вновь, иметь растения, способные к вегетации и на спелый год. Созданный в последнее время сорт М-706 имеет уже хорошую многолетность: на второй год жизни сохраняется 70, а на третий год — 50 процентов вегетирующих растений.

Не уместается в рамки обычных представлений и другая форма этого вида — зернокармальная, отрастающая пшеница. Ее характерная особенность — повышенная способность к регенерации, отрастанию. У всех видов пшениц созревание идет как бы снизу вверх — сначала зреет соломина, потом колос, после чего растение отмирает. Мы же получили такую сельскохозяйственную культуру, у которой эти процессы идут в иной последовательности. Созревание идет сверху, с колоса, к этому моменту солома остается еще зеленой, богатой питательными веществами и витаминами. От зоны кущения у зернокармальной пшеницы отрастают все новые и новые побеги. После уборки на зерно или скашивания на сено нижняя часть растения вновь дает жизнь молодым побегам.

Вот результаты, которыми порадовала Отрастающая-38, пшеница зерно-

кормового направления тоже с 56 хромосомами: за три укоса она дает до 400—500 центнеров зеленой массы с гектара, в которой содержится 12—14% белка (столько его имеется в зерне многих сортов пшеницы). Отрастающая-38 зимостойка, способна выдержать в узле кущения температуру до —30 градусов. Все эти показатели превышают контрольные данные, полученные в тех же условиях у озимой ржи. Намечается создать и передать в государственное сортоиспытание новый сорт зернокармовой пшеницы, превышающий по урожайности сорт Отрастающая-38.

Сам факт создания многолетней и зернокармовой пшеницы — яркое событие в науке. Должно быть, придет время, когда человек научится полностью управлять сложными биологическими процессами, происходящими в растении, сможет заменить многие одолетные сельскохозяйственные культуры сходными, но многолетними. Важный шаг в этом поистине революционном направлении уже сделан.

— В ВАШЕМ РАССКАЗЕ ВСЕ ВЫГЛЯДИТ ТАК ЛЕГКО И ПРОСТО. А КАК ПОЛУЧАЕТСЯ НА САМОМ ДЕЛЕ? КАКОГО РОДА ПРЕПЯТСТВИЯ СТАВИТ ПРИРОДА НА ПУТИ СЕЛЕКЦИОНЕРА?

— Прежде всего нескрещиваемость растения и бесплодие гибридных организмов первого поколения. Их нельзя воспроизвести через посев семян или повторить при последующих скрещиваниях. Здесь особую роль приобретают работы по подбору родительских пар. Например, мы установили, что при скрещивании пшеницы с пыреем лучшие результаты дают материнские формы гибридного происхождения, а не стародавних популяций. Отцовская форма для будущего сорта тоже требует к себе внимания.

Стратегия селекции во многом зависит от генетических и иных различий между родительскими компонентами. Если это необходимо, то одного из родителей «переводят» на другой хромосомный уровень, чем искусственно сближают родительские виды (хотя одновременно и сужают этим размах формообразования). Используют в эксперименте и предварительно облученную пыльцу. Бывает, что выбранные для скрещивания формы цветут в разное время, тогда пыльцу хранят до срока в запаянных ампулах, разработанных в Главном ботаническом саду.

Живая природа устойчива в своем сопротивлении ненужным ей переменам, человеку приходится ускорять эволюцию растений экспериментальным путем, создавать перспективные виды, формы, сорта. На это уходят годы труда, жизни, и счастье для исследователя, когда он получает желанные результаты. Нам удалось внести свой вклад в преодоление стерильности, в схемы подбора партнеров для скрещивания, в разработку принципиально новых схем скрещиваний и отборов. Впервые в истории мы получили гибриды старших поколений между рожью и пыреем, пшеницей и элимусом.

— В ТЕСНОЙ СВЯЗИ С ЭТИМИ ПРОБЛЕМАМИ СТОЯТ СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, СПОСОБЫ ИЗМЕНЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ ЖИВЫХ ОРГАНИЗМОВ. РАССКАЖИТЕ О НИХ.

— Сейчас нет сомнения, что стойкие изменения в генах и хромосомах, выделяющие организм из ему подобных (то есть мутации), дают ему новые признаки, позволяющие выжить, уцелеть в изменившихся условиях. Мутации в природе — постоянно действующий фактор. Поставляя исходный материал для отбора, они, по существу, составляют фундамент эволюции. Научившись искусственно изменять наследственные структуры, человек вторгся в самые сокровенные тайны природы. Тысячи лет, нужные ей для усовершенствования какого-то определенного признака, ученые сокращают в сотни раз, добываясь изменения гена, либо отдельных участков хромосом, либо изменяя число хромосом в клетке. Этим по-новому решают важную проблему исходного селекционного материала, лишая дикие виды их отрицательных свойств, придавая гибридным растениям положительные качества.

На участках Главного ботанического сада растет у нас оригинальное луковичное растение, давно используемое в декоративном садоводстве, — безвременник, или колхикум. Его знают все генетики. Еще в прошлом веке из него выделили колхицин, химическое вещество, обладающее свойствами сильного яда. Оказалось, что микродозы этого вещества способны влиять на ход деления растительных клеток. Эту особенность колхицина генетики использовали для получения полиплоидных растений с удвоенным, утроенным, учетверенным хромосомным набором и как следствие этого — с более крупными цветами, плодами, зернами, с более высокой продуктивностью.

Метод кратного увеличения числа хромосом — полиплоидия получил широкое распространение в селекционной практике. Способы воздействия на наследственную основу организма разнообразны. Для этой цели применяют водные растворы мутагенов, семена обрабатывают в электрополях высокой напряженности, облучают рентгеновскими и гамма-лучами, нейтронами. Сейчас в практику селекции пришли протоны и с их помощью в довольно короткое время мы получили у многолетних пшениц мутантные линии с ценными признаками. Выяснили, например, что трудную обмолачиваемость у ряда многолетних пшениц можно устранить, скрещивая их с мутантами, которым свойствен мягкий обмолот. Число зерен в каждом колоске удается изменить тоже под воздействием мутагенных факторов.

Таковы сегодня некоторые методы в практике отдаленной гибридизации — наука дает ей разные способы воздействия на хромосомный комплекс клетки, на наследственную природу гибридов. Закономерность формообразовательного процесса нужно изучать на различных уровнях, только тогда станет окончательно ясным механизм перехода генетического материала от диких видов к культурным и способы контролируемого

Безостые формы пшенично-пырейных гибридов, унаследовавших от пырея признак многозерности каждого колоска. Слева один колос обычной мягкой пшеницы.

введения чужеродной генетической информации в культурные растения.

— КОЛЛЕКТИВ ГЛАВНОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА И ВЫ ЛИЧНО В ОТВЕТ НА РЕШЕНИЕ ЦК КПСС И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР «О МЕРАХ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ НАУКИ И УКРЕПЛЕНИЮ ЕЕ СВЯЗИ С ПРОИЗВОДСТВОМ» ПРИНЯЛИ НА СЕБЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА. ЧТО В НИХ ГЛАВНОЕ?

— Производство зерна по-прежнему остается ударным участком работы в сельском хозяйстве, в силу чего проблема создания массового селекционного материала приобретает особое значение. Продолжая исследования теоретического характера, связанные с видо- и формообразованием, с принципами исследования у гибридов хозяйственно важных признаков, мы будем шире использовать озимые и яровые многолетние пшеницы. В ближайшие годы будут созданы три таких сорта.

Гибридные материалы позволяют нам надеяться на выведение оригинальных сортов озимых и яровых пшенично-элимусных растений, к концу пятилетки мы намеряем передать в конкурсное сортоиспытание два продуктивных непологающих сорта.

Сейчас в нашем селекционном питомнике изучалось уже свыше трех тысяч номеров различных поколений тритикале — работа с этой зерновой и кормовой культурой, полученной от скрещивания пшеницы и ржи, в последние годы получила во всем мире особый размах. Мы ищем возможности создания короткостебельных продуктивных тритикале, а также сортов кормового назначения. Ведутся интенсивные поиски по совершенствованию многолетней ржи. В целом наш коллектив запланировал получить в десятой пятилетке восемь новых сортов.

Интересные перспективы связаны с созданием многозерных форм пшеницы, отличающихся от обычных строением колоса и колосков. Предполагает-

ся так реконструировать растение, чтобы вместо пяти цветков в колоске и четырех зерен в нем получить девять цветков и шесть — восемь зерен. Что это обещает? Прежде всего, значительное повышение урожайности. Закрепление такого признака откроет новые возможности усовершенствования сельскохозяйственных культур и в свою очередь поставит перед исследователями новые теоретические и практические задачи.

— КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ЗАМАНЧИВОЙ ПРОБЛЕМЕ СКРЕЩИВАНИЯ РАСТЕНИЙ РАЗНЫХ СЕМЕЙСТВ?

— Отдаленная гибридизация помогает решать одну из увлекательных и трудных задач, стоящих перед селекционером, — создавать гибриды растений, относящихся к различным семействам. Опыт работы со сложным гибридным материалом приближает исследователей к созданию таких форм, которые в корне изменят наши представления о современных культурах. Перед нами откроется наглядная картина переходных этапов, по которым шла естественная эволюционная деятельность природы, скрытая течением времени. Задача эта представляется чрезвычайно трудной, но осуществление ее, исходя из общего единства происхождения материи, вполне реально, о чем говорит уже имеющийся у нас опыт.

360 гектаров Останкинского лесопаркового массива в Москве, где разместились владения Главного ботанического сада Академии наук СССР, — живое опровержение вероучительных догм и религиозного канона, доводов современных теологов. Они рассматривают растительный мир как одно из доказательств существования бога-творца, а в способах его существования, в наличии механизмов приспособления к окружающей природе видят подтверждение всемогущества небесного создателя всего живого. По свидетельству Библии, он создал все растения «по роду их» — так люди издавна обоже- ствили подмеченную ими закономерность самовоспроизведения природы.

Но стоит только побывать на участках и в оранжереях Главного ботанического сада, и перед вами предстанет убедительная картина совершенно иного рода. Посетителей знакомят с тем, как расселялся мир растений по поверхности планеты, как и формы он принимал в результате естественного эволюционного развития природы, какую преобразующую роль занял в этом человек, выйдя за пределы библейского определения «по роду их».

Чтобы показать разные климатические условия только нашей родины, потребовалось 2500 видов растений, а чтобы отобрать среди них наиболее стойкие формы, научиться выращивать их под московским небом, пришлось испытать более 4500 видов. Особые хлопоты доставили работы по акклиматизации древесных растений — ботаники знают, как трудно переделывать их природную основу. И здесь человеку

тоже удалось превзойти библейского творца с его прославленной в веках предусмотрительностью и мудростью и заставить растения, деревья расти, плодоносить в несвойственных их роду условиях.

Остаивая постоянство видов, сотворенных богом в момент создания растительного мира, защищая догмы книги Бытия, которая будто бы «не идет в разрез с научными данными нашего времени», современные священнослужители тоже проповедуют непознаваемость глубинного естества растительного мира: «Каждый сорт получается лишь из своего семечка, которое само по себе представляет тайну — тайну зародыша, тайну корня, тайну роста, цвета, плода, жизни и смерти». Так ли это?

Весь многолетний, даже многовековой путь преобразования человеком диких растений в современные полевые, технические, овощные, плодовые культуры свидетельствует об обратном. Только постижение многих тайн зародыша, корня, плода растений, только проникновение Большой Науки в тайны живого, в законы передачи наследственного материала позволило людям обратиться к активному преобразованию растительного мира.

...Как незначительно изменилось религиозное мировоззрение в своем отношении к загадкам и проблемам этого мира и какие разительные перемены в этой области связаны с тем, что люди и здесь отступили от краеугольного библейского канона: я господь, который сотворил все!..

ЧАС ПРИБЫТИЯ

Корреспондент нашего журнала В. Зыбковец обратился к известному ученому — историку и археологу, Герою Социалистического Труда, академику Алексею Павловичу ОКЛАДНИКОВУ с просьбой ответить на несколько вопросов.

— ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ВЫШЕЛ ПЕРВЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «НАУКА И РЕЛИГИЯ». ЧТО ВЫ, АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ, ХОТЕЛИ БЫ СКАЗАТЬ В СВЯЗИ С ЭТИМ О ЗНАЧЕНИИ АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ?

— Хотел бы, конечно, поздравить журнал, его редакцию и коллег и пожелать всем творческих успехов. А заодно, пользуясь случаем, высказать некоторые замечания, свое мнение о

том, что такому журналу нужно еще сделать.

Прежде всего хотелось бы видеть центральное атеистическое издание еще более активным и научным. Журнал популярный, но, на мой взгляд, он должен публиковать больше и теоретических статей, конечно в доступной для читателей форме. К сожалению, давно не было серьезных публикаций по проблемам этики, сравнительно-исторического анализа современных религиозных направлений, мало прямой полемики с современными западными теологами, которые порой просто фальсифицируют достижения науки.

На страницах журнала слабо представлена такая очень важная для его профиля отрасль исторической науки, как этнография. А ведь с ее помощью можно убедительно показать переходящий характер всех мировых религий,

проследить их связь с зачаточными формами религии. Вспомним хотя бы блестящую критику Л. Н. Толстым важнейшего момента ритуальной практики православной и католической церкви — «таинства» причащения, — которое он дал в своем разборе догматического богословия митрополита Макария. Но еще задолго до этого, в далекую эпоху «мусульманского Ренессанса», этот обряд, в основе которого лежит древнейший, палеолитический по происхождению обычай поедания мяса и крови обожествленного зверя, привел в ужас правоверного араба-мусульманина. «Как могут они — христиане — пить кровь своего бога, вкушать его плоть!» — восклицал араб-мусульманин, убогая из храма.

Поскольку главная задача журнала — воспитание материалистического взгляда на природу и общество, активного

мировоззрения, направленного на преодоление атавистических пережитков прошлого в сознании людей, то естественно желание видеть в журнале более широкий спектр мировоззренческих проблем. Нужно полнее представлять на его страницах философию, привлекая к этому ведущих ученых, как советских, так и прогрессивных зарубежных. Вместе с тем последовательнее критиковать реакционные идеалистические философские течения нашего времени, вскрывать их связь с классовой борьбой в осовремененном капиталистическом обществе. Нет сомнения, что такой призыв к философам найдет с их стороны понимание и конкретные отклики. Соответственно еще более повысится общий теоретический уровень работы журнала, станет более углубленной и убедительной критика религиозной идеологии. Не уделяет достаточного внимания журнал и проблемам исторического языкознания. Относительно узка еще и география публикуемых материалов — Зауралье, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток, Север входят в орбиту журнала эпизодически. А как могут быть интересны дискуссии с участием философов и историков по основным проблемам религиозоведения и атеизма!

Как видите, мои замечания касаются в общем-то проблем, мне близких. Вероятно, физик, химик или биолог могли бы добавить к этому что-то свое.

— ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА ЗНАЮТ ВАС ПО ВАШИМ МНОГОЧИСЛЕННЫМ КНИГАМ И СТАТЬЯМ, ПОСВЯЩЕННЫМ ИСТОРИИ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА, ПРОИСХОЖДЕНИЮ ИСКУССТВА И РЕЛИГИИ. КАКОВА, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, РОЛЬ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА?

— Я — убежденный атеист. Еще в юности усвоил определенную систему взглядов, определенное мировоззрение, основанное на данных науки и методологии марксизма. Убежденность, мировоззрение не есть нечто такое, что присуще человеку со дня его рождения. Врожденными могут быть дарова-

ния, и то они требуют условий для развития и осуществления, убеждения же воспитываются. Я подчеркиваю эту мысль потому, что здесь и сегодня происходит одно из главных столкновений между учеными-марксистами и теологами, а также теми исследователями, которые придерживаются идеалистического мировоззрения.

В чем смысл такого столкновения? Религия утверждает: бог создал человека и вдохнул в него вместе с душой религиозность. Человек, мол, с рождения религиозен, иначе он не человек, не божье творение. Этот постулат выдвигнут давно, но до сих пор он авторитетен для верующих. Больше того, опираясь на последние научные открытия в области археологии, антропологии и психологии, намного увеличившие как возраст рода человеческого, так и время появления у него духовной, общественной жизни, религиозные теоретики пытаются подогнать, состыковать свои догматы с данными науки.

Главная цель, к которой они стремятся, заключается в попытке обосновать тезис об извечности религии, о том, что все человеческое начинается с появления представлений о божественном начале. В сущности, это тоже самое, что библейский миф о том, как бог создал человека и вдунул в него бессмертную душу. Такие легенды, как мы знаем по данным этнографии, свойственны первобытному мировоззрению и продолжают существовать во всех религиях как наследие идеологии каменного века. Тезис теологов об извечности религии нашел свое образное выражение в так называемой «теории прамотеизма». Автор этой теории католический патер Вильгельм Шмидт опубликовал многотомный труд «Происхождение идеи бога», в котором собрал и тенденциозно истолковал различные этнографические примеры, относящиеся к различным странам и народам.

В начале истории будто бы стоит культ «высшего существа», праотца, единого божества, почти такого же, как библейский господь. Согласно этой концепции, первобытный человек начал с чистого откровения. Верховное существо якобы явилось ему и открыло истину. И лишь впоследствии, уклонившись в результате грехопадения от истинного пути, человечество впало в язычество, или в то, что мы называем древнейшими формами религии, — магию, фетишизм, анимизм, культ предков, многобожие.

Само же по себе представление о таком «верховном существе» неразрывно связано с примитивной космогонией вообще и с такой первобытной логикой, которая строит представление о мире, антропоморфизует его, по аналогии с деятельностью человека. Логика эта такова: человек создает вещи и рождает подобных себе. Значит, кто-то, «некто», должен был создать и человека, и весь мир! Эту наивную логику можно назвать детской.

Но иных, научных представлений на этом уровне развития первобытного общества еще и не могло существовать. Что же касается «праотца» и «верховного существа», о котором писал В. Шмидт, то обычно он выступает совсем не один, а вместе с другими такими же мифическими существами. И вообще это существо яв-

ляется лишь «культурным героем», обычным для древнейшей мифологии, который учит и воспитывает людей. Словом, ничего общего с монотеизмом, единобожием «высших» религий эти мифы не имеют.

Относительно же времени возникновения религии следует сказать, что еще видный исследователь древней культуры Востока академик Н. Я. Марр метко заметил: «Бог имеет час прибытия и час отбытия». Свидетелями такого отбытия являемся мы в настоящее время, когда все более и более широкие массы верующих отходят от религии, а церковники под давлением этого факта ищут всяческие способы поддерживать свое влияние.

Ключ к правильному пониманию условий, в которых возникают предпосылки к возникновению зачатков религиозного сознания, содержится в фундаментальных положениях марксистско-ленинской диалектики, в знаменитых высказываниях В. И. Ленина.

«...Она... — писал Ленин о религии, — пустоцвет, бесплодно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»*.

Эти противоположные начала — пустоцвет и творческая фантазия не отделены исторической стеной, они жили рядом. Но если творческая фантазия рождалась успехами в труде, реальными достижениями и знаниями и из нее выходят наука, искусство, мораль, то пустоцвет, паразитирующий на положительном знании, рождает мистику, магию, религию.

Иррациональное (религия) не может породить рациональное — положительные знания людей об окружающем их Мире и об обществе, в котором они живут. А именно это пытаются доказать современные теологи и ученые-идеалисты.

Для нас, исследователей древнейшего прошлого человечества, мыслящих исторически, очевидно: религия есть форма общественного сознания и как таковая может появиться (но не обязательно появляется) лишь на той ступени человеческой эволюции, когда у человека возникает сознание. Общественное сознание в свою очередь есть отражение общественного бытия. Следовательно, религия может появиться только тогда, когда духовное производство приобретает относительную самостоятельность, оторвавшись от материального производства. А это могло случиться только в очень позднее время, не ранее, чем в верхнем палеолите, когда впервые появляется и искусство, то есть не ранее, чем тридцать тысяч лет тому назад. И речь тут идет не о религии в собственном смысле слова, в сколько-нибудь развитой форме, а лишь о ее зачатках — о первобытной охотничьей магии, о разных видах анимистического антропоморфизма, о вере в духов, о примитивном колдовстве без сложившейся иерархии и прочих признаков сложной религиозной идеологии и культовой практики. До этого времени история человечества насчитывает, судя по новейшим исследованиям в Африке, по крайней

* В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 322.

мере два, а то и три миллиона лет. Это был безрелигиозный период.

О какой же «извечности» религии может идти речь?

Попутно следует вспомнить один эпизод из моих собственных исследований. Мне посчастливилось в 1938 году обнаружить в гроте Тешик-Таш в Южном Узбекистане останки неандертальца, окруженные рогами горного козла. Сравнительный анализ находки в Тешик-Таше и других фактов позволил сделать вывод о том, что у неандертальцев около 100—40 тысяч лет назад уже появились первые зачатки иллюзорных, ложных идей, которые легли в основу позднейшей религии — культа зверя и солнца, веры в жизнь после смерти в ином, потустороннем мире. Но это не говорит в пользу «теории извечности религии». А напротив, служит делу разоблачения ее. Просто современные религии отражают фантастику той далекой эпохи и бессилие древнего дикаря. Кроме того, сам неандерталец вовсе не первочеловек, а существо, стоящее на грани перехода от подлинно древнейших людей к человеку современного типа, продукт длительного развития предшествующих поколений. Что же удивительного в том, что поздние неандертальцы и в смысле мыслительной деятельности поднялись близко к «человеку разумному»?

— КАК ВЛИЯЕТ ВАШЕ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ НА НАУЧНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ?

— Я — историк. И, говоря о том, почему я атеист, оперирую в первую очередь данными своей науки и других, близких общественным дисциплинам. Наши общественные науки, основанные на марксистско-ленинской методологии, реально раскрывают корни исторических явлений и неопровержимо свидетельствуют о том, что в основе этих явлений лежат не произвол отдельных лиц, не случай, не сверхъестественное чудо, а определенные закономерности, которые отражают объективные процессы, происходящие в обществе.

Воссоздавая на основе исторических исследований древнейшее прошлое человечества, я вижу всю сложную противоречивость, диалектичность этих вполне материальных процессов.

Практика археолога дает огромный материал для моих атеистических взглядов и заключений. Ведь даже сама «охота» за древними историческими памятниками, как и научный поиск в любой отрасли знаний, по моему глубокому убеждению, атеистична по своему смыслу, так как прямо противоположна не только религиозным догмам и установлениям, но и религиозному миропониманию вообще.

Но главное даже не в этом. Знания — знаниями, а вот как ученый понимает и объясняет полученные им факты, как он осмысливает их, зависит от его мировоззрения, от его методологической вооруженности.

Мне довольно часто приходится встречаться с коллегами из других стран. Среди них есть люди, с которыми я поддерживаю дружеские отношения. Вот, например, известный швейцарский ученый Иоганнес Марингер, автор широко известной книги «Первобытный

человек и его боги». Мы с ним оба специалисты в одной области, добрые друзья, ценим и уважаем друг друга. Но это не значит, что мы одинаково мыслим в науке, особенно же в отношении фактов, известных каждому из нас. Здесь мы порой — непримиримые противники. Марингер — католический священник, его мировоззрение религиозное, идеалистическое, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Такое мировоззрение, как правило, отнюдь не облегчает ученому понимание истинного характера его исследований. Напротив, заводит в тупик там, где, казалось бы, все ясно. Ведь обычно ученый стремится подкрепить свои взгляды, выводы фактами, он подбирает их и интерпретирует на основе своей гипотезы. Но этот путь весьма опасен, так как уводит от объективной истины и может привести нередко к неправильной оценке фактов. Вот как мировоззрение может влиять на жизненную позицию ученого, на его отношение к действительности. Правда, нужно сказать, что сейчас я все меньше встречаю верующих ученых. Там, где господствует ее величество наука, трезвые, реальные научные идеи (а без них любая наука немислима), там религия оказывается не у дел. Думается, многие западные ученые, говоря о том, что они верующие, делают это не по убеждению, а под давлением внешних обстоятельств.

— КАКОВЫ ЖЕ ЭТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И КАК ОНИ ПРОЯВЛЯЮТСЯ В НАУКЕ?

— Если ученый в капиталистической стране открыто заявил о своем атеизме, его не примут в приличное, по его понятиям, общество, затруднена будет и его научная карьера. А обычно среди моих зарубежных коллег, во время наших бесед проблема религиозности даже не возникает. И диалог между исследователями идет в сфере чисто научных вопросов — в экспериментах, статьях, книгах...

Это, в частности, касается такой острой идеологической проблемы, как происхождение искусства. В ее трактовке отражено коренное, принципиальное столкновение мировоззрения ученых материалистов и идеалистов.

Искусство человека древнекаменного века было открыто давно. Но случилось так, что вначале обнаружили масштабные росписи в пещерах, а впоследствии нашли и более мелкие формы творчества древних людей — скульптурные изображения, гравировку на камне и кости. Складывалось впечатление, что человек сразу начал рисовать прекрасные фрески в пещерах. Это привело к господству на Западе гипотезы о сверхъестественном феномене, называемом «художественное чудо». Многие ученые, в их числе, например, англичанин М. Гранд, заявили, что «чудеса искусства предшествуют полному вакууму». Они утверждают, что такое явление, как искусство, не имеет ни корней, ни предистории.

Отсюда следует вывод: религия в той форме, в какой она сейчас существует, вечна, она равесница сотворенного богом человека. Именно такова позиция официальной католической церкви и ее идеологов. В моей книге «Утро искусства» подробно изложена наша, марксистская точка зрения. Отвергая магиче-

скую теорию происхождения искусства, мы признаем единственно правильной диалектическую концепцию, не упрощающую, но обогащающую представления, существующие в современной науке.

Художественное творчество могло возникнуть только на основе трудовой деятельности человека и его прогрессивного развития и совершенствования — мозга, рук, сознания, творческой фантазии и общественной деятельности. В древнекаменном веке в сознании человека боролись два противоположных направления: рациональное — эстетические переживания, наслаждение прекрасным и иррациональное — магия. Отождествлять их, считать едиными в философском, методологическом плане — грубейшая ошибка. В нее впадают сторонники магической теории, утверждающие, что искусство палеолита «рождено» магией.

Вернемся все-таки к И. Марингеру. Он автор ценных работ по археологии Японии, а также солидной монографии по праистории Монголии. В этом плане работы советских ученых по древней истории Монголии смыкаются с его исследованиями.

И. Марингеру, однако, принадлежит попытка реконструкции религии эпохи палеолита. Книга его, посвященная этой проблеме, написана с позиции прамотеизма. Такова, в частности, попытка обнаружить в известном палеолитическом рисунке «колдуна» не что иное, как «Великого Мага», прародца, а знаменитые женские статуэтки отождествить с образом великой богини-матери развитых религий классового общества, хотя между ними лежит пропасть тысячелетий.

Вот только две горячие точки столкновений разных мировоззрений в науке, которой я служу. Мне кажется, я привел достаточно убедительные примеры, иллюстрирующие, как существенно влияет мировоззрение ученого на его теоретические построения.

В начале беседы я назвался убежденным атеистом. Под этим подразумеваются вся моя жизненная позиция, а также обязательное участие в антирелигиозной работе, в атеистической пропаганде.

Еще студентом, а затем аспирантом Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) я был активным членом Союза воинствующих безбожников. В эту организацию, имевшую целью просвещение народа, преодоление пережитков прошлого в сознании людей, я был послан от комсомола. В пропаганде передовых идей нашего времени мы, комсомольцы, могли широко использовать тот материал, который имелся в нашем распоряжении, в частности я как историк и археолог. Мы шли в активный атеизм по путевке комсомола. По таким же путевкам советская молодежь шла защищать Родину, восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство, поднимать целину. Посланцы комсомола преобразуют сегодня Нечерномозье, строят БАМ. Как и все комсомольцы 20—30-х годов, в свои 70 с лишним лет, я им глубоко сочувствую. Сопереживаю радость борьбы за торжество нашего великого дела строительства нового общества, формирования нового человека, свободного от пережитков далекого прошлого, в том числе — религии.

РАФАЭЛЬ

Литература, искусство

Ласло ПАШУТ

Перевел с венгерского
А. ЛИДИН

В мастерской не было песочных часов — время измерялось специальным механизмом, который приводился в движение заливаемой в него каждый вечер водой. Хитроумное устройство показывало на этот раз третий час после сиесты: металлический шар, звеня, ударил по тазу. Теплой водой из кувшина и щеткой Рафаэль вымыл руки. Потом надел плащ: все поняли, что он собирается уходить.

Как только Рафаэль покинул мастерскую, ритм работы сбился, послышались громкие споры. Рафаэль приятно улыбался, у него был кроткий голос, он редко кого упрекал в чем-нибудь и никогда не наказывал. И все-таки как только он покидал мастерскую, атмосфера в ней становилась развязней и подручные без мастера чувствовали себя свободней.

Через боковые ворота он вышел из Ватикана, затем спустился к Тибру. Переходя через мост, он взвешивал мысленно то, что собирался сказать Киджи, хотя это было нелегко высказать. Еще утром маэстро послал к банкиру одного из своих учеников, чтобы доложить о предстоящем своем визите.

Рафаэль шел по Трастевере. Вокруг пульсировала убогая жизнь бедноты. Но когда он дошел до Виа деи Банки, город нищеты, как по мановению волшебной палочки, превратился в город богатства. Как из-под земли выросли деловые конторы, сдаваемые в наем за баснословные деньги. Торговцы, поставщики, менялы населяли это царство золотого тельца.

В доме Киджи маэстро Рафаэля отлично знали; о нем не докладывали, и гость мог без доклада проходить пря-

мо на второй этаж, где был рабочий кабинет.

— Мне надо поговорить с вашей милостью. Надеюсь, я не слишком помешаю, мессер Агостино?

Глаза художника невольно читали лицо собеседника. Оно было изборождено морщинами, глаза у Киджи казались усталыми, в них сквозила телесная слабость и тревожная неугомонность мозга, непрестанно загруженного какими-то делами.

Сиенец протянул Рафаэлю обе руки.

— Вот нынче я задул свечи лишь после полудня. Его святейство полагает, что военный поход состоит из вербовки солдат, доставки провианта и отправки военнопленных в тыл. Всем прочим, мол, должен обеспечить Киджи. Пока бесспорно лишь одно: союзные войска наступают и победа кажется вполне обеспеченной. За несколько недель святому отцу удалось отвоевать в Романье все владения, какие некогда входили в Папскую область. Но кто знает, как сложатся обстоятельства в этой провинции?

Рафаэль терпеливо слушал. С вежливой улыбкой он внимал непривычно многословным жалобам Манифико на неприятности и новые тяготы, навалившиеся за последнее время. В завоеванных областях предстояло наладить поступление налогов, позаботиться о нуждающихся и прочее и прочее.

Сильные мира сего, подумалось Рафаэлю, вьются в собственном соку. Агостино явно рад был тому, что мог облегчить свою душу. После какой-то фразы он вдруг посветлел, лицо его переменилось, усталость исчезла, и человек этот, казавшийся только что смертельно утомленным и почти безучастным, вдруг помолодел.

— Прости мои долгие речи, друг мой, — сказал он Рафаэлю. — Собственно ты пришел, чтобы я выслушал тебя. Я распорядился, чтобы никто нам не мешал. Весь вечер в твоём распоряжении.

Киджи впервые обратился к Рафаэлю на «ты». Это был знак дружбы и благосклонности.

«Мне надо поговорить с вашей милостью, мессер Агостино», — писал ему Рафаэль в утренней записке.

Слова эти он с таким трудом мысленно повторял по дороге из Ватикана на Виа деи Банки. Наконец ему удалось произнести:

— Мне надо поговорить с вами, мессер, о дочери Люти.

Знал ли Киджи, что Рафаэль трижды посетил дом пекаря, что рисовал Маргериту и, более того, что уже почти завершил ее портрет? Два эскизных наброска он оставил в дар своей натурщице, как это заведено у художников. Знал ли пекарь Люти, что каждый из таких рисунков Рафаэля стоит нынче по меньшей мере двадцать золотых дукатов?.. Да, Агостино смутно вспоминал, что сиенский пекарь что-то такое скрывал ему об этом, посетив на прошлой неделе по своим делам банковскую контору. Он, помнится, просил повлиять на то, чтобы ему, Люти, было дозволено снабжать хлебом папские войска в походе. Киджи обещал ему поговорить в курии с комиссарами, ведающими снабжением войск.

Но почему Рафаэль выразился «дочь Люти», а не «Маргерита»? Дочь — так требовали приличия — принадлежала отцу, который распоряжался ее судьбой, пока она не выйдет замуж и не переберется под супружескую кровлю. Киджи внимательно смерил взглядом

Продолжение. Начало см. в № 8.

дом лицо Урбината. Он заметил, как ангельский лик Рафаэля подернулся глубокой тенью. «Я мог бы быть ему почти отцом», — подумал Киджи. Рафаэль по-прежнему называл Киджи «мессер», из почтительности не переходя на «ты».

— Ежели ты хочешь услышать от меня отеческий совет, открой мне свое сердце, Рафаэлло. Между тобой и ею что-то случилось?

— Если выразиться словами Данте: «Любовь порою нас до гибели доводит...»

— Почему ты пришел с этим именем ко мне?

— Отец девушки ваш протеже. И я не вправе утаить истину от того, кто распахнул передо мной двери того скромного дома.

— Что произошло? Беда?

Рафаэль стоял у окна: он видел, как на Виа деи Банки выгружают из фургона шутику.

— Дело это не столь простое, мессер Агостино. Мы впали в грех чуть ли не в тот самый день, когда Библиена говорил со мной о дочери своего брата... Вы понимаете, не так ли?

— Что общего между разговором с Библиеной и вашим грехопадением?

— Маргерита стала для меня всем — красками, светом, воздухом. Я не вправе сказать: что случилось, то случилось, мол, золотом расплачусь за первый поцелуй. Сегодня так, а завтра, мол, иначе. Маргерите я уже никогда не смогу сказать так.

Слух, передававшийся из уст в уста, оказался истинной правдой. От его святейшества сначала пытались утаить недавние события в Болонье. Но когда в Вечный город явились очевидцы происшедшего там, скрывать от старца факт, что извятие его было низвергнуто горожанами, стало уже невозможно. Все полагали, что папа предаст жителей Болоньи анафеме и на вечные времена отлучит их от церкви христовой.

Курия страшилась, что ураган папского гнева сметет и затопит всех изменников и отступников. Призовет ли Юлий к себе военачальников папских войск? Велит ли он своим вассалам седлать коней?

И вот папа прочел донесение, врученное ему офицером швейцарской гвардии. Капитан папской стражи был родом из Граубюндена, гладко выбритый. Язык Данте звучал в его устах неуклюже, жестко, гортанно. На нем была полосатая парадная форма. Читая донесение, капитан преклонил одно колено. Форму папской лейбгвардии набросал шесть лет тому назад Микеланджело специально для двора его святейшества. Кроме святого отца и швейцарца-капитана, в комнате находился только Парис де Грасси. В приемной — все уже знали о печальном известии — никому нынче в голову не приходило напрашиваться на прием к понтифику.

— Я хочу помолиться у гроба моих предшественников, — только и сказал он. Папа не удостоил офицера из Граубюндена ни единым словом и вышел в маленькую дверь, ведущую во внутренние покои. Здесь он был избавлен от докучных встреч.

— Принеси лампу, — приказал он гофмейстеру, который не знал и не ведал, в каком опасном предприятии предстоит ему участвовать.

Первая остановка была сделана у краеугольного камня, заложенного в фундамент новой базилики. Отсюда древянная лестница вела в глубину неведомой крипты. Грасси возблагодарил благосклонную судьбу за то, что он прислушивался прежде к дискуссии зодчих о гробницах первосвященников, обнаруженных полгода назад в основании здания церкви... С тех пор строители все чаще стали спускаться в темный мир крипт. Захватили с собой однажды даже священника, который расшифровал тысячелетние надписи, выбитые в камне или выцарапанные в известке.

Старик спускался в подвал по древянной лестнице. Браманте начал разбирать портик собора святого Петра, но хоры базилики продолжали стоять под старой кровлей. Пока сносили главный неф, святой отец мог еще читать мессу над гробницей. Однако строительные работы не пощадили каменных плит вокруг алтаря. Браманте должен был знать, каково состояние почвы в том месте, где предстояло заложить фундамент для новых колонн.

Храм святого Петра, согласно двенадцативековому преданию, император Константин повелел возвести над гробницей первого апостола, после того как он, кесарь Константин, одержал победу на мосту Мильвия.

Юлий думал: он первый папа, который впервые за тысячу лет спустился в подzemелье базилики. Он не испытывал страха ни тогда, когда стоял на осадной лестнице, ни теперь, спускаясь в сумрачный мир теплых первосвященников. Твердо ступал он по ступенькам, храбро ставил ноги, вглядываясь в единственную точку света внизу от лампы Париса де Грасси. Юлий увидел краешек его лица.

Свет лампы упал на бледную мозаику. Бородатый святой, окруженный нимбом, благословляюще воздымал десницу. На синем фоне золотом поблескивали большой и указательный персты, устремленные к небесам. Грасси тихо и услужливо сказал:

— Восемьсот лет, святой отец. Мы находимся в капелле Иоанна VII.

Лицо Юлия казалось мраморным. Он смотрел на проход, напоминавший узкую улочку.

— Мы у гробниц языческих родов Кай Валериус Герма, — прочел Грасси имя, выбитое на одной из каменных плит.

Улочка надгробий расширялась и вскоре превратилась в зал, похожий по объему на церковный.

Из углов струились тоненькие жилки родников.

— Это погребальный зал рода Кайтений.

На стене была видна языческая мозаика: человек с кинжалом в руке. Каков смысл этого изображения? У исполкинского саркофага стояли слева и справа по две фигуры. Надпись была на греческом языке. Неужели в этом каменном гробу лежал христианин?

Глаза Юлия привыкли к темноте: лампа вырвала из подземельного мрака узкую полосу, и как будто по мановению волшебного жезла перед его взором предстала синяя, почти до черноты, мерцающая золотом мозаика. Юлий не отступал от намерения дойти до гробницы, где нашел свой покой снятый

с креста святой Петр, распятый в цирке Нерона.

— Мы еще не дошли до него, отец, — сказал Сангалло, когда Юлий спросил, где же гробница. — Но мы непременно отыщем ее.

Они шли кругами, спускаясь все ниже и ниже под Ватиканский холм.

Грасси доложил, что алтарь Каликста остался позади. Вот наконец и гробница Григория, единственного из первосвященников, причисленного к лику святых. Они дошли до гладкой каменной плиты и оказались почти у цели.

— Это был единственный человек, не желавший становиться папой. Он умолял императора позволить ему пребывать в тиши бенедиктинской обители, когда его против воли выбрали понтификом. Он бежал, когда его стали вынуждать стать папой. Его схватили только тогда он покорился. Именно он основал церковное государство, которым мы сегодня управляем... Известно ли тебе, что Григорий сказал: «В будущем не будет рабов»? Ты видишь его надгробье, Грасси? «Консул всевышнего» — гласит эпитафия. Это я и хотел увидеть.

Со стен сочилась вода, ноги святейшества утопали в слякоти, сандалии стали клейкими и приставали к каменной старым гробницам.

Грасси хотел расстелить свой плащ, но Юлий оттолкнул гофмейстера. Папа опустился на колени прямо в грязь, и показалось вдруг, что тень поглотила его. Что будет, если господь в эту минуту и в этом месте призовет его к себе? Кто снимет с Грасси подозрение, что он специально заманил святого отца в подземелье и умертвил его здесь?

Святой Григорий до своего обращения в христианство был римским претором. Он выносил приговоры по повседневным светским делам. Когда он стал папой, он стал судить византийского кесаря, лангобардского короля и королю франков. В этот трудный для Юлия час никто лучше, чем усопший Григорий, не мог дать ему ответ на беспокоивший его вопрос.

Византийцы, лангобарды, франки — кто помнит сегодня их имена? Французский король, германский император, испанский король — спустя тысячу лет кто вспомнит о том, что они заставили город под названием Болонья восстать против папы? Есть ли смысл спрашивать у Грасси, верит ли он в черную магию? Что если Болонья низвергла его статую, дабы ускорить смерть его каемого? Не ищет ли папа, спустившись и гробницам своих предшественников, вечного пристанища для себя?

Если бы он нашел здесь гробницу Петра, он обхватил бы надгробный камень: «Не хочу умирать, не хочу! Нет черной магии! Не верю обвинениям, по которым людей отправляли на костер, как чародеев и чернокнижников. Что, собственно, произошло: взбунтовались болонцы, вот и все!»

Лицо папы смягчилось, бледность, так встревожившая Грасси, исчезла. Грасси всегда был рядом со святым отцом, видел его в любое время дня. Цвет лица, блеск глаз выдавали ему малейшее изменение в настроении понтифика. Он читал по этому лицу, как по открытой книге, в которой оставили свои следы прожитые понтификом долгие десятилетия.

Папа вернулся в свои покои в перепачканном грязью облачении и в промокших сандалиях. Грасси с трудом уговорил его сменить хотя бы обувь. Казалось, святой отец немного успокоился. Ему захотелось есть. Как обычно, он попросил сыр, яблоки, хлеб и вино.

Среди ожидающих в прихожей Грасси увидел Рафаэля. Маэстро пришел, должно быть, недавно, ибо Грасси еще видел, как он целовал руку кардиналам. Только бы Микеланджело не стал добиваться нынче аудиенции! Это было бы весьма некстати, подумал Грасси. К счастью, Буонаротти он не видел среди визитеров уже несколько недель, его никто не видел в Ватикане. Микеланджело засел в своей Сикстине и не выходил за ее порог.

— Мы принимаем Рафаэлла, — молвил Юлий, и почудилось, будто при произнесении этого имени промелькнула скудная улыбка. Грасси знал, что святой отец благосклонно относится к молодому маэстро, что он любит его так же, как маленького принца Федерико Гонзага, который жил у него как заложник и которого в Ватикане в шутку называли «внучком».

Сегодня надо организовать все так, чтобы к папе проходили только приятные ему люди, от которых к тому же нельзя ожидать упоминаний о событиях в Болонье. Меж тем в передней слышался шепот о еще худшей опасности: если французы смогли легко войти в главный город провинции Эмилия, почему бы им не наброситься на Кампанию, подобно полчищам Атиллы?

Рафаэль вошел к папе, держа папку из твердого картона, в которой хранил свои наброски. Пусть никто не сомневается в цели, с какой он явился на прием к Юлию. Ожидающие аудиенции у папы охотно пропустили его вперед. Когда Рафаэль посещает святого отца, ватиканские небеса покрываются кроткими барашками облачков: никому не грозит оттуда буря.

— Согласно желанию вашего святейства мы стараемся поскорее завершить роспись станц. На днях я начну последнюю картину в Сеньятуре. Одновременно мы готовим наброски фресок. Работа над ними продвигается не так быстро, как хотелось бы, поэтому мне особенно нужно ваше понимание, святой отец... Кроме того, я предполагаю за-

печатлеть в двух станцах облик вашего святейства.

Если бы Юлий спросил Рафаэля, что слышал он о событиях в Болонье, что ответил бы ему на это маэстро? Никто в Ватикане не был настолько тугоух, чтобы не услышать мрачные вести, витавшие вот уже два дня над городом. Неужели и Рафаэль притворяется? Почему при своем предыдущем посещении он ни словом не обмолвился о желании написать портрет папы? Когда они беседовали об избранных темах — о Элиодоре, о больсенской мессе, к которым Рафаэль намеревался подступить, он ни единым словечком не обмолвился о своем новом замысле. Почему ему вдруг захотелось дважды изобразить лицо первосвященника? Недостаточно одного бородатого, престарелого и измученного Юлия? Там, в подземелье, в мире склепов и гробниц, даже святой Петр изображен еще совсем молодым апостолом, а на мозаике с ликом спасителя Христос и вовсе юн и безбород.

Папа предложил художнику сесть, развернул его эскизы и, опершись на маленький столик, стал рассматривать

Изгнание
Элиодора.
Фреска
Станца д'Элиодоро.
1512. Ватикан. Рим.
Левая и правая
половины фрески.

рисунки. Святой отец думал о том, что до того, как он стал преемником святого Петра, живопись мало занимала его. Первостепенной задачей он полагал возведение соборов, дворцов и крепостей. Теперь же он ясно понимал, что хотя Браманте был мастером превосходным, а Сангалло — великолепнейший зодчий, но глубочайшие тайны творения способны были создать лишь два художника. Мир, изображенный в живописи, — особое благословение господне: человеческий глаз образует в этом мире из двух измерений особое, третье. Только они двое, Микеланджело и Рафаэль, знали, в чем заключается глубинный секрет красоты.

— Почему ты хочешь написать нас, сын мой?

— Изгнание Элиодора из храма Соломонова требует по композиции введения папы. Так же точно и в болсенской мессе. Уже делая первые наброски, я подумал о том, что ваше святительство могли бы там преклонить колени напротив сомневающегося божьего священнослужителя. Что касается большой стенной росписи, где будет изображено, как папа Лев перед

стенами Рима заставляет полчища Атилы обратиться в христианскую веру, здесь я решил придать ваши черты облику папы Льва.

— Почему ты именно сегодня говорил об этом?

Глаза Юлия замечали молнии, голос стал необыкновенно строг.

— Я много размышлял об этих росписях. Это бывает всегда, когда я стою перед задачей, которой достоин. Вправе ли мастер, изображающий мадонн, решиться на создание таких крупных композиций? Воля вашего святительства придает мне для этого силы. Я подумал, что пока фрески в станце будут щадить время, черты вашего святительства тоже сохранятся для потомков. Однако фрески не вечны, могут выцвести краски, отсыреть стены, появиться плесень. Но из двух или трех росписей одна непременно сохранится — мало вероятно, чтобы пострадали все.

Ни слова, ни намек о христианах, что свергли в Болонье его статую. Случайно ли Рафаэль завел разговор о том, что картины могут просуществовать очень долго. Неужели действительно фреска прочнее могучей меди?

— Все это сегодня пришло тебе в голову, сын мой?

Жилистая, истерзанная падагрой старческая рука на мгновение легла на голову Рафаэля. Юлий почувствовал себя глубоким старцем, взглянув на коленопреклоненного юного художника. Все они перед ним кажутся детьми, все эти молодые кардиналы: Джованни де Медичи, Альфонсо Петруччи... Отпрыски князей, элегантные, безбородые... Вот и Рафаэль совсем еще молод, но он единственный, кто действительно заслуживает кардинальской шляпы. Да, но ведь, став кардиналом, он не сможет больше заниматься живописью. Папа Юлий не знал ни одного князя церкви во всей долгой истории Ватикана, который выполнял бы свою должность с кистью художника в руках.

Бесшумно отворилась дверь, и в проеме показалась полная физиономия Грасси. Его глазки пытались выпытать, как протекла аудиенция. Можно ли заставить сегодня святого отца заинтересоваться чем-либо, кроме событий в Болонье?

Закрывая дверь, он увидел, что Рафаэль поднялся. Маэстро держал папку

в руках и легким шагом отступал к дверям.

— Все было как следует? — шепотом осведомился Грасси, когда они встретились в проходе.

— В ближайшие дни, когда ваша милость определит для этого время, я сделаю несколько набросков с его святейства. Я предполагаю использовать их для картин во второй станце. На одной из росписей я дам место и вам...

Вот уже много лет самым жгучим желанием Париса де Грасси было позавлечь о краткости земного существования и попасть на фреску.

Ну и Рафаэль, волшебник он или серафим небесный, обретающийся в юдоли и читающий тайные помыслы?

Покинув покои папы, Рафаэль вдруг подумал: сколько людей он уже обещал увековечить их. Мальчика Федерико он поставил в круг бородатых афинских мудрецов. Окруженный своими подручными, он за один день написал себя вместе с мастером Содомой. И когда наносил контуры эскиза на стену, процарапывая их гвоздем по сырой известке, гвоздь буквально жег ему руки...

Но главное — краски, краски! В республике живописцев знают, что тайна фресок Рафаэля состоит в волшебстве колорита. Никто никогда не создавал таких чудесных сочетаний и нюансов красок на холодной, мокрой и жесткой стене.

Грасси получит свой портрет. Получат свое изображение и Аристо, и Саннадзаро, которые пришлось ему по душе, он поместит их в кругу поэтов.

Никому он не обещал картины в дар, он только просил позировать и делал наброски. Но как быть с теми, которые любым способом, всеми правдами и неправдами, жаждут подступиться к нему! Кардинал Фарнезе, кардинал Монте... Вот и Франческо Мария делла Ровере, герцог Урбинский выразили то же желание. А сколько знатных особ еще станут приставать к нему, когда узнают, что на фресках Элиодора «Большенская месса» и, наконец, на большом портрете папы Льва будет запечатлен святой отец Юлий? Только слишком осмотрительные не выражали желания быть изображенными на одной фреске с папой Юлием, перед которым они трепетали.

Рафаэль подумал о Маргерите. Она была единственная, которую он действительно любил и которую никогда не сможет увековечить на ватиканских стенах.

Сад Киджи на полдороге между Виа Джулия и Ватиканом. Тибр здесь описывает дугу. Сад раскинулся там, где когда-то были девственные заросли, этаким нетронутый Эдем с дикоразросшимися кустами. Перуцци набросал план виллы, и Киджи обсудил этот план с Рафаэлем. Киджи имел возможность строить иначе, чем другие заказчики. Он посылал рабочим вино, велел сколотить сарай, в котором в летнее время жили мастера из отдаленных мест, прежде всего тосканцы, имевшие репутацию лучших в Италии каменщиков.

Когда Браманте вызвал Рафаэля в Рим, речь шла только о Станце делла Сеньятура. Затем пришла очередь второго зала, где разместилась фреска «Изгнание Элиодора». Его святейство надеялся дожить до завершения и

третьей станцы. Здесь предполагалось написать «Пожар Борго», и маленькое помещение с еще покамест голыми стенами по этой причине все чаще называли Станца дель Инчендио. Композиции Рафаэля отличались масштабом и символикой. Многочисленные советчики, прежде всего богословы, считали своим долгом вмешаться в замысел художника.

Святой отец охотно бы увидел свое изображение на этой фреске, так же как в «Изгнании Элиодора» и в «Большенской мессе». За папой следовали другие претенденты: кардиналы завидовали друг другу, если Рафаэль увековечивал на своих фресках одного из них. Они обещали платить золотом за свой портрет, ставили ему в упрек выбор в качестве натуры другого кардинала. Сколько обид, недоумений, уязвленного самолюбия. Почему выбор Рафаэля пал на слугу или на простого папского телохранителя, а не на графа или капитана?

Библиена захватил с собой книгу Эразма. Вместе с ним Рафаэль прочел несколько глав из «Похвального слова глупости». После нее он яснее увидел, как люди становятся жертвой тщеславия, заманивающего в свои сети даже великих мира сего. Но в конце концов Рафаэль был всего лишь живописцем — не кардинал, не полководец, не магнат. Его единственным желанием было иметь возможность работать в Ватикане по собственным планам, чтобы никто не мешал. Он достиг многого хотя бы потому, что не всякий прелат или секретарь мог запросто войти к нему и сказать: «Проходи мимо и захотелось взглянуть, над чем ты работаешь?» Кардиналам, правда, он не мог отказать. Да и товарищам по искусству, пришедшим издалека, обычно давал доступ в свою мастерскую. В подобных случаях говорилось множество пустых вежливых фраз, а работа стояла.

Рафаэлю иногда казалось, что он изнуряет себя в борьбе, в которой уже едва ли оставалось место радости творчества. Масштабы труда, бесконечная возня с подручными, забота о красках, материалах, инструментах вызывали у него такую же досаду, как неожиданные поражения, когда, например, блекла краска из-за скверно оштукатуренной плоскости. Иногда в пылу работы не удавалось какое-то лицо на фреске и приходилось на следующий день переписывать всю фигуру. Из-за коварной сырости, пропитавшей могучие стены Ватикана, много забот доставляла грунтовка в четыре слоя.

Когда особенно одолевали трудности, он начинал мечтать о более легких художественных задачах, где теологические рассуждения и тонкости могли быть заменены выразительностью мифа. Ему хотелось писать сладчайшие аттические вестерки, богинь в воздушных одеяниях, нимф, наяд, вечную юность. Прекрасную Галатею, бегущую от влюбленного Полифема, от этого грубого циклопа, в лапы из раковины, которую влекут дельфины. Здесь мог бы найти свое место и настоящий возлюбленный Галатеи — Агис, тот самый, которого циклоп Полифем, объятый ревностью, смертельно ранил обломком скалы и чья кровь превращается в вечный, никогда не иссякающий родник. Писать все это для отдыха, играючи, чтобы было множество обнаженных тел, пестрый рой морских чудищ и мифологических существ.

Ничто из этого не было реальностью, а игрой воображения и тем не менее живым отображением древнего мира. Совет богов на вершине Олимпа, а в оконном своде на боковой стене — история Психеи. Так, как ее некогда описал Апулей. Здесь доминировали бы иные краски, чем в станцах. Море, раковины, тела и волны. Метаморфозы богов должны были переданы в бесконечной и вечной игре фантазии. Он испытал бы здесь иной эффект освещения, развернул бы композицию на открытой лоджии с видом на сад и избавился бы наконец от мрачных стен станцы саженной толщиной.

Рафаэль взял с собой на виллу Себастьяно и Джулио Романо, а позже к ним присоединился и Перуцци, изъявивший желание поупражняться в росписи. Зодчий охотно брался даже за разрисовку в затененных углах зала.

Содома получил на первом этаже самостоятельное задание и приступил к работе позже. Часть декора Рафаэль поручил Джованни да Удине. Франческо Пенни с группой других мастеров приступил к росписи лишь в середине лета, когда стены достаточно просохли.

Святой отец был в отъезде, инспектируя войска в Римской Кампанье. Благодаря этому Рафаэль сумел на две недели покинуть стены станцы и начать работу на вилле Киджи. Все охотно работали для Маньифико. Агостино заплатил им вперед. Мастерскую оборудовали на втором этаже. В большом салоне Агостино стояли огромные столы и чертежные доски, установлены полки и рамы, на которых укреплялись эскизы по разработке деталей. Ритм труда вновь вдохнул жизнь в тихую виллу, в которой лишь недавно закончили работы плотники и каменщики.

Возник особый ритуал: поутру подручные являлись к дому Рафаэля и дожидались маэстро, который выходил, просил извинения за опоздание и радушно отвечал на добрые пожелания. Он кивал наверх, кому-то в окне; в этот час в дом всегда приносили свежие цветы с Кампо деи Фиори; у калитки дома стояла тележка: привезли фрукты. Утро начиналось с этих сладостных мелочей. Потом маэстро и помощники шли вдоль берега Тибра или, если было ветрено, по Виа Джулия.

Он шел вместе со своими помощниками, этот любимец Вечного города, художник, который мог стать кем угодно, даже кардиналом или герцогом. Он мог легко построить себе роскошные палаццо, ему вовсе не было необходимости жить в скромном доме и держать в нем мастерскую. Однажды подручные увидели, как вместе с Рафаэлем из дома выходит учитель фехтования папской стражи.

— Завтра мы продолжим, — сказал Рафаэль, и живописцы-помощники переглянулись: зачем маэстро упражняется в фехтовании? Может, он собирается стать рыцарем? Сопроводжать его святейство в походе? Или, может быть, заметил, что его юношеская стройность стала исчезать к тридцати годам?

Джулио, самый младший из подручных, ткнул Себастьяно локтем. С Содомой они неохотно шутили. Бывший монах по утрам бывал грубоват и сварлив. С Рафаэлем же всегда казалось, что ночь позади и наступает утро. Одинокая девушка, стоявшая у окна, глядела ему вслед, пока он не исчезал за поворотом дороги. Целый день она будет ждать его. Порой он говорил ей: «Сегодня я

могу вернуться очень поздно», порой сообщал, кому должен сегодня нанести визит, от которого не мог уклониться. Он всегда наносил визиты один, никогда не брал ее с собой. Интимная сфера дома оставалась скрытой от любопытных глаз. Как выглядел очаг Рафаэля? Что за картины пишет здесь? Сколько людей пыталось, — среди них даже соседи по Виа Джулиа, — подкупить его слуг, чтобы те вынесли для них из его мастерской какой-нибудь рисунок или эскиз? Над чем работал Рафаэль, когда говорил, что нынче придет в Ватикан только в полдень, или когда ранее обычного времени откладывал кисть и просил подать плащ? Почему он так рано возвращался на Виа Джулиа? На что рассчитывала Маргерита, чего она добивалась от Рафаэля?

Рим — столица острых языков. В курии все чаще спрашивали: «Ну а как с племянницей Библиены? Правда ли, что отец Форнарины умолял Рафаэля отпустить под отцовский кров свою опозоренную дочь? Правда ли, что маэстро купил для отца Форнарины дом больше прежнего, в котором тот может устроить пекарню просторней, чем на улице святой Доротеи? А что если он тайно обвенчался с этой девицей и знает об этом один только святой отец? Правда ли, что Киджи обещал выплатить этой девочке пять тысяч дукатов, в случае если Рафаэль навсегда оставит ее?»

Рафаэль являлся в Ватикан вместе со своими подручными. После завтрака он порой посещал вновь возведенный палаццо или только что построенную виллу; его короткое посещение во время освящения дома считалось добрым знаком для хозяев. Когда он шел вдоль Кампо деи Фиори, все тарасились на него — не было цветочника или торговца фруктами, который не знал бы Рафаэля. Иногда его просили быть крестным отцом, что привело к тому, что в окрестных узеньких переулках число маленьких Рафаэлло заметно увеличилось. Все знали, что он больше всего любит беседовать со своими учеными друзьями. Это случалось, как правило, в воскресенье, после полудня, когда и у Киджи было свободное время, и художники со своими подручными отдыхали.

Что свершалось в уединении Виа Джулиа? Что свершалось в ночные часы? Никогда ни одна весть об этом не доходила до ушей толпы. Может быть, Маргерита рассказывала о том, что она была на Корсо, что забрела, прогуливаясь, в какую-то даль, увидела неизвестную церквушку? Читала ли она? Ведь все больше и больше книг нагромождалось на полках у Рафаэля. По сиенской традиции, девушкам полагалось любить чтение. Имела ли Форнарина, по крайней мере, элементарные понятия о живописи? Что она понимала в красках, в композиции? Как объясняла она омрачившееся чело Рафаэля, глубокие тени вокруг его глаз, когда он приходил усталым, когда неожиданные препятствия возникали перед ним, когда нетерпеливый папа требовал от него завершения работы во все более и более краткие сроки?

В своем кругу живописцы спрашивали: что может понимать Форнарина во всем этом?

Джулио Романо был первым, кому служанка Маргериты доверительно шепнула:

— Рафаэль работает дома не над наброском, не над проектами для Ватикана.

Он пишет кистью. Он запирается с Маргеритой в комнате, которая служит мастерской. Когда уходит, он зашепчет картину старательно и даже запирает за собой двери на ключ. Туда никому не разрешено входить, только уборщице.

Перед внутренним взором Рафаэля возник образ, изменчивость которого раскрывалась ему очень медленно и никогда не раскрывалась до конца. Порой ее лицо менялось при одном-единственном содрогании в уголке рта, глаза широко раскрывались, лицо принимало иное выражение. Как часто он наблюдал ее, склоняясь над ней на рассвете, когда она еще спала. Длинный прямой нос, нежный подбородок и узкий рот — это были черты, которые как бы отчеканивались в его памяти.

Когда она просыпалась, глаза ее обращались к нему. Они испытующе улыбались, как будто бы где-то в неизмеримой отдаленности витала некая тайна, с которой только она могла снять покрывало. Вот уже несколько месяцев он наблюдал подавляемую ею тревогу, пытаясь понять, что же в ней происходит. Что постигал Рафаэль в ее внутреннем мире? Он рассказал ей вечером о том, какую находку сделал один каменщик в своем саду у подножия Авертинского холма: античная бронзовая Минерва улыбнулась ему, оказавшись на его ладони.

Следила ли девушка за тем, как он ищет для себя натуру? Не хотела ли она сама полость на ту или иную фреску? Радовало ли ее, что таким образом ей будет воздвигнут вечный памятник и что она сможет обмануть законы бренности? Что понимала она в сути всех этих вещей? Чем были заняты ее помыслы, когда она оставалась одна? Не ощущала ли охоты взять в руки мел и самой провести линии, начертить чье-либо лицо или орнамент? Что делала она, чтобы сократить долгие часы ожидания Рафаэля? Действительно ли тосковала по нему? Почему никогда не спрашивала: «А ты не мог прийти пораньше?» Разве для художника, чей глаз четко отличает юнцы, нужны вообще слова?

Он мысленно проделал долгий путь, прежде чем сказал ей в один прекрасный день:

— Сегодня ты не наденешь платья!

Он покопался в платках и вуалях, отыскал среди них самое легкое, прозрачное. Руки девушки превратились как бы в драгоценное украшение, когда она большим пальцем придерживала вуаль, а указательный лег на грудь. Красота тела была единственным украшением этой натуры.

Любил ли он так сильно, что мог вызвать в своем воображении ту бесконечность во зоре Маргериты, которую называл колдовством?.. Ему удалось схватить это выражение ее лица в первом же... или десятом по счету наброске? Самым нежным было ее лицо, — он наблюдал его в полутьме, перед утренним пробуждением. Лицо, еще не обремененное дневными заботами, угасанием желаний, еще не замутненное высказанными словами.

Он взглянул в окно, почти высунувшись в сад. В городе, поздно просыпавшемся, едва пробивалась жизнь. Старухи и старухи, все в черном, на шатких ногах брели в расположенную поблизости церковь, повозки крестьян из деревень везли фрукты. Кругом лежала тишина, внешний мир еще не овладел ли-

цом Маргериты. Он избрал это лицо и это тело в тот миг, когда оно приняло свое самое прекрасное выражение.

Можно ли было назвать работой то, что он пересоздавал, отталкиваясь от модели по собственному представлению? Он раздвинул занавески, комната наполнилась светом. На ее лице заиграли тени, она повернулась, вокруг глаз посветлело, она стала спокойней, пугливое выражение ускользнуло из очей — и все вокруг стало пластичнее. Теперь никакие слова не вправе были нарушить утонченную гармонию.

Когда маэстро и его натурщица после долгих часов устали, они садились за фрукты на блюде, часто это было их обедом. Дверь дома была заперта, в комнату никто не имел права войти. Портрет требовал много времени. Маргерита никогда не задавала вопросов. Первый мастер Рима стоял перед холстом, смешивая краски, пробовал, продавая к цели шажками и ощупью, совсем не так, как писал других своих мадонн. Была ли Маргерита счастлива, что своим тайным самопожертвованием сумела ускользнуть от непреложных законов времени? Годы юности проходят так быстро, заботы разрисовывают тени вокруг глаз, придет время, и она больше не захочет показывать свою неприкрытую грудь. Но под его кистью возникла другая Маргерита, мимо которой Время пройдет бесследно.

Когда она сидела перед ним, иногда чуть дрожа, ибо в комнате было не слишком жарко, она думала: «Можно ли живописать мысли? Что наблюдает он нынче во мне? Как возникает из путаных разговоров художников, которые говорят друг с другом на своем языке о композиции, плоскости и перспективе, как из этих разговоров возникает картина?»

Рафаэль преображался на сеансах с Маргеритой и казался совсем другим человеком, садясь после повседневных дел угрюмый за ужин. Бледная кожа его лица чуть румянилась, когда он обнимал ее в комнате, озаренной лишь пылающими поленьями в камине или колеблющимся светом под образом мадонны. В эти минуты он был исполнен нетерпения, он был повелителем всего сущего и всего, что можно было запечатлеть на полотне.

В эти минуты и часы он был не смертным человеком, а творцом, создателем, который из толченной, смешанной с маслом краски творил жизнь на своем холсте. На полотне перед ним еще не возникало откровение формы, был положен только основной тон, на столе лежали лишь развернутые эскизы. Он смеялся кистью, наносил первые мазки.

Теперь он весь — и душой и телом — становился мастером. Он подумал о магии. Не овладевает ли он ее таинством, когда вот так одержим творчеством, не творит ли он магию, которая не в силах освободиться от его чар волшебника? Что будет с Маргеритой, когда Рафаэль однажды скажет ей: «Итак, наше прекрасное странствие окончено?»

Нет, до конца еще далеко! Мягкая ткань окутывала нагое тело Маргериты до бедер. Ее лицо еще не было во власти Рафаэля: он не мог приказывать ему, как должны смешиваться воспоминания и страхи, когда вокруг глаз должна заиграть легкая улыбка, когда глаза ее должны затянута мимолетной тучкой, когда она должна бросить любопытный

взгляд? Он просто выбирал из тысячи нюансов наилучший, ибо писал не нимфу по памяти. Он должен был передать именно ее, цвет ее кожи, ее волосы и под вуалью — ее тело, единственное и неповторимое.

Только в полдень девушке было дозволено подняться со стула. Прошли долгие часы. Это была бесконечно длинная, чудесная прогулка. Впервые он написал ее так самозабвенно, как если бы время застыло.

Явился Джулио. В станце подготовлена очередная плоскость. Маэстро должен взглянуть, можно ли начинать роспись. Это были всегда волнующие и таинственные мгновения, когда работа художника соединялась воедино с трудом каменщика. Ремесленники лучше понимали материал, они брали на себя и большую часть штукатурных работ.

Еще мокрая от последнего слоя стена — аль фреско — ждала прихода художника. С эскизов часть композиции процарапывалась на плоскости, именно та, которая должна быть написана в этот день. Некоторые живописцы стирали в нацарапанный на стене контур угольную пыль, чтобы лучше видеть свой эскиз на стене. Рафаэлю же было достаточно абриса, нацарапанного острой иглой. Объединение ремесла и искусства, везучести и дарования дает эффект удачи.

Когда Джулио Романо попытался войти в комнату Рафаэля, служившую ему мастерской, его туда не пустили. Стоя на пороге, молодой художник почувствовал, что из-под двери тянет пронзительным запахом краски. «Он пишет маслом», — сообщит он другим живописцам, когда вернется ни с чем на виллу Киджи. Пишет вот уже несколько дней — без подручных, почти наперекор им, вдали от них — пишет на холсте. Они чувствовали, что он давно готовился к этому таинственному портрету, который, может быть, никто из них и не увидит, готовился задолго. Конечно же, в центре этой неповседневной картины должна быть Маргерита Форнарина. Чтобы написать ее, ему не нужна ничья помощь. Как не нуждается в подручных стихотворец, когда шлифует свой сонет, так Рафаэлю на этот раз не был нужен никто, кроме него самого.

Когда Юлий покинул юдоль земную, фреска «Изгнание Элиодора» еще не была закончена. Она должна была представить встречу папы Льва I с Атиллой перед стенами Вечного города. Образ понтифика, отравившего ужасную угрозу, нависшую над Римом, существовал только в набросках. Кардинал Медичи, избранный на конклаве папой, стал называться Львом X, а посему сразу же ожила память о всех девяти прежних понтификах по имени Лев. Отныне всякое упоминание какого-нибудь папы по имени Лев связывалось с ныне владычествующим понтификом.

Так и произошло, что папа на фреске, изображающей встречу с Атиллой, был представлен не с лицом Юлия II, а с лицом Льва X. На кроткой сивой лошади едет он, благословляя, в непоколебимом спокойствии навстречу королю варваров, в страхе отпрянувшему от сего явления свыше. Парис де Грасси держит апостольский крест и смотрит на папу Льва столь же благоговейно, как на заготовленных ранее эскизах взирал он на папу Юлия.

Все отныне связывалось со звездой папы Льва. Для третьей станцы советники избрали две темы, также посвященные памяти одного из пап по имени Лев. Согласно преданию, папа Лев IV сотворил чудо — сумел одним крестным знамением укротить ужасающий пожар, возникший во время грозы в римском квартале Борго, неподалеку от храма святого Петра.

Мужчины бежали в отчаянной панике, тушить пламя пожара остались одни женщины. Все фигуры на фреске выглядели до предела реально, живые впечатления о частых испепеляющих римских пожарах сказались на рабочих эскизах. Необычайные световые эффекты озаряли динамичные людские группы. На лицах отражался ужас, и все-таки во всех фигурах присутствовало то равновесие, тот ритм, который присущ любой рафаэлевской композиции.

Маэстро — ученики знали это — с удовольствием работали над эскизами. Никто не был бы вправе бросить ему упрек, что он в передаче обнаженных тел отстает от Леонардо или Микеланджело.

Фигура папы Льва, который, снизойдя к мольбе толпы, устремившейся к Ватикану, творит чудо, была на эскизе к фреске, согласно законам перспективы, очень небольшой. Однако Лев был изображен с портретным сходством. Он воздымал благословляющую десницу, и это придавало всей сцене именно тот смысл, который и содержался в благочестивом предании.

В этой станце плафон расписывал Перуджино. Быть может, Юлий велел

бы соскоблить его фрески, если до окончательной росписи зала дошло бы дело в его правление. Но ученик, превзошедший своего учителя, оставил в неприкосновенности росписи Перуджино, отнесся к ним с таким же уважением, как и ко всем четырем люнетам. Старик Пьетро было уже под семьдесят. Юлий и Ватикан были для него горестным воспоминанием. Почему бы и не оставить в целостности росписи плафона? Тогда ведь, во всяком случае, не придется писать на ее месте нечто новое.

Для правой стены в Станце дель Инчендио еще не была избрана тема. Святой отец, так говорили в курии, все еще ждет «чего-то этакого». Что могло быть приятнее для Рафаэля, чем это обстоятельство: темы покамест нет — значит, никто его не торопит, никто на него не насаждает, как случалось в последние годы понтификата Юлия II. Бесчисленные мадонны на заказ, портреты, обещания, усыпальница Киджи, и в первую очередь росписи стен на его вилле, ждали Рафаэля, заполняли все его свободное время и умоляли о прикосновении чудодейственной кисти.

Ежедневно он проводил долгие часы в Сан-Пьетро, споря с зодчими, гордящимися творением рук своих. Престарелый брат Джокондо все еще наведывался в крытых носилках к месту возведения храма и порой, пробуждаясь от старческой дремоты, в минуты прояснения пытался войти в детали стройки, но силы его были на исходе. Рафаэль создавал, что вскоре должен наступить день, когда он совсем лишится помощи знаменитого зодчего.

Беженцы.
Фрагмент фрески
«Пожар в Борго».

Пожар в Борго
1514. Фреска.
Станца дель
Инчендио.
Ватикан. Рим.

Помимо того, на Рафаэля со всех сторон градом сыпались упреки за разрушение и упадок каких-нибудь памятников древнего зодчества. Ведь Рафаэль был теперь управляющим древностями в Риме. Ни одна мраморная плита, ни одна древняя арка не могли быть замурованы без его ведома и согласия, никто не имел права торговать статуями, выкопанными в римских садах и виноградниках.

С раннего утра в непрестанном напряжении, среди учеников, подручных и живописцев, осаждаемый заказчиками и побуждаемый необходимостью брать все новые и новые заказы, Рафаэль находил теперь смысл жизни. Одолевать завистников, бороться с нехваткой денег при проведении в жизнь крупных предприятий — вот что теперь постоянно волновало его.

Как часто ему приходилось платить своим помощникам из собственного кармана... Как часто случалось, что работа могла застопориться, если бы он самолично не обращался к казначеям, добываясь денег, денег и еще раз денег. То останавливались работы по возведению собора святого Петра, то мастера на вилле Киджи настоятельно требовали его присутствия.

Работа многих десятков и сотен людей, их заработки и вознаграждение за труды зависели теперь от того, чтобы Рафаэль сделал роспись собственноручно... ну, хотя бы на крайний случай главные фигуры композиции.

Стол Рафаэля ломился от зарисовок обнаженной натуры к «Пожару в Борго»; сплошь сильные, мускулистые муж-

чины. В одной папке обнаружили эскизы изумительно живой фигуры. Плечи, шея, грудь Маргериты. Парфенон с птичьего полета; потом — тот же Парфенон, но в крупном масштабе; капитель; колонны; фонтан; девушка, несущая кувшин. И эпиграмма Библиены: крохотная, на латыни и очень злорадная: о замешкавшихся молодоженах.

Рафаэль почувствовал тяжкое бремя славы. Во времена Юлия он мог бы попросту сказать своему другу Библиене.

— Намерения святого отца еще не вполне прояснились, следует подождать его решения...

Да, папа Юлий как неограниченный властелин самолично решал судьбы людей. Очень могло случиться, что в один прекрасный день он сказал бы Рафаэлю:

— Готовься принять священническое звание...

Это означало бы приход, сан протоиерея, может быть, аббата и — в отдаленном будущем — кардинальскую шляпу. Но сегодня Библиена был вторым папой; он больше всех знал о том, что в ближайшее время сделает Лев X. Ни Юлий, ни Лев не обещали Рафаэлю кардинальского звания. Были разве что туманные намеки, разговорчики льстивых придворных, толкования каких-то слов, которые в сих высоких устах означали, быть может, указание на возможность подобной чести. Вспоминали при этом, что один из испанских кардиналов весьма раздраженно запротестовал:

— Никогда я не стану сидеть рядом

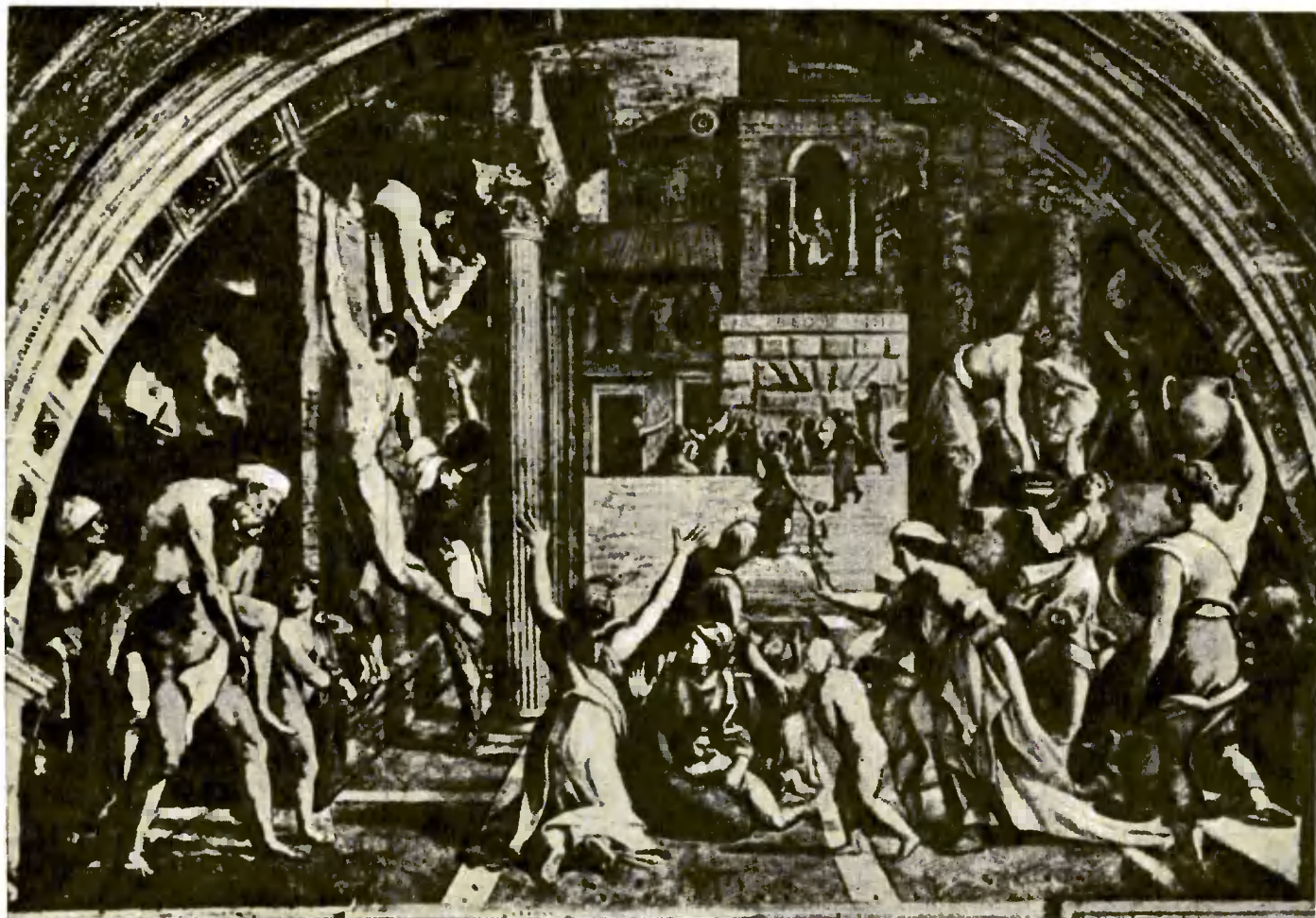
с ремесленником на скамьях святой коллегии!

На столе Рафаэля среди бумаг находился листок из записной книжки Леонардо со строками, известными всем римским художникам:

«Вы хотите любой ценой поставить живопись в разряд механических искусств. По моему мнению, искусство наше ни в коей мере не заслужило столь скверной репутации, если бы сами живописцы — в писаниях своих — не бросались бы так легкомысленно этими понятиями. Если вы называете сие искусство механическим по той причине, что рука по правилам ремесла формирует то, что творит воображение, то ведь и мастера поэтического искусства записывают своими перьями помыслы духа и ума.»

Утверждают также, что живопись потому-де является ремеслом, что за нее платят, что мы получаем за занятия ею деньги... Но разве сочинители, открывающие уста, дабы провозгласить откровения разума, не идут туда, где за их труды вознаграждают наиболее щедрым образом? И вообще, разве кто делает какую бы то ни было работу безо всякого за нее вознаграждения...»

Несколько раз они встречались, Леонардо и Рафаэль, однажды у них был разговор в Ватикане. Леонардо посетил Рим в тревожное время. Многие говорили тогда, что Леонардо покинет Рим, ничего не добившись. Говорили также, что он получил от молодого французского короля приглашение перебраться во Францию. Быть может, Леонардо посмотрел станцы, когда не было нико-

го, кроме сторожа. Никто его не видел там, да и он ни словом не обмолвился об этом. Он был холоден, осыпан почестями, королевскими почестями. Он был скорее лишен возраста, чем стар. Казалось, он знал заранее, давным-давно знал все, что Рафаэль с кажущейся легкостью, но на самом-то деле мучась, сомневаясь, пробуя и вновь исправляя, вынужден был постигать в поте лица своего.

Не подумывает ли и в самом деле папа Лев X дать кардинальскую шляпу тому, кто никогда не выставял плоды своего искусства на продажу, как поступают обычные ремесленники? Тому, кто не строчил ластивые письма к сильным мира сего, кто не кланялся и не сетовал на трудности, не ущемлял других ради собственной выгоды? Никто не мог бы показать и клочка бумаги, на котором Рафаэль поступался бы достоинством художника. Все называли его маэстро или мессер, чуть ли не с двадцати лет от роду. Аталанта Бальони первая посадила его с собою за один стол. Во дворце герцогов Урбинских он учился, как следует держаться перед могущественными государями — скромно и с полным сознанием собственного достоинства.

Сан кардинала — высшее, к чему мог стремиться христианин. Его дядюшка в Урбино вот уже несколько лет настаивал, чтобы он поскорее женился, предлагал ему обратить внимание на дочку из того или иного знатного семейства, описывал даже, какие именно подарки следует преподнести при обручении, а также сколько дают приданого и все такое прочее. Письмо к дядюшке было отослано. Хорошо, что он может сослаться на племянницу Библияни.

Благородная девица, чей дядя не только кардинал, но, можно сказать, второе «я» папы Льва, будет и во дворце герцогов Урбинских встречена с уважением. Кто знает, а вдруг Бернардо Библияни, кардинал Санта Мариа ин Портико, на следующем конклаве будет наместником святого Петра?

Мария Библияни мила, бледнолика. Если бы у него было время помечтать, он представил бы себе долгие мирные будни бок-о-бок с этой сельской дворянкой. Мария, конечно, была бы верной женой, внимательной и преданной, вплоть до самопожертвования. Кроткое существо, вот только пыла в ней мало-мало. В Риме она избавилась от диалекта родных мест и вполне вошла в общество ревнующих друг к другу кардинальских племянниц. Каждая из этих дам мечтала о могущественном вельможе или князе, но ни одна из них не могла похвастаться тем, что она невеста Рафаэля.

Бернардо Библияни обратил его внимание на то, что истинный придворный должен уметь владеть оружием. Кто мог знать, что может понадобиться в жизни: кинжал и шпага вещи весьма полезные, даже порою необходимые в руках того, кто обычно действует инструментами иного рода. Вот уже несколько месяцев Рафаэль учился фехтовать. Учитель фехтования всякий раз после занятий пересказывал ему римские сплетни. Рафаэль это развлекало. Работая на вилле Киджи, он отпустил бородку. Однажды, во время урока фехтования он мельком взглянул в зеркало. Разве не оригинальная пара живописец и учитель фехтования?

— Оставляйте так, Марчелло, не трогайтесь!

Он бысто достал бумагу и мел. Возник моментальный набросок, автопортрет с бородкой. Фехтмейстер сказал как-то, что в Риме много болтают о Форнарине. Почему Рафаэль пренебрегает другими девушками? Говорили даже, что красotka с Виа Джулиа его попросту околдовала и крадет у него мужскую силу. Ведь даже кардиналы, из тех, кто помоложе, обильно вкушали от плодов запретных? А Рафаэлю, когда он шел по мосту через Тибр, даже в голову не приходило удостоить взглядом девиц, смотрящих ему вслед!

Что если Бернардо Библияни умышленно нанял этого разговорчивого фехтовальщика? Может быть, фехтовальщик Марчелло только тем и занят, что вынюхивает в доме маэстро мельчайшие подробности его интимной жизни? Маргерита, во всяком случае, была вовлечена в водоворот слухов и сделалась предметом насмешливых мадригалов. Мария Библияни достигла брачного возраста. Самое время было решать ее будущую судьбу. Правда, она в любое время сможет отправиться в монастырь, тем более что ее дядюшка — кардинал может подыскать ей самую роскошную обитель, специально для знатных девиц. Но почему Бернардо так настаивал на их брачном союзе? Почему он хотел, чтобы Рафаэль стал членом его семьи? Библияни сразу, что называется, одним махом, добился всего: кардинальской шляпы, влияния и денег. Изменился ли теперь бывший секретарь его высокопреосвященства кардинала Джованни де Медичи, добытчик денег, который был для Джованни Медичи всем в одном лице: и переводчиком, и письмоводителем, и составителем документов и грамот, с тех пор как сам стал кардиналом, кардиналом Санта Мариа ин Портико? Стал ли он лучше или хуже как человек с тех пор, как осуществилось все, о чем он мечтал в своей молодости?

«Завтра, — решил Рафаэль, — завтра я все это еще раз обдумаю как следует».

Он взял длинную рапиру в правую руку, а левой — прикрыл сердце. Тридцатилетний маэстро фехтовал подобно истинному придворному.

Когда Рафаэль поселился в собственном доме, он уже не был серафическим маэстро прежних времен, да и Маргерита — не очаровательная булочница. Двое жили одиноко, немногословные, общаясь в недолгие часы. Вечером Рафаэль приходил усталый, Маргерита видела вокруг его глаз серые, безрадостные тени. С испугом она открыла однажды для себя, как изменился он с того прекрасного утра, когда они впервые проснулись одни в этом доме.

Теперь он попал в жернова времени и разрывался между замыслами и сроками. Его карманы были полны умоляющих писем о помощи, люди подкарауливали его на улице и просили оказать содействие в разных делах, даже в судебных тяжбах. Просили денег, помощи в получении места, просили замолвить словечко у святого отца, просили кредита у Киджи — обо всем этом шла речь в прошениях, которыми его буквально засыпали. Мрачный Пьомбо сказал однажды:

— Это все потому, что ты каждому улыбаешься, ты допускаешь, что каждый может заговорить с тобой!

«Он никому не может ни в чем отказать», — таково было мнение о Рафаэле в коридорах курии. Рафаэль не годился в министры, нет, из него никогда не вышел бы министр — он не умел отказать людям. Порой даже его собственный дом бывал битком набит назойливыми просителями, жаждавшими получить какое-либо теплое местечко. Чужестранные послы тоже осаждали его, требуя скорейшего завершения картин, которые были заказаны их государями.

Когда наступал вечер, лицо Рафаэля тускло. Маргерита не могла не видеть, что он, несмотря на все ее уговоры, еле прикасался к еде и после нескольких глотков отставлял в сторону кубок. Между тем повар старался приготовить его любимые кушанья, а Форнарина, как волшебница, украшала стол чудесами отцовской пекарни. Переступив порог своего дома, Рафаэль превращался мгновенно из улыбчивого ангела в угрюмого меланхолика. Он почти не разговаривал дома, молча брал в руки книгу, мучился над латинскими текстами: делал какие-то заметки, штудирова Витрувия, или писал перевод латинских фраз своими красивыми, будто нарисованными буквами. Он часто брал книги на дом. Когда приходили из-за границы какая-нибудь гравюра или рисунок, он мог сосредоточенно часами рассматривать их. В последнее время он все чаще читал деяния апостолов. Изредка он ронял несколько слов, из которых Маргерита догадывалась, что святой отец страшно торопит его с завершением эскизов для настенных ковров на темы деяний апостолов, как некогда папа Юлий торопил его с фресками для станца.

Имели ли предел желания папы Льва? Сколько мог написать один человек? Когда сможет Рафаэль завершить свои работы? Кто наберется духа напомнить святому отцу, что у человека есть границы возможного, что не под силу сваливать на одни плечи все на свете задачи? Что же оставалось Маргерите? Ночь с усталым и загнанным заботами человеком, который на пороге тревожных сновидений лежал, обхватив голову руками, неотвязно думал о том, что ему предстоит делать завтра.

Свет ночника озарял лицо лишь настолько, что Маргерита скорее догадывалась о выражении лица, чем видела. Он лежал неподвижно, с открытыми глазами. Когда их взгляды встречались, он не улыбался, как прежде, и рука не тянулась привлечь ее к себе. Проходили часы, и лишь под самое утро он погружался в сон.

Библияни спросил однажды, зачем он держит при себе Форнарина. Из осторожности формулируемых фраз звучал все тот же вопрос. В словах Кастильоне тоже проскальзывало что-то вроде еле слышного упрека о вызывающей поздне раскаяние тайной юношеской любви. Они все трое — кардинал, граф и племянник королевы Кипра не могли этого понять.

Как он мог объяснить им, этим троим, которые стали его близкими друзьями, как мог он объяснить им, почему живет под одной кровлей именно с Форнариной? Он мог бы иметь возлюбленных

более знатных, его любовницей могла бы стать патрицианка, ежели бы он этого пожелал.

Ночью, лежа в постели и не смежая век, он мысленно отвечал на озабоченные вопросы своих знатных друзей. Маргерита приносила ему что-то, что его успокаивало и освежало. Но кто мог сказать, что это такое? У нее было много лиц. А ее тело? Обнаженное или под вуалью, в образе Венеры или Психеи, как куртизанка или как римская дама — оно было всегда новым, неизнаваемым, и каждую ночь он видел его другим, иногда даже не касаясь его, лишь одним оком. Он не уставал от ее присутствия и с ней никогда не скучал.

Что знала Маргерита о Марии Бибиене? И если знала, почему никогда не задавала вопросов? Самое большее, что она себе позволяла — намекнуть как бы для примера — о возможных поворотах жизни мужчин. Не хотела ли она этим упредить неизбежное?

— Нам когда-нибудь придется расстаться, — говорила она тогда, как бы невзначай.

Или, улыбаясь:

— Тебе самое время основать семью...

Она говорила это даже не с горечью, напоминая при этом человека, стоящего у ограды запретного сада, куда не вправе войти.

Так жили эти два человека, коротая быстротекущие ночные часы. Впрочем, ночью действительность блекнет. Знала ли Форнарина о том, что творится вокруг Рафаэля? Она жила как бы оторванная от всего мира. Только изредка выходила из дома, прогуливаясь по Виа Джулия. Обычно же сидела взаперти, вслушиваясь в тишину. Медленно проходили дневные часы, медленно наступал вечер. Она мучительно ждала прихода человека, который был странным и редким гостем в собственном доме. Рафаэль выходил порой на задний балкон, вглядываясь в маленький сад. Теперь он редко занимался дома живописью, чаще углублялся в книги. Как-то, придя домой, сказал внезапно:

— Завтра я должен сопровождать Изабеллу на виллу!

Форнарина знала: надо приготовить придворный костюм, подходящий берет, золотую цепь, сафьяновые туфли, кинжал. И опять нескончаемо долгий день, после которого Рафаэль, окутанный золотым царедворческим туманом, снизойдет к Маргерите ночью.

— Я видел ваше сиятельство, когда был еще ребенком, в Урбино. Вы пришли тогда в нашу мастерскую, рассмотрели триптих, который писал мой отец. Вы положили мне руку на голову... С тех пор я преданно служу вам, мадонна Изабелла...

Рафаэль подумал о том, что за прошедшие двадцать пять лет Изабелла если и состарилась телом, то несколько не постарела душой и умом. У нее было и сейчас удивительно молодое лицо, молодая улыбка, молодые глаза. Кто из художников писал ее? Леонардо, молодой Тициан?

Четверть века. Когда Изабелла впервые увидела Рафаэля еще ребенком и погладила по голове, она была уже матерью. Но и теперь правительница Мантуи реагировала на все радости Рима с живостью. И тот, кто когда-то был про-

стым подмастерьем, теперь показывал ей достопримечательности города, еще не совсем разрушенные тысячелетиями. Юлий II запретил горожанам пасти коз на Форуме. Вокруг ходила стража, чтобы не выламывали мрамор из стен. Рафаэль показал Изабелле и Пантеон. Каждый властитель, жадный до мрамора, грабил и выламывал из его стен все, что мог. Сменялись императоры и короли, здание утратило многое из своего первоначального вида, но и теперь все еще видна была его каменная краса.

Был теплый октябрьский день, но когда они вошли в здание, повеяло прохладой.

— Скажите, мессер Рафаэлло, что, собственно, означает слово Пантеон? Собрание всех языческих богов?

— Наш друг Бембо объяснял это иначе, мадонна Изабелла. По его мнению, Агриппа посвятил эту ротонду семи известным созвездиям.

— Какая тишина... Полтора тысячелетия...

Солнечные лучи широкими полосами падали на темную исповедальню из мореного дуба.

— Я хотел бы быть погребенным здесь...

— Почему именно здесь, мессер? Я не вижу здесь ни одной гробницы.

— Именно поэтому. Одна-единственная каменная плита. *Nic jacet* *... Что может быть прекраснее для римского живописца, мадонна?

— Почему вы говорите о смерти, мессер? Я ведь гораздо старше вас.

— Когда мы достигаем возраста господ нашего, тридцати трех лет, самое время подумать об этом. Знакома святого отца с римскими древностями, я просил его, чтобы мне была оказана такая милость успокоиться здесь навеки, когда настанет срок. А сегодня я благодарен ему за то, что я тот счастливчик, которому поручено провести вас, мадонна, по Пантеону.

— Вы и ребенком были очень милы... Я помню вас в прелестном Урбино... Но вам предстоит еще так много сделать, мессер, вы должны украсить нашу бедную Италию. Когда вы приедете в Мантую?..

Они вышли из храма и стояли под могучими колоннами портика. После полумрака храма сияние внешнего мира ослепило их. Экипаж ожидал за углом в переулке. На маленькой площади перед церковью стояли маленькие тратории на несколько столиков. Изабелла села за один, улыбнулась и стала мелкими глотками пить фраскати. Как это прекрасно впервые в жизни приехать в Рим, сидеть напротив Пантеона — и беседовать с Рафаэлем!

Дом Рафаэля стал ему слишком тесен, и прежде всего он был не приспособлен для того, чтобы маэстро мог работать над картинами большого формата. Он давно уже рассчитался с Киджи — деньгами и картинами — за его кредит на покупку дома на Виа Джулия, теперь доходы увеличились, он в денежных делах далеко превзошел других живописцев, которым вечно приходилось бороться с нуждой. Рафаэль предоставил банкам распоряжаться своими сбережениями и мог с милотой улыбкой позволить папскому казначейству отсрочить выплату ему жалованья, когда тот, сославшись на трудные времена,

заговорил о необходимости недолгой отсрочки платежей.

Рафаэль принадлежал теперь на свой лад к сильным мира сего и обязан был держать крепко в уме свои доходы и расходы. Его окружали помощники и ученики, мастера на строительстве собора святого Петра и целая армия вооруженных лопатами и заступами рабочих на раскопках античных древностей.

Решающим соображением в пользу приобретения нового дома был полученный им новый заказ от кардинала Джулио Медичи. В знак благодарности за синектуру в виде Нарбоннского прихода, отведенного ему, Джулио решил принести в дар тамошнему собору картину. Ему полюбился прелестный французский край, теплая осень, нежаркое лето Франции. Он охотно бывал в Нарбонне, так почему бы ему не приобрести популярность у французской паствы, подарив местному собору творение Рафаэля?

Кардиналу представлялся большой апрестольный образ. Джулио и Рафаэль беседовали в палатце Медичи как два знатока искусства. Кардинал предоставил мастеру полную свободу в выборе темы, расспросил, однако, о сюжете.

Для Рафаэля не было тайной, что осмотнительный кардинал на сей раз погнался за двумя зайцами. Все в Ватикане знали постоянную готовность художника принять заказ, его очевидное неумение говорить «нет». Но всем столь же прекрасно было известно, что он перегружен заказами и что святой отец капризно переменчив даже в благоволении своем и крайне нетерпелив. С одним только храмом святого Петра у Рафаэля были тысячи забот: каждому римлянину хотелось дожидаться до освящения нового Сан-Пьетро.

Поскольку он не мог с уверенностью рассчитывать на Рафаэля, кардинал Джулио попросил также и Себастьяно дель Пьомбо написать картину для нарбоннского алтаря. Себастьяно все более удалялся от Рафаэля, поддаваясь власти микеланджеловских чар. Он был мастером, которого принимали всерьез, хотя он и не шел ни в какое сравнение с Рафаэлем. Словом, кардинал счел, что на худой конец он получит сразу два апрестольных образа. Французский приход уж как-нибудь возместит ему все издержки.

Рафаэль сказал, что подумывает об одном сюжете из Евангелия от Матфея. В миг просветления Христос приводит к апостолам мальчика, который одержим злыми духами. Родичи явились, чтобы спасителя избавил дитя от недуга. Небесной сфере противопоставлен земной мир с людьми, собравшимися у подножия горы. Контрасты, свет, масштабы, гармония. Кардиналу тема пришлась по душе, в особенности когда Рафаэль в нескольких фразах ярко обрисовал внутреннюю напряженность композиции.

Даже если бы Джулио сразу дал Рафаэлю денег, написание картины еще не было бы обеспечено. Всем был известен случай с герцогом Феррарским: почти десять лет назад, еще во времена Юлия, он заказал Рафаэлю образ мадонны. Солидный задаток отнюдь не подстегнул маэстро выполнить заказ. Ежели Джулио не заключит с Рафаэлем договора по всем правилам, то все обе-

* Здесь поконится (лат.).

щения останутся лишь прекрасными словами.

Кардинал предусмотрительно приготовил к разговору бумагу, пишущий стержень. Пустой, незапятнанный белый картон манил художника. Несколько линий и вот... уже наметилось разделение на две части — горний мир с апостолами у подножия и мальчик, ведомый людьми. Группа женщин... Чье-то лицо. Может быть, Магдалина? Эскиз все проявит и откроет; а пока, в мгновенье осенения, было лишь несколько штрихов, из сумятицы которых только взгляды кардинала Джулио, человека, разбирающегося в искусстве, мог выхватывать в воображении композицию, о которой ему толковал Рафаэль.

Прекрасный час, исполненный отрады творческого озарения! Кардинал Джулио знал — к завтрашнему дню это колдовство развеется. Он должен чем-то закрепить нынешний восторг Рафаэля. Если маэстро возьмет этот лист с собой в ватиканскую мастерскую, то там он скоро покроется будничной пылью. Если эскиз будет дожидаться своего часа на мольберте, он непременно попадет в руки Романо, Пенни, Джованни или еще кого-нибудь из его учеников. Велик соблазн сказать им:

— Знаешь что, закончи-ка вот эту фигуру... или вот эту... и эту тоже...

Сначала он даст им драпировку, потом фон, а затем, глядишь, и все фигуры перешли в руки подмастерьев. Все помнят историю с картиной, посвященной коронации Карла Великого, — скучный групповой портрет, написанный по сугубо политическим соображениям.

— А если бы вам писать эту картину в собственном доме, мессер, а?

В его нынешней узенькой комнатке-мастерской нельзя было отступить от полотна на нужное расстояние. В столовой за стеной было царство Маргериты. Снизу, из кухни, доносился стук и звон посуды. В мастерскую проникали запахи кушаний, дом был слишком мал и весь полон шума, доносящегося с Виа Джулия. Уже в самую рань начинали громыхать повозки — крестьяне ехали на рынок.

Рафаэль почти смущенно проронил несколько слов, вот, дескать, ему придется искать новое жилье, где будет больше покоя... Тогда, мол, он и сможет по утрам перед уходом в Ватикан спокойно поработать часок-другой. Ведь картину большого формата, какой должен быть запрестольный образ, нельзя даже поместить в его нынешней мастерской.

— В Борго я знаю небольшой палатцо. Он охотно сменял бы хозяина. Полагаю, мессер, самое время вам съехать с улицы Джулия.

Фраза была двусмысленная. Медичи многого не простили и не могли простить папе Юлию. И поскольку они не в силах были стереть его память, они не жалели на него булавочных уколок.

Борго был новый аристократический квартал Ватикана, он еще только застраивался. Все больше послов и посланников обосновывали здесь свои резиденции, священнослужители высокого сана и богатые чужеземцы соперничали, чей палатцо будет красивее прочих. Квартал этот лежал в самом сердце Рима, в нескольких шагах от Ватикана. Заманчивое предложение, Рафаэль и теперь не сказал «нет!».

Выставленный на продажу малень-

кий палатцо был расположен на северной стороне площади святого Климента. Владельцы окрестных домов имели выбор, кого принять к себе в соседство. Западную сторону площади занимал дом кардинала Кастелли. Чуть выше стоял палатцо Содерини. Площадь с домом кипрской королевы, палатцо соборных исповедников и бывшим двором Чезаре Борджа представляла как бы кусочек итальянской истории. Богатейший кардинал Кастелли принимал папу из рода Борджа как гостя на своем винограду. В Риме с тех самых пор упорно держался слух, что кубки кардинала и папы почему-то оказались перепутаны. Папа Александр выпил вино с ядом. Герцог Урбинский, племянник папы Юлия, заколол кардинала Алидози, бывшего владельца соседнего дома, на улицах Равенны.

Маленькая площадь была застроена в счастливых пропорциях, в ней было известное пространственное единство и к тому же с нее открывался вид на замок святого Ангела. По фасадам нескольких расположенных на ней палатцо узнавался стиль Браманте. К празднованию 1500-го года магистрат предоставил владельцам строящихся вилл особые права: фасад возводимых ими зданий достигал высоты не менее сорока трех стоп.

Долгосрочное освобождение от налогов и другие поблажки усилили в Рафаэле желание приобрести этот дом. В конце концов двое братьев Корпини в качестве продавцов и Рафаэль Санти в качестве покупателя в середине октября заключили купчую. Кварталу Борго придало новый блеск то обстоятельство, что рядом с кардиналами и прочей итальянской знатью здесь поселился на постоянное жительство первый мастер святого отца.

Переезд в новый дом совершился тихо и неприметно. Ученики помогали обставлять мастерскую. Новый домовладелец избрал для нее помещение без дверей в другие, примыкающие к ней постройки. Окна с одной стороны дома смотрели на площадь, с другой — на Борго. В мастерской было много солнца, слишком яркий свет умерялся ставнями. Помещение мастерской высокое, в нем теперь можно поместить даже самую крупную картину.

Мраморные торсы, редкие монеты, бронзовые кушаны, амфоры были представлены в новом доме Рафаэля. На стенах — лишь кое-какие эскизы в рамках, маленькая мадонна в синевато-красных тонах, наполовину завершенная, и юношеский автопортрет.

Еще до своей поездки во Францию Библиена узнал о намерении художника купить новый дом. С этим он связал предположение, что Рафаэль решил порвать с грехами молодости и, когда все будет готово в новом жилище, поведет Марию к алтарю. Об этом он догадывался по многозначительной улыбке художника и его намекам относительно своего грядущего счастья. Поэтому кардинал Библиена раздраженно отшвырнул письмо Бембо, в котором были следующие строки: «Наш уважаемый мастер и друг въехал в новый дом и взял с собою Форнарину».

Рафаэль подметил изменившееся выражение лица Маргериты в последние дни перед переездом. Виа Джулия была замкнутым мирком со своими черными сплетнями, когда привратники,

слуги и разносчики товаров собирались перебивать косточки господ, обитающих на втором этаже, подслушивали их тайны и рассказывали всяческие истории про них, ложившиеся затем в основу стихотворных пасквилей, приклеиваемых затем на всеобщее посмешище к ягодицам мраморного Пасквино.

Маргерита противостояла целому наводнению сплетен. Она была там чужой — не римлянкой, не куртизанкой, не дворянкой. Самая красивая деушка в верхнем квартале Виа Джулия, она редко выходила на улицу, разве что случайно кто-нибудь мог видеть ее в окне.

И вот переезд. Раскаивается ли Маргерита в прошедших годах, в том, как зиму и лето проводила в четырех стенах на Виа Джулия. Дом Рафаэля, собственно, не был для нее тюрьмой. В любой день она вправе была сказать «довольно!». Хватит жизни в скритности, торопливых часов с ним, долгих ожиданий! Она могла вернуться под отеческий кров, ни одного слова упрека она там не услышит. Пекарня приносила немалый доход. Маргерита могла при наличии соответствующего приданого оказаться желанной для честного и добропорядочного подмастерья или стать женой магистратского чиновника. В доме вдовца Франческо Люти вновь воцарилось бы пристойное веселье.

Так почему же она не возвратилась под родительский кров? Почему сожительство с человеком не ее круга, вращающимся в самых высших сферах? Зачем он понадобился Маргерите? Ведь он не берет ее с собой, когда его приглашают к кому-нибудь в гости, он только разделяет с ней ночные часы. Этот сильный мужчина мало ест. Не поэтому ли он такой стройный. Годы щадят его. Что же достанется племяннице кардинала, когда пройдут эти годы, и еще, и еще, а Рафаэль все не будет отсылать Маргериту прочь?

Соседи узнали о переезде Рафаэля за один или, может быть, за два дня до того, когда уже невозможно было это скрывать. Молчаливые люди, присланные из магистрата, явились на рассвете с фургоном. И никто не видел, как Рафаэль и Маргерита покинули Виа Джулия.

Столь же тихо и неприметно произошел их въезд в дом Корпини. Двор проглатывал повозки, мебель с узкого переулка втаскивали через боковые ворота на второй этаж. В самую рань явился Джулио Романо и стал всем распоряжаться. Сам маэстро провел эту ночь в своей мастерской на вилле Киджи. После сиесты все ученики и подручные ввалились в новый дом помочь расставить вещи, чтобы Рафаэль, когда вернется под вечер, увидел свое жилище уже уютно обставленным.

Первым гостем был Агостино Киджи, подарки на новоселье он выслал вперед. Новое жилище сильно отличалось от прежнего. Для приобретения Маньифико ссудил Рафаэлю деньги.

Нынче подписи Рафаэля под любой картиной стоила не менее тысячи дукатов. Его сбережения хранились в трех банкирских домах. Годы в тесном домике на Виа Джулия накапливались дары, множество даров князей и меценатов, которые уже не умещались в скромных стенах и волей-неволей сваливались на чердак и в кладовые старого дома. Теперь все, что представля-

лю какую-то ценность, стало на свои места. Остальное Рафаэль решил продать, чтобы таким образом покрыть хоть часть расходов на этот роскошный, просторный дом. Перекупщики охотно пойдут на это, перепродавая иноземцам втридорога каждую вещь из дома Рафаэля:

— Эта вещьца принадлежала самому маэстро, — скажут они.

Маргерита впервые вышла на балкон, чтобы бросить взгляд на площадь. В дымке октябрьского утра деревья, фонтаны и каменные скамьи были как бы затянuty серебряным мерцанием. Все являлось новым, чужим и возбуждающим страх. На Виа Джулия все было по-иному, там она жила в вечной тени. Была ли счастлива в годы их совместной жизни? Спросил ли он ее когда-нибудь: «Что будет с тобой, Маргерита? Когда ты наскучишь мне, когда я женюсь на Марии Биббиене, когда получу кардинальскую шляпу, когда состарюсь? Когда отправлюсь путешествовать, потому что я еще не повидал белый свет, а хотел бы узнать и другие страны и города земли? Что будет тогда с тобой, Маргерита?»

Однажды Киджи, дожидаясь прихода мастера, сказал Маргерите:

— Две тысячи дукатов записаны в моем банке на твоё имя. Что бы ни случилось, они принадлежат тебе. Я был не вправе сказать об этом раньше... Но сейчас ты переехала в новый дом, ты должна знать, как обстоят твои денежные дела. Так оно будет легче... Две тысячи дукатов — немалые деньги. А у меня они еще умножатся.

Он внимательно вглядывался в нее, похожий на фавна, глаза которого жадно пылали. Насколько было известно Маргерите, Маньифико Киджи с тех пор, как умерла Империя, никого не взял в жены и не завел себе какой-либо постоянной любовной связи. Как-то он говорил о венецианской девице, которую однажды посетил в городе святого Марка, отужинав с ней.

И вот теперь его странное, необыкновенное лицо — узкая голова, полуседая борода... Агостино мало менялся — шли десятилетия, а он как бы застыл, немолод, но и стариком никак не назовешь. Что стало бы, если бы он протянул к ней руку? Если бы сказал: «Оставь дом Рафаэля, я подарю тебе дворец!»

Они сидели друг против друга, Маргерита ощущала, что она будто околдована его чарами. Все тело ее будто налилось свинцом, когда поднималась — она налила гостю вина, распахнула окно. Они не сказали больше ни слова.

Маргерита из окна увидела, как приближается Рафаэль. Он взглянул наверх — балкон был пуст. Но цветы уже стояли в вазах; жизнь вступила в этот дом. Площадка перед парадным была чисто подметена, слуги стояли у входа и обсуждали новых соседей. Они уже подружались друг с другом. С привратником, слугой и горничной Маргериты Рафаэль изъяснялся на родном урбинском диалекте.

— Если тебе что-то понадобится, Маргерита...

В самом деле Маньифико произнес эти слова? В доме царила такая тишина, что она вдруг различила новый звук — доселе незнакомое ей поскрипывание ступенек на лестнице под шагами

ног, обутых в мягкие туфли. Она ждала его в своей комнате, налила в умывальный таз душистой воды, развернула полотенце, разложила свежую одежду. Это было чем-то большим, чем привычный ритуал. В большой гостиной стол был накрыт на четыре персоны. По правую руку Рафаэля сел Агостино, рядом с Маргеритой — Джулио Романо.

Ужин был принесен из дома Киджи. Из амфоры сам Маньифико наливал всем греческое вино. Все было символично в тот вечер, даже новое издание Платона, отпечатанное в типографии Киджи, хотя сам Маньифико не читал по-гречески. Книга в пергаментном переплете переходила из рук в руки. Внезапно Маргерита стала тихо, немного запинаясь, читать. Все прислушались. Девушка зарделась:

— Дни так медленно тянутся. Я давно не упражнялась в чтении...

Слуга внес кушанья. Киджи снял берет и тихонько — одними губами — произнес:

— Не введи нас в искушение...

Агостино поспешно закончил ужин. Один из его агентов прибыл с тревожными вестями из Виттенберга. Киджи должен был узнать из первых рук — правда ли, что Лютер впал в ересь. Прощаясь, Агостино все искал подходящих слов для новоселов.

Что же он должен им пожелать? Счастья? Чтобы бог утешил их многими детьми, чтобы хозяева дожили до глубокой старости и умерли христианской смертью? Пожелать это серафическому маэстро, его возлюбленной с лицом Сивиллы и расторопному юнцу живописцу, который еще решительно не разумеет символов? Все кончается, все начинается вновь. Не потому ли Агостино так поспешно покинул этот дом?

Пришлось бы по душе Аталанте Бальсини, если бы он написал «Положение во гроб» так, как теперь изобразил «Преображение»? Светились мазки. Три ученика — сверху, у ног учителя. В нижней половине большого полотна вся полнота кары существования на земной юдоли. Мальчика, одержимого бесами, мать ведет к апостолам. Жизнь в это мгновение как бы оживляет их молчащие фигуры. Чья-то простертая рука указывает на ребенка, другой апостол обращает взор ввысь, откуда конусом падает сноп света.

В глубокой тишине, под сиянием небесных сфер, у подножия горы внезапно рождается движение, поднятые руки, смущение, изумление и озарение на лицах усиливает эффект.

Когда Рафаэль писал картину для Аталанти, он еще не видел подлинного Микеланджело, не знал и венецианской школы. Как он далек теперь от озорной прелести своих первых мадонн! На одном полотне он соединил горнее сияние и мир земной!

Из эскизов постепенно складывалась композиция. Медленно, очень медленно он продвигался вперед, хотя картина в существенных своих чертах давно уж сложилась в его голове.

Большой холст стоял в новом жилище. Никто не приставал, не умолял увековечить себя в образе апостола или изобразить сына в виде ангела. Ему помогал только Джулио Романо. Никто не должен был прилагать руку к этой

композиции. Даже Джулио мог расписывать лишь фон и декоративные элементы картины.

Почему полотно «Преображение» отличалось от всего, написанного им доселе маслом? «Почему?» — вопрошали его ученики, душившиеся на Рафаэля за то, что он не раскрывал перед ними двери своей мастерской. Почему бы этой картине не нести приметы всей его школы? Неужели Рафаэль недоволен своим прошлым? Или ему наскучили мадонны, которых он без особого вдохновения живописал по требованию итальянских князей? Дошли ли сплетни вокруг его имени, передававшиеся шепотом? Правда ли, что желчный Буонаротти сказал однажды о Рафаэле: «Всего, что в нем есть настоящего, он навхватался у меня?»

И когда Рафаэль рассматривал свои прежние полотна, не признавал ли он правоту Себастьяно, который все больше попадал под очарование Микеланджело? Себастьяно постепенно отдалялся от Рафаэля и его мастерской и в конце концов совсем отошел от него как человек, уже взирающий свысока на своего прежнего маэстро. Ведь именно от него, от Себастьяно дель Пьомбо, перенял Рафаэль сочность красок венецианцев, их резкие контрасты и пронзительный свет.

Был ли Рафаэль доволен громким успехом, восторженным почитанием, окружавшими его? Он приближался к «mezzo cammino» — к середине своего жизненного пути, и всеобщая осанна становилась для него поводом к мучительным раздумьям. У него было все. Никогда еще живописец не жил в Риме с такой роскошью. И всего этого достиг человек, который был лишь подмастерьем у себя в Перудже, в мастерской старика Перуджини! Банкиры сами предлагали ему деньги: уже давно он рассчитался с Киджи и более того — стал сам солидным вкладчиком в банке. Палаццо Рафаэля расположился в самом аристократическом квартале Рима, и красивейшая девушка из Сиены делила с ним сладостный непокой ночей. Почему же он был недоволен собой? Почему на днях он так малодушно покинул виллу Киджи, увидев в пасмурный день, что его роспись праздничного шествия Галатеи на стене выглядит тускло, почти бесцветно? Все показалось ему фальшью, ложью! Ему не свойственна была кротость. В нем по-прежнему сильно жила страстная тоска по бессмертию!

Его «Преображение» для собора в Нарбонне должно было стать полной противоположностью всему, что делал до сих пор. С такими чувствами Рафаэль стоял перед полотном в новой ярко освещенной просторной мастерской, которая была бы мечтой любого живописца.

Большой холст и рядом — наброски, эскизы деталей, пробы цвета. Магдалину он набросал сначала в центре композиции, а потом сдвинул чуть в сторону, нарушив симметрию. Он лишь обвел контуром ее место на холсте, не еще не написал всю фигуру. Вечером, без предварительной договоренности, пошел к Киджи. Банкир, который в этот час обычно читал, редко принимал гостей.

— Сегодня я прошу вашего разрешения немного поговорить с вами об

Империи. Когда я принимаю ее писать, то ловлю себя на мысли, что я ее все-таки, по сути, не знал. Какой-то внутренний голос говорит мне: «Погоди! Ты не знаешь ее по-настоящему, ты не вправе писать ее облик!» Я ни о чем не хочу спрашивать. Но вы доставили бы мне удовольствие, просто поговорив об Империи.

Кое-какие мелочи в комнате Киджи напоминали о ней: венецианский флакон, еще хранивший благоухание, баночка для румян, маленькое расписание, начатый ее почерком лист бумаги, ноты. Рафаэль сохранял в своем доме лютю, которую некогда сам вложил в руки Сафо.

Стареющий Агостино заговорил о женщине, которая навеки пребудет молодой. Он знал, что Рафаэль не был ее любовником. Но от этого было еще труднее рассказывать об Империи. Если бы его попросил Бембо, если бы из пучины прошлого вынырнул Анджело дель Буфало или даже Страскино, которого Киджи подкармливал, скрашивая его трудную старость, — ну что ж, все они были близки к ней и каждый знал, как менялось ее лицо, голос, поцелуй. О, поцелуй Империи, поцелуй, которого жаждали многие в Риме... Но Рафаэль не знал всего этого, они были просто соседями на Виа Джулия, просто друзья и только. Никогда Империя не забывала его, когда приглашала к себе своих ученых друзей.

— К шестнадцати годам она знала почти все, чему могла научиться от своей матери, все, что ей следовало знать, чтобы околдовывать мужчин. После этого она только зрела. Самое удивительное в Империи было то, что деньги для нее не были самым главным и самым важным в жизни. Нет, она не раздавала их полными горстями, но и не копила, как одержимая. Ей всегда нужно было лишь столько, чтобы она могла исполнить свои желания. Если бы я сказал ей: должники меня совсем ограбили или, скажем, мои алуниновые копи уже не приносят дохода, она, конечно, с улыбкой ответила бы: «Пусть тебя это не огорчает». Сколько она оставалась бы со мной, если бы я разорился? День... год?... Я не могу ответить на этот вопрос.

— Она всегда говорила правду? Прошу вас, ответить мне на это... Мне нужно, я должен это знать.

— Мы полагаем, что умершие лучше нас, и всегда укрываем заупокойной молитвой их ошибки и пороки. Я не хотел бы, чтобы Империя была представлена безгрешной. Она была римской куртизанкой, так мы и написали на ее надгробье, этот титул дал ей Вечный город, который она так любила. Но она и в самом деле была добра и чистосердечна. Мне вспоминается, как она обратилась ко мне из-за Анджело Буфало... За помощь ему Империя предложила мне в залог свои собственные порученности. Она его уже не любила... Анджело был бременем для нее. И все-таки она с полной готовностью поручилась за занятого в тупик должника. Извини, что я опять говорю о деньгах. Но ведь мы бедствуем не о Платоне. Она была добра: тому, кто просил ее о чем-нибудь, она давала все. Состарившиеся, беззубые обитательницы улицы Рипетта дважды в неделю приходили к ней. Я знал, что они с утра ждут у калитки. Она не только поддерживала их, но даже и говорила с ними.

— Вы... ее очень любили?

— Я доверял ей. Ты можешь себе представить, какую цену для других банкиров представляли секреты сиенского negocianta. Они дорого заплатили бы, чтобы узнать, о чем он говорит. К ней подступались многие, обещали долю в доходах. «Империя, — говорили они ей, — попытайся узнать, ссужает ли Агостино венецианцев? Что сказал святой отец о том или ином кандидате на новую кардинальскую шляпу? Киджи обо всем информирован, попробуй узнать у него об этом, и мы тебе заплатим золотом!» Она всегда рассказывала мне о таких подходах. Иногда я через нее передавал свою информацию... Нет, она за это ничего не брала. Ну, самое большее, фрукты, цветы или разве что редкую рыбку. Даже драгоценностей брать не хотела. Да, кстати, она их не особенно любила. Нет, кое-что из них ей нравилось — зеленые камни, смарагд, бирюза и опал. Она не верила, что он приносит несчастье. Она очень любила сама делать подарки и ее радовало, когда к ней приходили, за советом. Ей было все равно, кто у нее просит совета — бывлой возлюбленный или состарившаяся девица с Рипетты... Ей льстило, что ее считали умной. Она действительно окрыляла умы.

Он склонил голову. Агостино был крутой человек. Он ценил людские жизни не больше, чем ценит их какой-нибудь заправский кондотьер. И в этот час, как бы внезапно став дряхлым стариком, погрузившись от воспоминаний, он говорил почти рыдающим голосом.

— Радовалась ли она, что попала на фреску?

— Я не помню точно, что она говорила по этому поводу, но что-то вроде того, что ее искусство преходяще, ночи приходят и исчезают бесследно. Поэтому ее так радовала Сафо, она была счастлива, что смогла позировать для нее. Ты говорил, что ее лицо было изменчиво. Сафо и Магдалина в одном и том же существове? Возможна ли такая метаморфоза в женщине, которой еще не было и тридцати?

— Передо мной — множество ее лиц. На бумаге, в эскизах и во мне самом, в моей душе. Но я все еще не вполне нашел то, что ищу. Поэтому я пришел к вам. Знала ли она, что должна умереть?

— Тот, кто еще молод, всегда уповает на чудо. Больная порой мечтала о будущей весне и особенно о вилле. Каждый шаг, каждый луч солнца был для нее чудом. Она и верила и не верила в выздоровление... Она готовилась к смерти и надеялась остаться в живых. Дряхлые старики чувствуют дряхлость в костях своих, чувствуют, когда изморозь оседает в их легких. Помнишь, как прекрасна она была... тогда, тогда...

Киджи, не договорив, подошел к окну. На Виа деи Банки в этот час было пусто и тихо, лишь какой-то старик тащился с фонарем по улице.

— Я сделался стариком за годы, что прошли после ее кончины. Может быть, я женюсь. В Венеции я видел одну девицу...

Он был тверд и темен. Тени поглотили седину в его волосах. Голос начинал звучать иначе, когда он обращался к матери:

— Мне не хотелось бы вмешиваться в чужие дела, но я хотел бы знать, что таит в себе будущее. Кардинал Бернардо, отбывая в Блуа, просил меня напомнить тебе о его племяннице. У Бибиены отличная память и длинные руки. Я сказал кардиналу: Рафаэлло не позволит никому собой распоряжаться. Он величайший мастер нашей христианской резьбы. Это не моя задача напоминать ему о том, что такое мужское слово...

— Сказал ли Бернардо, что я дал ему свое слово?

— Я это так понял. В его голосе прозвучало что-то вроде упрека. Мочичино хорошо знает, что ты никогда не встретишь бы Маргериту, если бы я не захватил тебя с собой в пекарню. Поэтому он и обратился ко мне и поэтому я тебе это говорю.

Рафаэль пришел только для того, чтобы поговорить об Империи. Теперь Агостино видел, как переменялось его лицо. Морщинки у глаз углубились, живой, испытующий взгляд стал тусклым, безрадостным, и вокруг губ появились две усталые бороздки. Вот и Рафаэль уже больше не юный серафим. Киджи подошел к нему и обнял.

— Мы с тобой друзья, Рафаэлло. Чем я могу тебе помочь? Должен ли я посредничать, чтобы отыскать для Марии Бибиены другого супруга? Ты сотворил для меня величайшую радость. Твои руки украсили мой дом, который станет достоянием рода Киджи. Почему бы мне не помочь тебе? Ты неотрез отказываешься жениться на Марии?

— Между «да» и «нет» бездна порой не слишком широка. Мы, живописцы, избегаем жестких контуров. Мария Бибиена — милая девушка. Может быть, мой дом превратится в один из счастливейших домашних очагов в Риме. Но любить Марию Бибиену? Видите ли, мессер, я написал Формарину, можно сказать, вопреки своей воле один раз в виде Психеи, другой раз в виде Венеры... с Юпитером. Чье лицо мне ближе? Когда все мы покинем юдоль земную, кто тогда будет знать, которая Формарина настоящая? Та, что на портрете в ее комнате... или та, что на обеих фресках на вилле Киджи? Вы сказали, что Империя окрыляла разум. Видите ли, Мария Бибиена никогда не возбуждала во мне желания встать за мел или уголь. Возможно, она станет моей женой... быть может. Но до тех пор я хотел бы сделать еще многое. Прежде всего — большое полотно «Преображение». Поэтому я и пришел к вам. Я ищу лицо Империи. Пока я не увидел и не запечатлел это лицо, я не могу посвятить себя ни Бернардо, ни Марии.

Внезапно Рафаэль остановился перед эскизом: в венецианской раме висел тонкой рисунком, изображавший мальчика в шляпе с перьями, в рубашке с глубоким вырезом и в плаще, ниспадающем с левого плеча. Глаза его отражали странную тревогу, меланхолию, не подходящую к его юному возрасту.

— Из того, что осталось после Цецилии. Когда в ее кипрский дом пришли кредиторы, Мороззини уже не мог помочь, ибо он был как раз на пути к французскому двору. Большую часть растащили. Этот рисунок Джорджоне — единственное, что удалось получить.

Рафаэль внимательно рассматривал рисунок. Очевидно, это был всего лишь рабочий эскиз, запись мимолетной идеи. Легла бы она в основу развернутого полотна? В лице мальчика смешалась печаль и страсть. Рафаэль долго рассматривал при свете этот рисунок.

— Я зайду как-нибудь и напишу его красками.

Казалось, он хотел снова обернуться к картине, но тревога гнала его дальше. Темные тени ложились на лоб, под глаза, вокруг рта. Он казался изнуренным. Неужели он еще встанет за мольберт, когда вернется домой? И что выйдет тогда из-под его кисти?

Крытые носилки Киджи всегда стояли наготове для хозяина. Художник сел в них; два фонаря закачались вдоль Виа деи Банки; берега Тибра в это время суток уже окутывались туманом.

Рафаэль видел Анджеоло дель Буфало только раз в тот жаркий полдень, когда друзья Империи пытались узнать у доктора-иудея, в самом ли деле больше нет никаких надежд? Былой любовник оказался теперь преждевременно состарившимся сельским дворянином, которого привели в Вечный город только воспоминания. Когда Анджеоло постучался у ворот, он сделал это с известным старомодным величием, как если бы на нем не лежал отсвет прошедшей эпохи. Землевладелец из него получился никудышный, дипломат тоже не вышел: легковверен, а в кругу друзей — расточителен. И все-таки, когда он весь в черном переступил порог мастерской, когда он поклонился, когда произнес первые слова, что-то вроде извинения, — он вновь был образцовым кавалером Вечного города, первооткрывателем Империи, ее первым меценатом и возлюбленным.

— Я слышал, ваша милость, вы пишете ее маслом. Вправе ли я обратиться к столь великому художнику с просьбой посмотреть эскиз. Не знаю, могу ли я питать надежду увидеть завершенную картину. В городе я бываю редко, да и то на несколько дней. Если мое присутствие не покажется вам обременительным...

Стало быть, и Анджеоло ее не забыл. Не забыл ни ее ночей, ни дней, ни слов... У Империи все было сплетено воедино. На Кампо Марцио обитали отличнейшие красотики, чьи поцелуи тамошние сводницы продавали за полновесные дукаты. Империи платили за другое. Из-за нее был брошен в тюрьму Страскино. Из-за нее Анджеоло промотал свое состояние. Но Империя помогла тому и другому: добила, что сняли оковы с рук свихшегося с пути поэта, спасла и Анджеоло от окончательного разорения, написав Маньифико. Она брала, но она же и давала, проявляя щедрость души, — в Риме это было редкой добродетелью среди куртизанок, век которых очень краток — всего лишь считанные годы, за которые надо обеспечить себе старость.

— Мессер Рафаэлло, один мой друг — венецианец переслал мне письмо Пьетро Аретино. Не известно, кому и когда написал он это послание. Аретино говорит об Империи. Если это вас интересует... У него злой, насмешливый язык, но говорит он о ней в пристойной форме. Когда я прочел письмо, я не находил покоя. Я должен был увидеть ее портрет в вашей мастерской.

И Буфало прочитал строки, которые, видимо, знал чуть ли не наизусть.

«...Я полагаю, что не все куртизанки умирают в нищете. Мне довелось встречать некоторых из них, окончивших жизнь в полном достатке. Так было с прославленной Империей, единственной, чья добрая репутация не пошатнулась и после кончины. Последние дни ее жизни были прекрасны: она умерла в собственном доме, в богатстве, окруженная всеобщим уважением... Точь-в-точь, как Фьяметта, чью гробницу я видел в часовне храма блаженного Августина».

Они беседовали в гостиной. Рафаэль должен был уже отправиться в Сан-Пьетро, у него там была сегодня очередная встреча со строителями. Но Анджеоло стоял перед ним, как столб, и не думал уходить.

Рафаэль, всего лишь один-единственный раз видевший его в доме больной Империи, где они тогда обменялись несколькими словами, пригласил сесту, подкрепиться, принес давние эскизы, наброски.

Буфало в свою очередь извлек из кармана миниатюру, писанную на слоновой кости.

— Это, быть может, нельзя назвать творением искусства, но Империя подарила мне в день, когда ей исполнилось восемнадцать.

Миниатюра была посредственной работы, но и не совсем плохой. Она изображала Империю еще юной, слишком юной для Магдалины. Пожалуй, слишком юной и для Сафо. Тогда у нее была другая прическа. Профиль, греческий нос, благородную форму головы, зеленоватый отблеск в глазах подметил уже и этот неизвестный художник. Зачем Анджеоло показал ему эту миниатюру? Видимо, все связанное с ней было для него драгоценностью.

— Взгляните, ваша милость... вот на эти эскизы.

Рафаэль показал свои наброски к портрету Империи. Здесь она позировала ему. Здесь возникла лишь ее профиль на темном фоне, подобно античной гемме.

— А теперь взгляните на этот перстень...

Они склонились над старинным перстнем, разглядывая его в лупу, чтобы четче видеть линию профиля. Была ли похожа сня неведомая богиня на римскую куртизанку, с которой они оба простились в одиночестве?

Которая из них настоящая Империя? Анджеоло дель Буфало видел ее годы подряд. И в сиянии ночника, и при свете свечи, и утром, когда поднимались жалюзи на окнах. Он видел ее на соревнованиях поэтов, на пирах, на ристалищах, в окне кареты, когда первейшие римские красавицы в канун праздника совершали объезд города; он видел, когда она дулась на него, когда потупляла взор, когда писала, когда говорила «подожди!»; он видел ее на кухне, где она готовила соус из трав, когда отсылала прочь, сославшись на усталость и на нерасположенность к любви. Потом, в тот же день, она призывала его к себе, вечером, с нарочным... Узнает ли Буфа-

ло свою Империю по наброскам карандаша Рафаэля на серой бумаге?

Верно ли схватил ее облик не деливший с ней ложе? Он знал ее только днем и ничего не знал о ней, какова она от вечерних сумерек до рассвета. Что он мог знать о ночах Империи? Какая она в эти часы? Была ли она тогда столь же чиста и столь же возвышенна? Была ли она всегда такой, какой представляла в экстазе на большом холсте в образе Магдалины? Совсем ли она забыла улицу Рипетта? Она вовсе не была сентиментальной. Она презирала тех, кто умолял о любви, презирала тех, кто преклонял колени перед растущей славой Империи.

В течение нескольких лет в ней произошла большая перемена, вызванная стихами Страскино, новеллами Банделло и сонетами, которые сама сочиняла и шлифовала. Постепенно о ней узнали в курии. Она медленно срасталась с Вечным городом. И вскоре стала принадлежать к числу чудес юлианской эпохи, подымавших над всеми своими товарками, оказалась окруженной стихотворцами. Никто уже не любопытствовал, откуда пришла, какой тернистый путь ею пройден. Рипетту решили вымостить за счет подати с тамошних веселых девиц, но пресловутая улица еще не была замощена и продолжала утопать в грязи, когда Лукреция Коньяти и ее дочь съехали оттуда.

В боковых улочках, в темных переулках девчонки, вымокшие под дождем, под утро предлагали свою любовь безвозмездно, просто за крышу над головой. Об этом тоже стоит вспомнить, Рафаэль, пока ты роешься в своих эскизах, ища решения, как лучше увековечить усопшую Империю!

Дважды посылали за Рафаэлем строители собора Святого Петра: «Заждальше вас, мессер». И Джулио Романо тихонько сказал: «Пора идти». Почему же художник так терпеливо оставался в обществе старого рыцаря? Почему он его удерживал? Почему сказал: «Еще одно мгновение!» Анджеоло поднялся. Какой прекрасный час провели они вместе! В своем замке, в старом орлином гнезде он будет долго вспоминать об этой встрече. Анджеоло стал выбирать набросок с Империи, который, по милости Рафаэля, должен принадлежать только ему, кавалеру Анджеоло дель Буфало.

— Могу ли я взять вот этот?

Почему он выбрал именно эту голову? Рисунок, который особенно нравился и самому Рафаэлю? Он, пожалуй, перенес бы в картину именно это лицо, когда в нем все созреет.

— Отчего вы выбрали именно этот?

— Он напоминает мне слова Империи. Однажды она мне что-то сказала. Это было незадолго до нашей разлуки. Она взглянула на меня точь-в-точь, как здесь. Да, да, тогда она взглянула на меня так... как на этой картине...

Анджеоло откланялся. Два человека, которые виделись друг с другом в последний раз, обменялись обычными учтивостями. Рафаэль подумал о словах, которые некогда она могла сказать своему бывшему любовнику. Как хорошо, что Анджеоло вспомнил о ее словах, а не о ночах любви.

Рафаэль прибыл в Сан-Пьетро, опоздав на целый час. Что-то ему придется изменить в портрете Магдалины после этого утреннего разговора.

Окончание следует

РУКА ОБ РУКУ

СОТРУДНИКОВ венгерского журнала «Вилагошшаг», призванного формировать у читателей материалистическое мировоззрение, связывают с творческим коллективом «Науки и религии» давние и прочные узы. Мы внимательно следим за тем, что публикуется в советском журнале, обмениваемся статьями, помещаем взаимные подборки под рубрикой «У нас в гостях». Мы имеем также возможность навещать друг друга в редакциях, непосредственно знакомиться с работой своих коллег.

Такая тесная двусторонняя связь обусловлена прежде всего тем, что оба журнала с самого начала их существования («Вилагошшаг» тоже начал выходить в конце 50-х годов, правда несколько раньше «Науки и религии») основывают свою деятельность на одних и тех же идейных принципах марксистской критики религии и решения актуальных задач мировоззренческого воспитания народа. Обе редакции считают, что, выявляя теоретическую несостоятельность нашего идеологического противника, мы выполняем лишь отпугивающую, притом отнюдь не самую трудную, часть своей работы. Ведь в наши дни все настойчивее выдвигается на передний план позитивная, мировоззренческая функция атеизма как органической составной части марксизма, неотделимой от всего учения в целом.

Поэтому мы сосредоточиваем свои усилия прежде всего на разработке позитивных диалектико-материалистических альтернатив решения реальных проблем, выдвигаемых самой жизнью, таких альтернатив, которые говорили бы сами за себя и были бы более убедительны и привлекательны, чем все то, что в состоянии предложить людям религия.

Проводимая в этом направлении работа охватывает широкий круг тем и может быть прослежена читателями «Науки и религии» из номера в номер, равно как и другая тенденция, реализуемая на страницах этого журнала, которую мы также целиком разделяем. Дело в том, что ранее в критике религии преобладали аргументы из области естественных наук, причем они в полной мере сохраняют свою просветительскую мировоззренческую роль и поныне. Однако в эпоху научно-технической революции изменилась и тактика клерикальных идеологов: они стремятся приспособиться к новым условиям, пытаются как-то, пусть даже за волосы, притянуть свое идеалистическое мировоззрение к научной картине мира или, по крайней мере, создать видимость своего рода мирного сосуществования между наукой и религией. Мы убеждены, что все эти попытки — прежде всего в силу неразрешимости самих противоречий, которые они стремятся если не преодолеть, то хотя бы сгладить, — в конечном счете обречены на провал, но тем не менее их сиюминутное пропагандистское воздействие нельзя недооценивать.

Тем более что в наше время возрастает значение таких общечеловеческих проблем, как цель и образ жизни, формы бытия, роль нравственных ценностей, моральные аспекты защиты окружающей среды — одним словом, вопросов, на решение которых религия теперь особенно притязает. Было бы ошиб-

кой проходить и мимо того обстоятельства, что защитники религии вынуждены во все большей мере учитывать влияние на сознание верующих коренных преобразований, происходящих в социалистическом обществе, и высказывать по этому поводу свою точку зрения. И от нас зависит, чтобы инициатива здесь сохранялась за марксистским мировоззрением.

«Наука и религия» в своих постоянных рубриках уделяет этим вопросам особенно пристальное внимание. В разделе «Духовный мир человека», например, рассматриваются такие проблемы, как отношение к труду, культура досуга, новые нравственные черты и духовные ценности людей в условиях развитого социализма. Под рубрикой «Праздники, обряды, традиции» наряду с принципиальным и историческим освещением их роли популяризируются новые гражданские ритуалы и обычаи, как уже более или менее сложившиеся, так и те, которые еще только проходят испытание жизнью.

Большой интерес вызывают содержащие ценную информацию статьи по вопросам истории религии и церкви, равно как и материалы, критически анализирующие ее современное состояние.

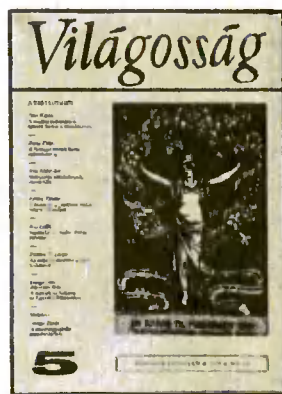
Привлекает внимание и раздел «За рубежом». Журнал полемизирует с нашими идейными противниками, дает критический разбор современных теологических течений и тенденций, знакомит с жизнью многих стран, в том числе и с ролью, какую там играют религия и церковь. В последнее время политические события поставили в центр внимания религии Азии и Африки, прежде всего ислам, что находит отражение и на страницах этого раздела.

Под рубрикой «В странах социализма» «Наука и религия» постоянно информирует своих читателей о различных аспектах формирования научного мировоззрения в братских государствах. Не раз писала она и о Венгерской Народной Республике.

Однако тематическое разнообразие — всего лишь одна из особенностей, делающих журнал живым и интересным. Другая его характерная черта — жанровое разнообразие. С теоретическими и научно-популярными статьями в «Науке и религии» всегда соседствуют интервью, очерки, репортажи, рассказы и повести. Регулярно публикуются как читательские письма и отклики, так и их обзоры, свидетельствующие о тесной связи журнала с жизнью.

Кстати, в тематике наших ежемесячников есть много общего. «Вилагошшаг», например, тоже стал шире освещать проблематику, связанную с праздниками и обрядами. В прошлом году, в частности, мы поместили подборку статей на эту тему. И, насколько можно судить, этот номер был принят читателями с большим интересом. В нынешнем году мы готовим тематический номер об исторически меняющемся отношении человека к природе. И не случайно, что как эти, так и другие актуальные в наших условиях темы мы часто встречаем на страницах «Науки и религии».

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ВИЛАГОШШАГ»
г. Будапешт

СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

ОПЫТ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА показывает, что объективные факторы, создающие условия для быстрого развития процесса секуляризации, сами по себе еще не приводят к автоматическому отмиранию религии. «Ее исчезновение, — говорил Маркс, — должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию». В условиях социалистического образа жизни воспитательная функция общественных институтов играет большую роль в формировании научного мировоззрения. Будучи при социализме необратимой, секуляризация охватывает все сферы общественной жизни и все слои населения.

Представители клерикального антикоммунизма и апологеты религии пытаются не только отрицать объективный характер процесса секуляризации, но и распространяют измышления о том, будто социалистические государства хотят покончить с религией при помощи насилия.

В этой обстановке научный анализ особенностей секуляризации с учетом национальной специфики приобретает весьма важное значение. Эта проблема широко обсуждалась на состоявшемся в конце прошлого года в г. Малацки (ЧССР) научном симпозиуме «Процесс секуляризации и задачи борьбы с происками клерикального антикоммунизма». В его работе принимали участие научные работники и преподаватели из Чехословакии и Советского Союза.

В докладе «Социальные преобразования в Словакии после февраля 1948 года и их влияние на процесс формирования научного мировоззрения и преодоления религии» директор Института научного атеизма Словацкой академии наук, ее член-корреспондент Ф. Вашечка проанализировал объективные предпосылки и характер секуляризации в социалистической Словакии. Указывая на особенности этого процесса, он особо остановился на задачах преодоления влияния клерикального антикоммунизма, представители которого утверждают, будто религиозность — одна из специфических черт словацкой нации. Опровергая это измышление, докладчик на примерах из истории Словакии показал, что высвобождение общества и личности из-под влияния религии и церкви началось здесь еще при капитализме, достигнув наибольшего размаха в условиях социализма. Именно теперь, подчеркнул Ф. Вашечка, исследование механизма секуляризации становится особенно актуальным.

С докладом «Эволюция религии и религиозных организаций в условиях социалистического общества» выступил директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС профессор П. К. Курочкин. По мере посту-

пательного развития социалистического общества, отметил он, религия и церковь попадают в необычную для них обстановку. Происходящая при этом политическая переориентация церкви обусловлена ее разрывом с господствующими классами и старым политическим режимом буржуазного общества и признанием нового социалистического строя. Кроме того, эволюция религии и церкви, как это видно на примере русского православия, связана с интерпретацией религии в духе «коммунистического христианства». Социализм не нуждается в религиозной санкции, подчеркнул в заключение докладчик, как в этом нуждался в свое время капитализм, и тем самым создает благоприятные условия для секуляризации, формируя потребность масс в научном мировоззрении.

Интересные проблемы, связанные с трансформацией философских аспектов современной апологетики религии, затронул И. Годовский (Брно). По его мнению, здесь прослеживаются две основные тенденции. Первая из них проявляется в попытках изменить мировоззренческие позиции вероучений и их исходные пункты, вторая — в стремлении на этой основе сблизить теологию с современной нерелигиозной буржуазной философией. Изучение этих проблем, отметил докладчик, имеет не только большое познавательное, но и практическое значение как для критики религиозного модернизма, так и для подкрепления аргументации, применяемой в атеистическом воспитании.

Т. Галечка (Прешов) в своем докладе «Атеизм и антиатеизм» говорил о развитии теории атеизма как социально-исторического явления, а также о необходимости разработки ее категориального аппарата и более глубокого изучения процесса массового перехода людей от религии к атеизму. Доцент К. Кшенек (Брно) на материалах конкретных социологических исследований показал влияние процесса секуляризации на членов сельскохозяйственных кооперативов в Северной Моравии.

На симпозиуме обсуждалась и проблема научного-атеистического воспитания студенческой молодежи. С сообщением на эту тему выступил М. Матушак (Братислава).

Ряд докладов и сообщений на симпозиуме был посвящен проблемам идеологической борьбы против клерикального антикоммунизма, разоблачению доктрин и концепций, фальсифицирующих коммунистические идеалы, компрометирующих теорию и практику марксизма-ленинизма.

г. Кишинев

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 45, стр. 474.

НАУКА ИСЦЕЛЯЕТ

Только в прошлом году в Венгрии состоялось три международных совещания педагогов и врачей, посвященных воспитанию и обучению детей с физическими недостатками. Законы ВНР особо оговаривают необходимость заботиться о таких детях. Ныне для них создано 550 печебных логопедических интернатов и других учреждений такого рода.

Венгерские спецнаписты считают, что дети с незначительными дефектами могут оканчивать обычную начальную

школу, но при этом педагоги должны уделять им усиленное внимание.

Одним из крупнейших таких учреждений является Будапештский институт по воспитанию детей с дефектами органов движения. Разработанный здесь метод лечения дает возможность больным ребятам включиться в жизнь обычных детских коллективов. Эффективность этого метода подтверждается тем, что после курса печения 700—750 из 1000 таких детей начинают посещать обычную школу.

НАХОДКИ АРХЕОЛОГОВ

Археологическая экспедиция Пражского Карлова университета обнаружила в пустынной местности вблизи Каира остатки огромного храма III тысячелетия до нашей эры. Некоторые его части хорошо сохранились под слоем песка. Это ценный образец древней египетской архитектуры. Надписи, прочитанные учеными, позволяют уточнить хронологию этого периода египетской истории. В развалинах храма найдены папирусы, большая коллекция керамики и предметов культа.

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
кандидат философских наук

В ТУПИКАХ

За 20 лет своего существования журнал «Наука и религия» приобрел себе читателей не только в нашей стране, но и за ее пределами. Есть у него и за рубежом немало друзей, но не меньше непримиримых противников.

Первым мы уделим всего несколько строк — не потому, что о них нечего сказать, и тем более не потому, что они не заслужили внимания, а по той причине, что задача данной статьи совсем иная. Ограничимся лишь упоминанием таких заграничных собратьев журнала советских атеистов, как «Аргументы» (ГНР), «Атеистична трибуна» (НРБ), «Атеизмус» (ЧССР), «Вилагошлаг» (ВНР), как «Раджоне», орган Итальянской ассоциации свободомыслящих имени Джордано Бруно. Все эти периодические издания много раз познакомили своих читателей с материалами «Науки и религии».

А теперь попробуем разобраться, какие проблемы и по каким причинам за истекшие 20 лет привлекали внимание недругов журнала, и установить, произошли ли какие-либо изменения в клерикальном осмыслении его публикации.

Сразу же отметим, что и по сей день основным предметом «научных изысканий» наших оппонентов продолжают оставаться такие надуманные вопросы, как мнимое нарушение прав верующих в СССР, подавление свободы совести и т. п.

Вместе с тем, однако, между начальным этапом клерикальной критики советского атеистического журнала и периодом, наступившим в конце 60-х годов, существует определенное различие. Если раньше наши противники охотно хватились за критические выступления журнала против неправильного отношения к верующим со стороны отдельных пропагандистов и даже должностных лиц, причем буржуазные интерпретаторы немедленно возводили единичные ошибочные действия в «принципы», то впоследствии они стали это делать значительно реже. Вместо этого ими был избран другой путь, особенность которого обнаруживается при сопоставлении западных источников разных периодов.

В середине прошлого десятилетия, например, в Лондоне появился ставший «бестселлером» и вскоре переведенный на ряд языков трактат антисоветчика Дж. Поллока «Христиане из Сибири». В нем автор обрушился на «Науку и религию» за то, что она-де «в сентябрьском номере за 1963 год заметила, что наиболее неисправимые верующие «могут быть удачно проработаны на собраниях, им можно угрожать увольнением» (стр. 155 итальянского издания). Но стоит взглянуть на страницу 4 указанного номера, чтобы убедиться — позиция журнала прямо противоположна: здесь сурово осуждаются те, кто уповал на подобные недопустимые меры. Будь Поллок действительно озабочен судьбой верующих, он мог бы лишь проникнуться уваже-

нием к подлинной ленинской гуманности атеистов. Но заботы у него, понятно, совсем иные.

Они проявились весьма отчетливо и при «анализе» статьи «Мимо цели» («Наука и религия», 1963, № 12), в которой критикуется один из идеологических работников г. Клиницы Брянской области за непонимание психологии верующего и бездушно-бюрократическое обращение с ним. Упоенно смакуя детали неуклюжей беседы несостоявшегося воспитателя с девушкой-баптисткой, Поллок тут же спешит сформулировать «вывод», ради которого он и обратился к этой статье: топорные методы раскритикованного в ней пропагандиста-де «отражают обычное отношение партии к христианам, проявившим себя на научном поприще» (стр. 164 книги). Попутно отметим, что попытка выдать упомянутую баптистку за научного работника явно неудачна, ибо речь в статье шла о... медицинской сестре. Куда важнее здесь другое: послушать мистера Поллока, то получается, что критикуемый «Наукой и религией» негодный пропагандист как раз и «олицетворяет линию партии» в данном вопросе. Тогда выходит, что журнал, поскольку он этого работника бичует, идет против линии партии. Впрочем, метод дезинформации, применяемый Поллоком, отнюдь не оригинален: давно известно, что наши недруги никак не могут удержаться от соблазна погреть руки на критических выступлениях советской печати.

Однако год за годом, по мере нашего продвижения вперед, поводов для такой критики становилось все меньше. А потребность в «жареном» у наших противников осталась. И поэтому они взяли на вооружение несколько иной метод.

На практике он выглядит примерно так. Понадобись, скажем, архивационному парижскому ежемесячнику «Катакомб» выпустить в октябре 1976 года «тематический» номер о «тяжкой участи» церкви и верующих в СССР. При сем его редакция клеветенно заверила, что выведет на чистую воду их притеснителей, опираясь исключительно на данные, опубликованные в советской печати. И «оперлась»! Повторив затасканный миф клерикального антикоммунизма о том, будто иерархия русской православной церкви стала, наравне с профессиональными дипломатами, важным орудием советской внешней политики, «Катакомб» затем передоверил осмысление сего «явления» нашей прессе. «Очень простое объяснение этому, — кликушествует он, — дает советский журнал «Наука и религия» (май 1969 г.): «Православная церковь будет терпима лишь до тех пор, пока она поддерживает советскую политику». Где же тут религиозная свобода? — патетически вопрошает антикоммунистический ежемесячник.

Но этот гневный вопрос было бы уместнее заменить другим: когда и где

писала такое «Наука и религия»? Нигде! Ни в мае, ни в другом месяце указанного, равно как и любого предшествовавшего или последующего года. На первый взгляд «приписка», сделанная «Катакомб», вроде бы и невелика. Но посмотрите только, какие выводы из нее извлекаются. Тут и «подтверждение» нелепейшего тезиса о том, будто внешняя политика СССР держится на двух китах — на дипломатическом корпусе и на... русской православной церкви. Тут и намеки на «беспринципность безбожников», вынужденных мириться с ее существованием из внешнеполитических расчетов, и, наконец, — заключение, что несмотря на «взвешенные государственной необходимости» религиозная свобода в стране все же сведена к нулю.

Чем, как не бесцеремонной фальшивкой, все это назвать? Хотелось бы, чтобы нас правильно поняли: мы клеем писак из «Катакомб» и им подобных изданий не потому, что они верующие, а потому, что это откровенные клеветники.

Пристальным вниманием «Науку и религию» удостоивает и западногерманский журнал «Остойропа», время от времени публикующий из нее переводы. При этом, однако, он обнаруживает сугубую педантичность: никаких «довесков», ни малейшего искажения первоисточника!

С чего бы это вдруг? Какой смысл одному из самых известных рупоров антисоветизма заниматься популяризацией воззрений, не совместимых с его собственными? Расчет не так уж сложен: завоевать доверие читателя, внушить ему, будто «Остойропа» стоит «над схваткой». А войдя в доверие, можно решить и главную задачу: снабдить публикации советского журнала такими комментариями, которые внесли бы «нужные поправки» в их содержание.

Так, редакция «Остойропы» поместила в № 1 за 1977 год перевод статьи А. Гайдиса «Католицизм и идеологическая борьба» («Наука и религия», 1976, № 8), снабдив его, разумеется, соответствующими комментариями. В одном из них, в частности, клеветнически утверждается, будто после 1968 года «преследование церкви в Литве усилилось». Кстати, непонятно, почему выбран именно этот временной рубеж. Западногерманские комментаторы далее признают (и на том спасибо), что статья А. Гайдиса «может вызвать интерес». Но почему? Оказывается, «прежде всего потому, что она с советской точки зрения осуждает католическую церковь и «тактику Ватикана» и тем самым косвенно подтверждает протесты литовских католиков». Но сколько бы вы ни вчитывались в статью нашего коллеги из Литвы, вы не найдете в ней ни малейшей, пусть даже самой косвенной, предпосылки для таких, с позволения сказать, выводов.

Другая «проблема», пленившая воображение клерикальных идеологов, —

ДЕЗИНФОРМАЦИИ

это миф о религиозном возрождении в СССР.

Вот, например, как в этом духе интерпретирует статью Г. Геродника («Наука и религия», 1966, № 11) один из авторов вышедшей в Голландии коллективной монографии «Западная религия» (1972 г.) У. Флетчер. На странице 579 сей «советолог» воспроизводит отрывок из названной статьи, в котором говорится, что из умерших в Риге лиц еврейской национальности 50 процентов были похоронены по ортодоксальному иудейскому обряду, 25 процентов — по религиозному ритуалу, отчасти измененному под влиянием новых традиций, и еще 25 процентов — по гражданскому обряду. Правда, публикация Г. Геродника изложена без отсебятины. Но и без комментариев. Пусть, мол, факты говорят сами за себя. Чем не «доказательство» широкого распространения «веры отцов» среди советских евреев?

И все же Флетчер искажает смысл того, о чем писал наш автор. Ибо у буржуазного религиоведа верно все, кроме... подразумеваемого им вывода. А в «Науке и религии» он сформулирован вполне четко. После того текста, который привел Флетчер, Г. Геродник продолжает: «Между тем иудейская религиозная община в Риге составляет незначительную часть еврейского населения... Вывод ясен: священнослужители хоронят не только верующих, но зачастую и неверующих...» Почему так происходит — в статье убедительно разъясняется.

Как видим, У. Флетчер способен не только на грубую фальсификацию, в какой прежде он уже уличался на страницах «Науки и религии», но и на фальсификацию уточненную, когда опубликованные журналом данные приводятся правильно, но выводы, из них вытекающие, «опускаются».

На втором десятилетии существования «Науки и религии» в нападениях на нее начинают прослеживаться определенные тенденции, на которых стоит остановиться подробнее.

Первая из них сводится к тому, что уже упоминавшееся «религиозное возрождение» всеми правдами и неправдами приписывается нашей молодежи, а это, по замыслу западных клерикальных критиков, призвано подвести к выводу, будто будущее в советском обществе принадлежит религиозно-идеалистическому мировоззрению. Это измышление стало своего рода «меченым атомом», кочующим по страницам буржуазных изданий, мечтающих о религиозном «пробуждении» в СССР.

Например, в 1976 году в Лондоне, в недрах «Центра по изучению религии и коммунизма», появилась книга «Молодые христиане в России». Ее авторы — руководитель «Центра» английский пастор Майкл Бурдо и Кэтрин Мэррей пытаются выискать на страницах «Науки и религии» материалы, якобы свидетельствующие о «массовом возрождении» религиозности среди со-

ветской молодежи. В частности, они тщатся доказать, будто журнал рекламирует сомнительные методы привлечения подростков к атеистической работе, призванные, мол, удержать их на материалистических позициях. Июльский номер «Науки и религии» за 1970 год, по словам Бурдо и Мэррей (стр. 140 их книги), якобы «сообщает, что ученикам одной из школ Полоцка было поручено вести атеистическое воспитание рабочих местного мясокомбината. На другие школы города возложены аналогичные обязанности на авторемонтном и стекольном заводах. Такого рода активное вовлечение в работу рассчитано на то, чтобы добиться более сознательной причастности к атеизму».

Все это, мягко говоря, неточно. В «Науке и религии» идет речь не об учениках, а об атеистах полоцких школ, которые действительно взяли шефство над перечисленными предприятиями. Но ведь школьные атеисты — это не только учащиеся, но и прежде всего учителя. Так кого же из них имел в виду журнал? Достаточно внимательно прочесть страницу 34 указанного номера, чтобы убедиться: во всех ее абзацах говорится о представителях интеллигенции — преподавателях, врачах и т. д.

Что это — случайность? Ошибка переводчика? Ведь если следовать за Бурдо и Мэррей, то получается, будто у нас детям поручают атеистическое воспитание взрослых в производственных коллективах! Комментарии, как говорится, излишни.

А в июне 1972 года «Наука и религия» (стр. 11), «сообщая о неудачных попытках перевоспитания баптистских детей в атеистическом духе, отмечает, что это всенародное дело». Ну что ж, давайте внимательно посмотрим не только 11-ю страницу, но и всю статью Л. Котляровой. Здесь действительно говорится о детях, выросших в сектантских семьях, однако описываются не только «неудачи», но и успехи их приобщения к атеизму. А главное, в статье нет ни слова о том, будто возникающие в этой связи воспитательные задачи становятся «всенародным делом». Опять подвел переводчик? Едва ли. Да и не нуждается в нем Бурдо, насколько известно. Скорее всего тут другое: сознательное желание раздуть «вопрос — не спорим, волнующий нашу атеистическую общественность и заслуживающий неослабного внимания — до размеров, коих он никогда не приобретал и приобрести не может. Ведь в той формулировке, которую сочли подходящей наши оппоненты, получается, будто детская, причем именно сектантская, религиозность достигла в нашей стране такого уровня, что встала в один ряд с важнейшими проблемами государственного значения.

Другая тенденция в этих поисках отражения «процесса религиозного возрождения» на страницах атеистичес-

кого журнала заключается в том, что сей «подъем» с особым рвением выискивается в тех материалах, где речь идет о наиболее экстремистских конфессиях.

Вот, например, как излагает статью В. Чунихина («Наука и религия», 1975, № 2) английский реферативный журнал «Эбсис» (июль 1975 г.). Нельзя сказать, что перед нами чистой воды фальсификация: среди наших идейных противников немало тех, кто хорошо понимает, что для создания эффекта беспристрастности всегда предпочтительнее держаться поближе к истине. И тем не менее «Эбсис» ухитряется вывести из названной статьи тезис о якобы «чрезвычайной активности» молодых баптистов «инициативников». Делается это посредством едва заметной операции, в итоге которой акценты в публикации советского атеиста оказываются слегка сдвинутыми.

Да, В. Чунихин действительно называет имена нескольких молодых людей, занимавших «руководящее положение» в общине СЦЕХБ г. Николаева. Но их «чрезвычайная активность» привела к тому, как говорится в статье, что «инициативники» теряют почву под ногами даже среди своих приверженцев. Потерпели неудачу и их попытки перетянуть молодежь из зарегистрированной общины баптистов (ВСЦЕХБ) и тем более — затея с созданием «опорного пункта» на обувной фабрике, где работает много молодежи.

Но обо всем этом «Эбсис» предостерегает умалчивает. Ведь ему требуется оттенить «особое приращение» юношей и девушек на ниве божьей, да не где-нибудь, а именно на экстремистском поприще.

Обратимся теперь к изданной в 1978 году в Англии капитальной монографии Кристел Лэйн «Христианская религия в Советском Союзе». Мы далеки от мысли изображать в мрачных красках все, что она пишет. Автор дважды побывала в СССР, встречалась с нашими исследователями, изучила, обобщила и во многом правильно осмыслила ряд советских атеистических публикаций. Но дань клерикальным штампам, естественно, отдает. В том числе и представлениям о некоей мифической «исконной и незыблемой набожности русского народа» на примере такой мелкой антиобщественной секты, как «истинно-православные христиане» (ИПХ).

А для подкрепления этого стереотипа К. Лэйн использует статью видного историка и социолога А. Клибанова («Наука и религия», 1972, № 3). Повторная поездка в Тамбовскую область спустя 12 лет позволила ему сделать вывод, что кризисные явления не обошли и ИПХ. Несмотря, например, на то, что вероучение запрещает им участвовать в общественно полезном труде, все больше сторонников этой секты обходят такой запрет. Но, излагая наблюдения А. Клибанова, К. Лэйн (стр. 87 ее книги) считает нужным противопоставить им один из трудов А. Демьянова,

в котором отмечается, что приверженцы ИПХ «по-прежнему не вступают в колхозы». Смысл «перекрестного допроса» двух советских источников состоит, видимо, в том, чтобы внушить мысль: «не все еще потеряно» — ИПХ какими были, такими и остались.

Разумеется, разница во мнениях между А. Клибановым и А. Демьяновым в принципе вполне возможна — как, впрочем, и между другими учеными в любой отрасли науки. Но так ли уж велико их несогласие в данном случае? Обратимся еще к одному выступлению «Науки и религии», а именно к статье другого исследователя сектантства — Э. Г. Филимонова (1974, № 8), в которой говорится: «Любопытные данные о новых тенденциях среди последователей «истинного православия» в Тамбовской области получил А. И. Демьянов. Он отмечает усиление процесса «обмирщения»... теперь многие из них добросовестно трудятся в колхозах и совхозах, в государственных предприятиях и учреждениях и не считают это грехом...»

А. И. Клибанов, опираясь на цифры и факты, указывает, что «сегодня численность представителей ИПХ неуклонно сокращается во всех районах их распространения». А комментирующая его статья К. Лэйн приходит к выводу: хотя и создается впечатление, что в течение последнего десятилетия ИПХ потеряли многих своих последователей, оно ошибочно: секта продолжает оставаться жизнеспособной, даже если некоторый спад и имеет место (стр. 89 книги). Чтобы обосновать эту точку зрения, английскому автору полагалось бы подкрепить ее доказательствами. Однако этого она не делает. Ибо при всем желании ИПХ «значительной» организацией назвать никак нельзя.

Еще одна тенденция, которая все отчетливее обнаруживается в поисках отблесков на страницах «Науки и религии» столь желаемого нашими недругами «религиозного возрождения» в СССР, выражается в попытках выпятить роль ислама в этом «процессе».

«Живейший интерес» клерикальных «советологов» в этом плане, в частности, вызывают работы советского исламоведа Н. Аширова. На одну из его статей («Наука и религия», 1971, № 9), например, ссылается Д. Пауэлл в своей монографии «Антирелигиозная пропаганда в Советском Союзе», выпущенной в 1978 году Массачусетским технологическим институтом (США). Н. Аширов же понадобился этому «советологу» для характеристики положения религии и верующих в «мусульманских республиках» Средней Азии. По мнению Д. Пауэлла, там «многие люди по-прежнему ищут религиозный способ удовлетворения своих потребностей в связи со значительными событиями в личной жизни» (стр. 80—82 монографии). При этом Д. Пауэлл пытается уверить читателя, будто сохранение приверженности определенной части населения этих республик к старым, исламским традициям и обычаям совершенно исключает одновременное участие таких людей в новых, гражданских, социалистических обрядах. Однако все это не имеет ничего общего с точкой зрения Н. Аширова, а представляет собой миф, милый сердцу Д. Пауэлла и его хозяев, заинтересованных в том, чтобы «закрыть путь»

в Среднюю Азию всему советскому, безрелигиозному.

В действительности же в статье Н. Аширова показано, что служители ислама «стремятся использовать в интересах религии даже процессы, свидетельствующие об оскудении веры», и что они не в силах сдержать натиск нового. «Сначала, — пишет советский автор, — они пытались воспротивиться гражданским обрядам и ритуалам, но, не получив поддержки со стороны верующих, изменили тактику. Теперь они иногда даже приветствуют новые обряды, не забывая, правда, разъяснять верующим, что все хорошее новое не противоречит исламу...»

Чем же вызван повышенный интерес «советологов» к этой религии? Далеко не в последнюю очередь — расчетами, столь же коварными, сколь и близорукими, использовать ее для разжигания националистических страстей. При этом наши недруги зачастую даже не пытаются скрыть подобные намерения.

Так, напечатан перевод статьи А. Шайдуллиной из мартовского номера «Науки и религии» за 1975 год, «Остойропа» (1975, № 11) в своем комментарии пишет, что в статье освещается опыт тех республик, которые до революции находились под влиянием ислама «и, следует добавить, находятся еще и сейчас, причем религиозное тесно связано с национальным». Подчеркивая эту якобы тесную связь, «Остойропа» подводит к выводу: сохранившееся, мол, в прежнем виде влияние ислама идет рука об руку со столь же «незыблемой» этнической замкнутостью». Шесть десятилетий социалистического строительства, огромная работа по интернациональному и атеистическому воспитанию — все это, оказывается, «не привело в «мусульманских» республиках к каким-либо сдвигам в общественном сознании».

«Остойропа» не упустила случая стать «посредником» между «Наукой и религией» и западногерманским читателем, переведя из советского журнала (1975, № 6) статью М. Шекихачева. И снова предварила перевод комментарием (1976, № 2), в котором утверждает, будто у «обоих мусульманских народов» (кабардинцев и балкарцев. — М. Г.) национальные обычаи имеют религиозное содержание, а это служит им «защитой от усиливающейся русификации».

Между тем М. Шекихачев не только разграничивает слившиеся воедино в последующей интерпретации «советологов» из «Остойропы» «национально-мусульманские» обычаи, но и показывает, что народные традиции нельзя рассматривать как некое нераздельное целое и что «одна из задач атеистического воспитания — выявить и использовать лучшие, прогрессивные черты в национальных обычаях и традициях... Кабардинцы и балкарцы, для которых русский язык стал вторым родным языком, — пишет далее автор, — приобщаются к достижениям отечественной и мировой культуры...» А вот комментаторы из «Остойропы» притягивают за волосы эти и другие положения статьи для подтверждения искомой ими «русификации».

Если «Наука и религия» обращает внимание на необходимость тесного взаимодействия атеистического и интернационального воспитания, то наши идейные противники одержимы забота-

ми противоположного свойства. Они тешатся, особенно там, где имеет определенное распространение ислам, закрепить религиозные предрассудки и с их помощью заронить в сознание хотя бы какой-то части советских людей предубежденность не только к «иноверцам» и «безбожникам», но и к «чужим» народам.

В целом же при сравнении того, что писали клерикальные интерпретаторы «Науки и религии» лет 10—15 тому назад, с тем, что они публикуют в последнее время, бросается в глаза следующее. Если в первые годы существования журнала любое его выступление встречалось клерикалами, что называется, в штаны, то ныне можно обнаружить и примеры относительно трезвого подхода к таким публикациям. Сошлемся на материалы международного симпозиума по проблемам модернизации религии в СССР, состоявшегося в 1976 году в Техасском университете, которые легли в основу сборника, изданного год спустя в штате Колорадо. Как симпозиум, так и книга — плоды деятельности антикоммунистических центров. И тем не менее, в сборнике обращает на себя внимание такой, например, момент: воспроизводятся, причем без искажений, высказывания литовского ученого И. Аничаса («Наука и религия», 1975, № 8) о модернизации католицизма в Литве, затем они сопоставляются с западным антисоветским изданием, в котором поднимается тот же вопрос, а в итоге делается вывод: их позиции противоположны, но Аничас частично прав, его тезисы важны, а потому заслуживают изучения («Религия и модернизация в Советском Союзе», 1977, стр. 352, 362).

Было бы абсурдно ожидать, что клерикальные идеологи согласятся с И. Аничасом не частично, а полностью. Но стремление как-то разобраться в выдвинутых им положениях — все же явление симптоматичное. Это лишь подтверждает, что от «принципа» огульного отрицания и отбрасывания всего, о чем пишет «Наука и религия», наши оппоненты стали иной раз отступать. Если в 60-х годах их писания представляли собой набор наветов и фальшивок, для видимости снабженных ссылками на советские источники, в том числе и на этот журнал, то в последние годы клерикальные критики предпочитают для вящей убедительности разбавлять свои домислы какой-то долей правды и полуправды.

Не следует, однако, обольщаться на сей счет. Генеральной линией западных комментаторов советской печати была и продолжает оставаться фальсификация — грубая вперемежку с «корректной». Но и той и другой мы будем и впредь давать своевременный, решительный и эффективный отпор, ибо наш долг, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», — помогать советским людям распознавать всю фальшь этой клеветнической пропаганды, в ясной, конкретной и убедительной форме разоблачать ее коварные методы.

г. Кишинев

В ТЕНИ ПЕРЕМЕН

В ПРОШЛОМ ГОДУ в Англии состоялась очередная, XI по счету, Всемирная епископская конференция англиканских церквей. Эти встречи известны также под названием Ламбетских конференций. Впервые подобный форум имел место в 1867 году в резиденции архиепископа Кентерберийского — Ламбетском дворце на берегу Темзы в Лондоне.

В ходе колониальной экспансии британского империализма его государственная религия, англиканство, распространилась за пределы метрополии, и со временем независимые англиканские церкви возникли во многих регионах мира, где господствовала британская корона. Сейчас все эти церкви являются автономными частями так называемого англиканского содружества. Будучи юридически независимы от главы британской англиканской церкви — архиепископа Кентерберийского и Йоркского, они считают нелишним время от времени согласовывать свои взгляды и разрабатывать более или менее общие установки по вопросам церковной политики. Этой цели и служат Ламбетские конференции, созываемые примерно раз в 10 лет.

Летом прошлого года в Англию съехались около 400 англиканских епископов со всего мира. Эта конференция, как и все предыдущие (последняя из них состоялась в 1968 г.), именовалась Ламбетской, хотя на сей раз ее заседания проходили не в Ламбетском дворце, а в студенческом университетском городке Кентского университета неподалеку от Кентерберийского собора. Делегаты-епископы разместились в пустовавших по случаю летних каникул студенческих общежитиях и обменивались мнениями в основном не пленарно, а в ходе неофициальных бесед, в условиях «студенческой жизни». Лишь последняя неделя конференции была отведена для официальных дискуссий с присутствием представителей прессы. Видимо, такой распорядок был данью своеобразному «демократизму», который ныне усиленно культивируется различными конфессиями на Западе. Тем же, видимо, объяснялось и то обстоятельство, что большинство делегатов одевались и вели себя как отпускники-миряне: ходили в рубашках с короткими рукавами и т. д. Журналисты поспешили отметить, что некоторые католические и особенно православные гости в своих черных рясах выглядели на этом пестром фоне как-то странно и неуместно.

Комментируя такой подчеркнутый неофициальный, «камерный» характер очередной Ламбетской встречи, некоторые органы печати объясняли эти ее особенности, в частности, тем, что XI конференция проходила в очень сложной для мирового англиканства обстановке. Ведь разногласия по ряду догматиче-

ских и культовых вопросов (о государственном статусе церкви, о женщинах-священниках и др.) даже при всей гибкости, свойственной англиканской доктрине, достигли весьма внушительных размеров. Организаторы конференции опасались, как бы эти разногласия не привели к ее расстройству. Непринужденная атмосфера, личные встречи епископов из разных стран, беседы в тиши пустующего летом студенческого городка призваны были способствовать выработке компромиссных решений.

А что дискуссии там порой и впрямь достигали высокой степени накала, видно хотя бы из того, что уже к концу второй недели конференции председательствовавший на ней архиепископ Кентерберийский оказался вынужден выступить с речью о «кризисе авторитета» в англиканстве. Только после подобного «внушения» делегаты наконец обсудили и одобрили предложенные резолюции. Кстати, перед этим один из епископов предложил провести 24-часовую голодовку в знак солидарности со всеми голодающими людьми земного шара.

Основной причиной раздора во время дискуссии стал вопрос о возможности возведения женщин в священнический сан. Эта проблема, как известно, стоит весьма остро во многих христианских церквях, в частности в католической, которые пытаются найти выход из кризиса путем учета новых социально-политических реальностей. Духовная иерархия не может также не считаться и с требованиями феминистского движения, вновь активизировавшегося в развитых капиталистических странах*.

Но в конце концов консервативному крылу англиканства пришлось пойти на компромисс, и конференция одобрила институт дьяконисс, явочным порядком введенный отдельными англиканскими церквями.

Другим предметом острых дискуссий на Ламбетской конференции стали межцерковные отношения, в частности оценка деятельности Всемирного совета церквей (ВСЦ), членами которого являются все англиканские церкви. Дело в том, что в последние годы ВСЦ принял несколько решений, вызвавших неодобрение определенных буржуазных кругов. В 1969 году, к примеру, он создал специальный фонд для поддержки в отдельных случаях народно-освободительных движений. А летом 1978 года, то есть незадолго до созыва Ламбетской конференции, фонд выделил более 40 тысяч фунтов стерлингов для нужд Патристического фронта Родезии. И хотя это было сделано с оговоркой,

что деньги предназначены на «гуманитарную» помощь, тем не менее подобный шаг вызвал возмущение в некоторых буржуазных кругах, а такая протестантская организация, как «Армия Спасения», в ответ на это решение даже объявила о своем временном выходе из ВСЦ.

Подобные голоса прозвучали и на Ламбетской конференции, среди участников которой, кстати, находились и англиканские епископы из расистских ЮАР и Родезии. Епископ Джон Барроу из Солсбери, например, выступил с клеветой на родезийских патриотов и призвал осудить ВСЦ за поддержку, которую он им оказывал. Впрочем, свое неодобрение этой акции ВСЦ, правда в более умеренной, завуалированной форме, высказали и некоторые другие англиканские епископы.

В конце концов делегаты решили воздержаться от оценок упомянутого шага ВСЦ и приняли резолюцию, выражающую поддержку его линии в целом. Наряду с этим она призвала ВСЦ «относиться с большей серьезностью к христианскому учению о роли насилия в человеческих отношениях».

Половинчатость и непоследовательность такой позиции отражала неоднородность состава прошлогодней Ламбетской конференции, где вместе заседали как защитники и сторонники апартеида, так и христиане, вносящие определенный вклад в борьбу против расизма. В подобной ситуации ничего большего, кроме распылчатых, ни к чему не обязывающих решений, нельзя было и ожидать.

Разумеется, XI Ламбетская конференция не могла пройти и мимо других жгучих проблем современности. Так, в декларации по вопросам войны и насилия англиканские епископы выступили против гонки вооружений и квалифицировали применение современной технологии для создания оружия массового уничтожения как «яркий пример всеобщей греховности человечества и злоупотребления даром божьим».

В заключение отметим, что тривиальный компромиссный характер дискуссий на очередной всемирной англиканской конференции, видимо, привел к тому, что даже английская буржуазная пресса почти не уделила ей внимания, чему, кстати, способствовало и то обстоятельство, что время ее проведения совпало с кончиной римского папы Павла VI и выборами его преемника, затмившими по своему значению даже это, в сущности, отнюдь немаловажное в международной церковной жизни событие.

г. Рига

* Более подробно об этом см. в статье Т. Благовой «Бог в жизни женщины». «Наука и религия», 1979, № 3.

В. В. Мееровский. ДЖОН ТОЛАНД. М.
«Мысль», 1979, 190 стр., 100 000 экз.,
20 коп.

Автор книги знакомит читателей с жизнью и научной деятельностью выдающегося английского философа-материалиста, представителя свободомыслия Нового времени Джона Толанда (1670—1722 гг.), рассматривает его философские взгляды (учение о материи, мышлении, теории познания), а также этические и социально-политические воззрения. Значительное место в работе отведено борьбе Д. Толанда с религиозными представлениями, его критике христианской религии и церкви.

Д. М. Угринович. ОБЩИЙ КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА И РЕЛИГИЯ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 5), 1979, 64 стр., 48 170 экз., 11 коп.

В брошюре раскрывается сущность современного кризиса религии как одного из проявлений общего кризиса капитализма. На большом социологическом материале автор показывает процессы секуляризации в современном буржуазном обществе. В то же время анализируются и тенденции к воспроизводству религии, вытекающая из капиталистической системы.

В. В. Бабенко. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ. УБЕЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА. Киев—Одесса, «Вища школа», 1979, 143 стр., 1 500 экз., 1 руб. 10 коп.

Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт. ЗОДЧЕСТВО СМОЛЕНСКА. XII—XIII вв. Л.
«Наука», 1979, 414 стр. с илл., 17 100 экз., 2 руб. 30 коп.

П. М. Золин. ЮРЬЕВО. Путеводитель. Лениздат, 1979, 64 стр. с илл., 50 000 экз., 15 коп.

Б. Д. Комиссаров. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕЙ БИОЛОГИИ В СРЕДНИХ ПРОФТЕХУЧИЛИЩАХ. М., «Высшая школа», 1979, 69 стр., 25 000 экз., 10 коп.

«МОЗАИКИ И ФРЕСКИ СОФИИ КИЕВСКОЙ». Альбом. Киев, «Мистецтво», 1979, 77 стр. с илл., 70 000 экз., 1 руб. 50 коп.

«ПОВЕСТЬ О БОЯРЫНЕ МОРОЗОВОЙ». Л., «Наука», 1979, 226 стр. с илл., 10 000 экз., 1 руб. 10 коп.

М. Н. Серебрякова. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ТУРЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ. Новейшее время. М., «Наука», 1979, 168 стр., 3 550 экз., 95 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Д. Аптенман. Система партийной учебы как средство формирования атеистической убежденности. «Политическое самообразование», 1979, № 5, стр. 109—112.

Д. А. Ахундов. Храмы Ирака в эпоху первых Ахеменидов. их реставрация и реконструкция. «Известия АН АзССР». Серия истории, философии и права. Баку, 1978, № 2, стр. 46—56.

А. Бабий. На пути к духовной свободе. Рецензия на кн.: И. Цуркан. К духовной свободе. «Кодры». Кишинев, 1978, № 10, стр. 145—148.

Ю. Е. Березкин. Люди, звери и боги мочика. «Природа», 1979, № 5, стр. 88—97.

В. Н. Вараздин. Реакционная основа союза сионизма с иудаизмом. «Вестник Моск. унта». Теория научного коммунизма, 1978, № 5, стр. 66—73.

М. В. Вагабов. Шарнатский брак и его вредные социальные последствия. «Известия Сев.-Кавк. научного центра высшей школы». Общественные науки. Ростов-на-Дону, 1978, № 2, стр. 93—97.

В. И. Гараджа. Религиозная идеология и современное общественное развитие. В кн.: Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978, стр. 305—324.

С. Земляной. Церковь и политика. Рецензия на кн.: «Религия и церковь в современную эпоху». «Мировая экономика и международные отношения». М., 1978, № 11, стр. 155—157.

И. Г. Иванов. Значение ленинской критики фидеизма для борьбы с современной религиозной идеологией. «Философские науки», 1979, № 3, стр. 49—55.

А. И. Комиссаренко. Рецензия на кн.: Н. А. Вулыгин. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. «История СССР». 1979, № 3, стр. 189—191.

Л. А. Корнеев. Палестинофильство и ранний сионизм. «Вопросы истории», 1979, № 5, стр. 204—209.

М. Ф. Косарев. О культе дерева у кулайцев. В кн.: «Ранний железный век Западной Сибири». Томск, 1978, стр. 93—95.

М. Косман. Эволюция язычества в Прибалтике. «Вопросы истории», 1979, № 5, стр. 30—44.

А. И. Мазин. Жертвенник у писаницы выше поселка Суон-Тит. «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия общественных наук. Новосибирск, 1978, № 11, вып. 3, стр. 96—103.

М. Е. Массон. Отголоски языческих представлений о человекоподобных существах, обитаемых в Мургабе. «Известия АН Туркменская ССР». Серия общественных наук. Ашхабад, 1978, стр. 85—86.

С. И. Никишов. Конституция СССР о свободе совести. В кн.: «Конституция СССР — манифест развитого социализма». М., 1978, стр. 50—59.

«Общественное сознание и духовная культура». Таллин, 1978. Из содержания: **Д. И. Эрпорт.** Современная мистика под маской науки, стр. 40—42; **Н. А. Виммсааре.** О месте атеизма в комплексе коммунистического воспитания, стр. 67—68.

«Проблемы развития современной науки». Новосибирск, 1978. Из содержания: **А. П. Окладников.** Проблемы генезиса религиозной формы сознания в свете современных открытий археологической науки, стр. 285—296; **А. Т. Москаленко, А. А. Чечулин.** Методология изучения межличностных отношений в культовых сообществах, стр. 306—332; **А. Т. Москаленко.** Ограниченность исторического подхода Гегеля к исследованию религии, стр. 332—347.

М. Ю. Рошин. Халиф ал-Хаким и установление теократии в фатимидском Египте. «Народы Азии и Африки». М., 1978, № 5, стр. 132—140.

В. И. Рутенбург. Возрождение и религия. В кн.: «Типология и периодизация культуры Возрождения». М., 1978, стр. 16—25.

Ю. А. Самар. Пережитки ритуальной охоты на тотемное животное у нанай самаров. «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серия общественных наук. Новосибирск, 1978, № 11, вып. 3, стр. 143—145.

© Бессмертна только душа, целиком вложенная в дело.

© Если пастырь верит в бессмертие, жизнь пастыря в опасности.
Нина и Константин ШЕХОВЦЕВЫ

© Пока есть ангелы, черти не переведутся.

© Распял себе душу, чтобы сохранить тело.

© Тринадцать апостолов — это чертова дюжина?

Ариадий ДАВИДОВИЧ
г. Воронеж

© В молитве «Отче наш» верующий обращается к богу: «Не введи нас во искушение». Что бы это значило?

Валентина ГОРЯНОВА
г. Одесса

ПОРТРЕТЫ РАФАЭЛЯ
И СОДОМЫ. Деталь фрески
Станцы делла Сеньятура.
1510—1511. Ватикан, Рим.

МАДОННА В ЗЕЛЕНИ.
Деталь. 1505. Вена,
Художественный музей.

ПОРТРЕТ ПАПЫ ЛЬВА X.
1517—1519. Флоренция,
Галерея Питти.

В следующем номере

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОСПИТАНИЯ

О целенаправленной деятельности по мировоззренческому воспитанию трудящихся в свете Постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» рассказывает секретарь ЦК Компартии Латвии И. АНДЕРСОН.

Пропагандист, лектор — главная фигура в системе коммунистического воспитания. Его многогранной и сложной работе посвящены очерки, статьи, заметки раздела «Практика: опыт, проблемы».

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ — одна из постоянных рубрик нашего журнала. В этом разделе «Снова о крестиках и святых письмах», «Светоч разума», «Начало моего неверия», «Правильно ли я прожил жизнь?»

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И БУДДИЗМ

Когда и почему буддизм привлек к себе внимание русской общественной мысли? Какие мнения вызывал? На эти и другие вопросы отвечает статья доктора философских наук А. КОЧЕТОВА.

ТАЙНЫ ДАЛЕКОЙ ПЛАНЕТЫ

Венера — таинственная «Утренняя звезда» — издавна интересовала людей. О том, как создаются автоматические приборы для ее изучения, говорится в очерке журналиста В. ГУБАРЕВА.

В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

О напаках зарубежных апологетов клерикализма на конституционное право подлинной свободы совести в Советской стране рассказывает статья кандидата философских наук М. АБРАМОВА.

НИРВАНА, САНГХА И ПОЛИТИКА

Очерк В. ЯКОВЛЕВА о быте, нравах и роли буддистской общины в жизни республики Шри Ланка [Цейлон].